

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 2 (179). Февраль, 2019

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор

Н. В. Патроева, доктор филологических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.

Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

Редакционный совет

В. Н. БАРЫШНИКОВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, профессор,
Московский гуманитарный университет
(Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

доктор философии, Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

доктор филологических наук, профессор, Президент
международного общества Достоевского (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

доктор филологических наук, профессор,
Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

кандидат филологических наук, профессор кафедры
русского языка, Университет Даёти (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

доктор философии по филологии,
Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук, профессор,
Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Редакционная коллегия

В. И. ГОЛДИН

доктор исторических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Ю. М. КИЛИН

доктор исторических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

С. Г. КАЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

доктор исторических наук,
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, Карельский научный
центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Институт лингвистических
исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

доктор филологических наук, профессор, академик РАН,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Т. РУСЕН

доктор философии, Гётеборгский университет
(Гётеборг, Швеция)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ

доктор исторических наук, профессор,
Институт российской истории РАН
(Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

доктор философии, Славянский институт
Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

доктор филологических наук,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

доктор исторических наук, профессор,
Университет Тромсё – Арктический университет
Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. А. РАЗУМОВА

доктор исторических наук, профессор,
Кольский научный центр РАН
(Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

кандидат исторических наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

А. М. ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

доктор исторических наук, профессор,
Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

доктор философии,
Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)

М. И. ШУМИЛОВ

доктор исторических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 2 (179). February, 2019

Chief Editor
Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor
Natalia V. Patroeva, Doctor of Philological Sciences, Professor

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petsru.ru

Editorial Council

V. BARISHNIKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Moscow University for the Humanities
(Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philological Sciences, Professor, President
of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Armenian National Academy of Sciences (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

Professor, University of Dzeti (Tokyo, Japan)

T. LÖNNGREN

Doctor of Philosophy and Philology,
Artic University of Norway (Tromsø, Norway)

I. MULLONEN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic
Studies of RAS (Saint Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Academician, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)

TH. ROSÉN

Doctor of Philosophy, University of Gothenburg
(Göteborg, Sweden)

E. SENYAVSKAYA

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russia)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy
of Sciences of Czech Republic
(Prague, Czech Republic)

N. FATEEEVA

Doctor of Philological Sciences,
Vinogradov Institute of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Herzen State Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

V. GOLDIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Northern Arctic Federal University named after
M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

YU. KILIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

S. KASCHENKO

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of Historical Sciences, Karelian
Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONOZHENKO

Candidate of Historical Sciences,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg
State University (Saint Petersburg, Russia)

K. MYKLEBOST

PhD, Professor,
UiT – The Arctic University of Norway
(Tromsø, Norway)

I. RAZUMOVA

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

Candidate of Historical Sciences, National
Research University “Higher School of Economics”
(Moscow, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Komi Science Centre
of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy,
University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

M. SHUMILOV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Васильева Т. А.</i>	
Технология древнего гончарства эпохи неолита на территории Карелии	8
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Пигин А. В.</i>	
Сочинения о Св. Александре Ошевенском в рукописях из монастырей, церквей и личных библиотек Каргополья	18
<i>Каменев Е. В.</i>	
Союз Благоденствия как «партия нового типа» (коннотации в монографии М. В. Нечкиной «Движение декабристов»)	25
<i>Осипов А. Ю.</i>	
Современные проблемы историографии экологического туризма.....	33
<i>Попов С. А.</i>	
Источники для изучения грамотности крестьянских должностных лиц в Кomi крае в последней четверти XIX века.....	41
<i>Смирнова Н. В., Банит С. В.</i>	
Г. Т. Тюнь и развитие отечественной индонезистики	48
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Попов А. Д., Романько О. В.</i>	
Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик	55
<i>Абуков С. Н.</i>	
К вопросу о причинах и обстоятельствах насилия-ственного постижения Рюрика Ростиславича	63
Научно-практическая конференция «Проекты Петра Великого. Роль “Осударевой дороги” в истории и культуре России»	
<i>Мегорский Б. В., Паиков А. М.</i>	
Василий Петрович Мегорский как исследователь Петровской эпохи	70
<i>Кожевникова Ю. Н.</i>	
«Монастырское» законодательство Петра I и монашество Олонецкого уезда в первой половине XVIII века	81
<i>Мельнов А. В.</i>	
Северная война в Северном Приладожье (1700–1710): военные действия и местное население	85
<i>Ружинская И. Н.</i>	
Религиозность Петра I в контексте витальной ситуации	94
<i>Петрова М. И.</i>	
Сподвижник Петра I В. И. Геннин и его имение Асила в Хийтольском погосте Кексгольмского уезда	101
<i>Старицын А. Н.</i>	
Взаимоотношения Выго-Лексинского общежительства с государством в первой четверти XVIII века	108
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ	
<i>Разумова И. А., Сулейманова О. А.</i>	
Саамские сетевые сообщества в «этническом Интернете» России	114
Научная информация	123
Contents	124

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrsu.ru/req.php>

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка С. П. Ивановой

Подписано в печать 25.02.2019. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 65 экз.). Изд. № 24

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Профессор,
доктор исторических наук
A. M. Пашков

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

В Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, от 10.01.2019 года наш журнал представлен тремя отраслями науки: литературоведением, языкоznанием и историей с научными специальностями:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки),
- 07.00.03 – Всеобщая история (исторические науки),
- 07.00.06 – Археология (исторические науки),
- 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки),
- 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

В течение этого года выйдет 4 номера, посвященных историческим наукам. Бесспорным украшением данного выпуска стала подборка статей, сделанных на основе докладов, прозвучавших на конференции «Роль “Осударевой дороги” в истории и культуре России» (Петрозаводск, 19 сентября 2018 года). Статья Б. В. Мегорского (Санкт-Петербург) и А. М. Пашкова (Петрозаводск) посвящена изучению жизни и деятельности крупнейшего дореволюционного историка Петровской эпохи в Карелии В. П. Мегорского. Особый интерес статье добавляет тот факт, что один из авторов является правнуком ее героя, а также использование в статье редких фотографий из фамильного архива.

Особо хочу отметить статью исследователя из Выборга А. В. Мельнова «Северная война в Северном Приладожье (1700–1710): военные действия и местное население». Он сумел найти ценную информацию о забытом сражении Северной войны – взятии шведскими войсками русского укрепления в деревне Погранкондуши в 1704 году. Информация об этом сражении не привлекала особого внимания историков, хотя и была отмечена даже на страницах «Походного журнала» Петра I. «Вишенкой на торте» в данной статье стала публикация сделанного шведскими военными и полученного автором из шведских архивов плана этой крепости.

Известный московский исследователь истории старообрядчества А. Н. Старицын представляет свою статью о взаимоотношениях старообрядцев ВыгоЛексинского общежительства с государством в Петровскую эпоху. И. Н. Ружинская на примере одного эпизода из биографии Петра I – его спасения во время бури на Белом море 1 (11) июня 1694 года – исследует особенности религиозности царя. Аспирант ПетрГУ М. И. Петрова посвятила свою статью истории имения Асила в Северо-Западном Приладожье, подаренного Петром I своему сподвижнику В. И. Геннину.

Хочется надеяться, что публикации внесут свой вклад в изучение Петровской эпохи и будут интересны не только исследователям, но и всем, кто интересуется отечественной историей.

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ВАСИЛЬЕВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археологии Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
Tattyva@list.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ГОНЧАРСТВА ЭПОХИ НЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ*

Изготовление керамики и использование ее в повседневной жизни древними обществами на территории Карелии начинается с середины V тыс. до н. э. Именно керамика и ее орнаментация остаются основными культурно-определяющими маркерами населения каменного века – эпохи раннего металла. При изучении этого источника применен комплексный подход, позволяющий реконструировать основные этапы развития гончарного ремесла. В статье представлены результаты исследования технологии изготовления ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики эпохи неолита – раннего энеолита (конец V – начало III тыс. до н. э.).

Ключевые слова: неолитическая керамика, древнее гончарство, технология, конец V – начало III тыс. до н. э., Карелия

Древнее керамическое производство остается малоизученной и актуальной темой в археологических исследованиях. Для памятников эпохи неолита на территории Карелии глиняная посуда является наиболее представительной категорией артефактов. Керамика и ее орнаментация остаются приоритетными маркерами, характеризующими особенности развития древних культур.

Гончарная технология складывалась из опыта нескольких поколений и направлена на превращение исходного сырья в готовые изделия. Первая стадия включала отбор, добычу, обработку исходного сырья и составление формовочной массы. Вторая – конструирование сосудов, приданье формы и механическую обработку поверхностей. На закрепительной стадии глиняная посуда приобретала прочность и была готова к использованию [1: 8–11]. Основными задачами статьи являются исследования начальной стадии древнего гончарства, в частности выбора пластинчатого материала и приготовления формовочной массы.

Изучение древней керамики как готового изделия в рамках комплексного подхода позволяет получить информацию об особенностях технологии ее изготовления (источники сырья, составы формовочных масс и качественные характеристики компонентов, условия обжига и пр.). В последнее время особое внимание уделяется привлечению естественно-научных методов и экспериментального моделирования при изучении археологической керамики на территории Карелии [16]. В результате при анализе глиняной посуды позднего неолита – раннего энеолита удалось выделить несколько рецептов формовочных

масс, состоящих из основного сырья, минерального компонента (отощителя) и органической добавки [8], [9]. Глина составляет порядка 60–80 % от формовочной массы. Это пластинчатое сырье широко распространено на территории Карелии, в том числе и в непосредственной близости от древних поселений, но прямые свидетельства его применения для изготовления глиняной посуды на конкретном памятнике отсутствуют. Исключение составляют хозяйствственные ямы, доходящие до слоя глины, которые могли использовать для ее добычи [2: 30].

Древняя керамика состоит из нескольких компонентов, включающих непосредственно глину, отощенную минеральными добавками и органическими примесями, при этом сам глинистый компонент хорошо узнаваем даже при небольшом увеличении. Для определения и соотнесения изделий по составу глинистого компонента с непосредственными источниками сырья использованы геохимические анализы (ICP-MS) для прозрачного изучения химического состава тонкозернистой глинистой фракции в образцах керамики и глинистого сырья. Для точечного отбора образцов глинистой массы успешно апробирована масс-спектрометрия с локальным лазерным отбором проб (метод лазерной абляции LA-ICP-MS). Этот метод по праву является перспективным в геохимических исследованиях [4], [5], [10]. Обнаружение концентрации редких и редкоземельных элементов (REE) в образцах служит геохимическим маркером, в том числе для керамики, и позволяет идентифицировать породы и объекты исследования [17], [18], [19].

На примере анализа образцов гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики позднего неолита – раннего энеолита из эталонных памятников на территории Карелии¹ удалось обосновать местный характер происхождения изучаемой ке-

рамики. Общее количество образцов составило 55, из них 34 представлены керамикой (19 гребенчато-ямочной (ГЯ²) и 15 ромбо-ямочной (РЯ)) (О–1–34) и 21 глинистым сырьем из нескольких месторождений (О–35–55) (табл. 1).

Таблица 1

Данные по геохимическим исследованиям образцов

№ об-разца	Название объекта	Район	Описание	Показатели (ppm)			
				Li	Ti	Zr	Nb
O-1	Кудома XI	Сямозеро	Ря ¹ (кя), № 221/1046	45,46	3691	766,8	76,89
O-2	Кудома XI	Сямозеро	Ря (кя), № 221/840	57,38	3785	760,1	120,7
O-3	Кудома XI	Сямозеро	Ря, № 154/351	43,6	1209	908,4	143,3
O-4	Кудома X	Сямозеро	Ря (оя), № 220/1359	167,2	3869	792,6	89,15
O-5	Кудома X	Сямозеро	Ря, № 220/265	31,31	3408	1327	84,43
O-6	Кудома X	Сямозеро	Ря (гя), № 153/558, 588	73,75	4261	742,8	80,04
O-7	Кудома X	Сямозеро	Ря, № 153/805	282,2	2022	740,9	213
O-8	Кудома X	Сямозеро	Ря (кя), № 220/156	89,3	1647	822,8	212,6
O-9	Пегрема I	Онежское озеро	Ря, № 721/3	302,1	1968	708	172
O-10	Пегрема I	Онежское озеро	Ря, № 721/1373	126,9	839,4	445,5	91,74
O-11	Пегрема I	Онежское озеро	Ря (оя), № 721/348	252,8	1863	694,8	180,2
O-12	Пегрема II	Онежское озеро	Гя, № 663/13	387,6	1881	703,8	150,4
O-13	Пегрема II	Онежское озеро	Гя (кя), № 663/14	159,3	1456	1595	151,6
O-14	Пегрема II	Онежское озеро	Гя (кя), № 663/3	247,2	2239	824,3	197,8
O-15	Деревянное I	Онежское озеро	Ря (оя), № 3336/2	246,8	2348	864,5	232,3
O-16	Деревянное I	Онежское озеро	Ря, № 1681/332	188,3	2080	594	82,95
O-17	Деревянное I	Онежское озеро	Ря (оя), № 1681/803	130,5	2815	678,1	119,3
O-18	Деревянное I	Онежское озеро	Ря, № 1681/301	81,93	1505	598,2	77,1
O-19	Деревянное I	Онежское озеро	Ря (оя), Без №	327,9	2928	916	111,3
O-20	Деревянное I	Онежское озеро	Гя, № 1681/349	199,8	1576	815,9	175,8
O-21	Деревянное I	Онежское озеро	Гя, № 1681/351	98,12	2127	623	96,15
O-22	Залавруга I	Белое море	Гя (кя), № 378/258	75,18	2392	700,6	96,1
O-23	Залавруга I	Белое море	Гя, № 378/447	138,8	6346	1684	254,3
O-24	Залавруга I	Белое море	Гя, № 378/548	287,2	4074	1592	451,6
O-25	Залавруга II	Белое море	Ря, № 282/10	258,4	3770	866,4	338
O-26	Залавруга II	Белое море	Ря (оя), № 738/315	318,3	2061	629,3	217,2
O-27	Залавруга II	Белое море	Ря (кя), № 379/79	110,3	2815	759,3	252,7
O-28	Вигайнаволок I	Онежское озеро	Гя (оя), № 330/10323	41,96	2466	1054	47,97
O-29	Вигайнаволок I	Онежское озеро	Ря (гя), № 330/7317	218,4	3380	1469	313,2
O-30	Вигайнаволок I	Онежское озеро	Гя, № 368/315	53,06	2232	1114	58,59
O-31	Вигайнаволок I	Онежское озеро	Ря (оя), № 368/1446	162,8	1885	751	80,53
O-32	Вигайнаволок I	Онежское озеро	Ря (кя), № 368/1181	186,6	2192	689,7	199,5
O-33	Вигайнаволок I	Онежское озеро	Ря, № 368/4250	57,02	3890	769,9	88,37
O-34	Вигайнаволок I	Онежское озеро	Ря, № 368/3477	193,4	2780	569,7	66,66
O-35	Глина	Корза, Сямозеро	Глина светлая, глубина 1 м	16,94	2643	18,42	67,59
O-36	Глина	Корза, Сямозеро	Глина темная, глубина 1 м	17,22	2665	17,18	70,36
O-37	Глина	Лахта-Кудама Сямозеро	Глина запесоченная, глубина 0,65 м	8,03	1514	14,76	53,40
O-38	Глина	Лахта-Кудама Сямозеро	Глубина 0,85 м	6,98	2051	16,36	45,01
O-39	Глина	Лахта-Кудама Сямозеро	Глубина 1 м	8,20	2134	15,90	44,30
O-40	Глина	Лахта-Кудама Сямозеро	Глубина 1 м	6,64	2165	16,00	44,46
O-41	Глина	Пегрема, Онежское озеро	Обнажения, глубина 0,2 м	37,71	8681	22,66	120,20
O-42	Глина	Пегрема, Онежское озеро	Обнажения, глубина 0,3 м	38,43	6555	25,54	122,30
O-43	Глина	Корза, Сямозеро	Необожженная, глубина 0,7 м	229,4	1639	700	159,8
O-44	Глина	Корза, Сямозеро	Обожженная, глубина 0,7 м	141,2	1336	505,2	121,3
O-45	Глина	Рыбрека, Онежское озеро	Необожженная, глубина 1 м	180,3	1361	1014	144,1

Окончание табл. 1

№ об-разца	Название объекта	Район	Описание	Показатели (ppm)			
				Li	Ti	Zr	Nb
O-46	Глина	Рыбека, Онежское озеро	Обожженная, глубина 1 м	87,85	2632	360,4	62,56
O-47	Глина	Рыбека, Онежское озеро	Необожженная, глубина 0,8 м	131,9	2075	841,7	77,93
O-48	Глина	Рыбека, Онежское озеро	Обожженная, глубина 0,8 м	128,8	1925	536,9	84,82
O-49	Глина	Пудож, Онежское озеро	Необожженная, глубина 0,7 м	132	3557	962,7	190,8
O-50	Глина	Пудож, Онежское озеро	Обожженная, глубина 0,7 м	123	2450	1027	270,5
O-51	Глина	Белое море	№ 1, глубина 0,5 м	7,31	1311	13,20	31,64
O-52	Глина	Белое море	№ 2, глубина 0,7 м	75,62	1367	398,4	24,7
O-53	Глина	Белое море	№ 3, глубина 0,7 м	72,47	1598	497,8	26,88
O-54	Глина	Залавруга, Белое море	№ 4, глубина 0,8 м	178,1	5575	443,7	199,4
O-55	Глина	Залавруга, Белое море	№ 5, глубина 0,8 м	535,6	7062	1254	105,6

Примечание. ¹ – керамика по используемым элементам орнамента: ря – ромбо-ямочная, оя – овально-ямочная, кя – кругло-ямочная, гя – гребенчато-ямочная.

В исследовании использованы различные источники сырья. В двух районах произведена выборка пластинчатого сырья на разной глубине залегания на северном побережье оз. Сямозера (O-37–40) и в районе Юго-Западного Прибеломорья (O-51–55). Из района Белого моря часть образцов связана с морской глиной (O-51–53), другая получена из болота в местечке Старая Залавруга, в окрестностях поселений Залавруга I, II (низовье р. Выг). На побережье оз. Сямозера (южная Карелия) часть глинистого материала добыта из высушенного болота в районе д. Корза – пос. Эссойла (O-43, O-44), другая – с северного побережья озера, из района д. Лахта – пос. Кудама (O-37–40). В Уницкой Губе в местечке Пегрема выходы глины зафиксированы на прибрежной полосе Онежского озера (O-41–42) рядом с памятниками Пегрема I–II. Выборка дополнена образцами глин с юго-западного (д. Рыбека, O-45–48) и восточного (г. Пудож, O-49–50) побережья Онежского озера (рис. 1).

Выполнение аналитического исследования произведено на квадрупольном масс-спектрометре X-SERIES 2 (Termoscientific) в аккредитованном Испытательном центре анализа вещества Института геологии КарНЦ РАН. В результате аналитических исследований определена концентрация в пробах следующих элементов: Li, Be, P, Sc, Ti, V, Cr, Mn, Co, Ni, Cu, Zn, Ga, Rb, Sr, Y, Zr, Nb, Mo, Ag, Cd, In, Sn, Sb, Te, Cs, Ba, La, Ce, Pr, Nd, Sm, Eu, Gd, Tb, Dy, Ho, Er, Tm, Yb, Lu, Hf, Ta, Tl, Pb, Bi, Th, U. Установлено, что наибольшее различие в глинах, используемых для изготовления керамики, отмечается для Ti, V, Cr, Y, REE (La, Ce, Pr, Nd, Sm, Eu, Gd, Tb, Dy, Ho, Er, Tm, Yb, Lu). По содержанию указанных элементов возможно классифицировать исследуемые образцы керамики и сырья. Графический анализ полученных данных приведен на бинарных диаграммах, построенных для элементов, имеющих контрастное поведение в природных процессах. В бинарных системах Ti–Li, Nb–Zr (в ppm [1 грамм на тонну = 0,0001 %]) фигулярные точки образцов формируют области с разными концентрациями

элементов в образцах с различными геохимическими характеристиками (рис. 2, 3).

Для сравнительного анализа с каждого образца получена серия данных (по три участка и усредненное значение). Проработка нескольких вариантов диаграмм с разными элементами позволяет установить корреляцию данных и переверить имеющиеся зависимости. Диаграммы построены с учетом средних показателей

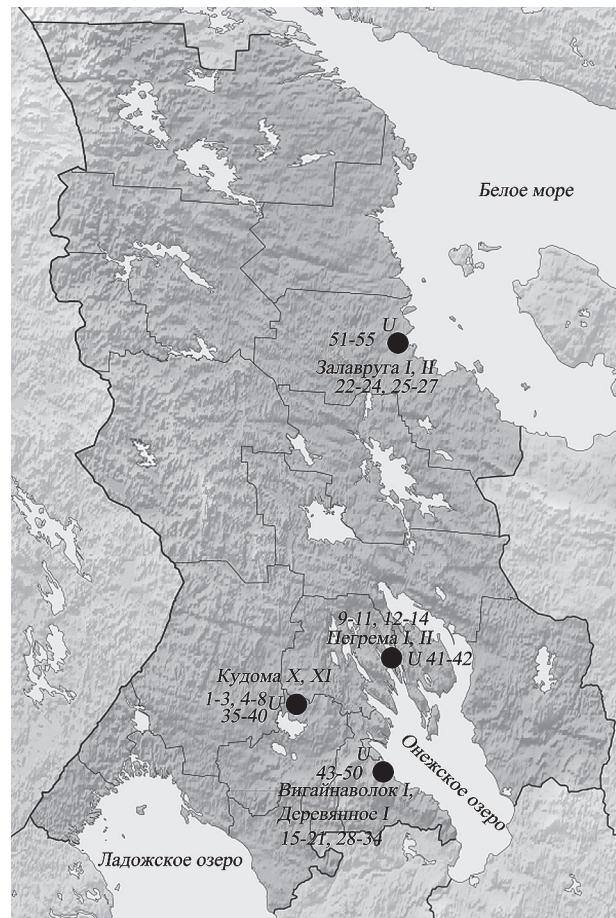
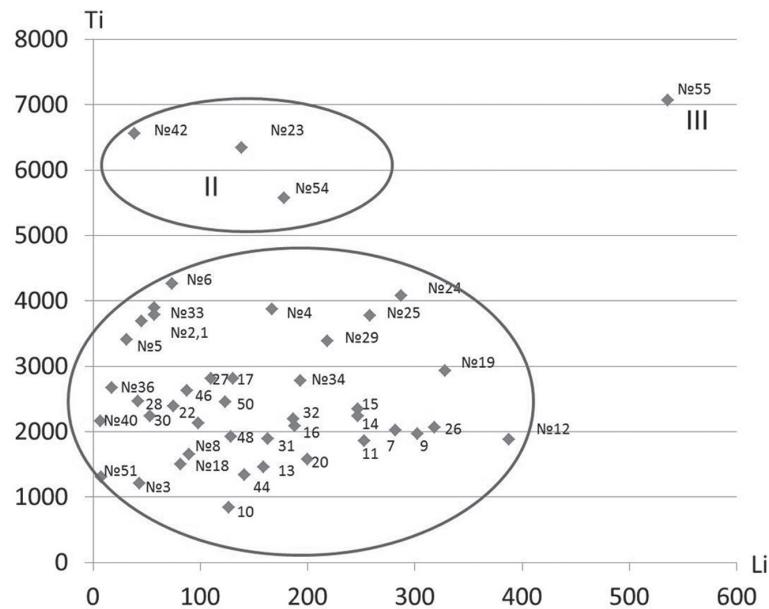

Рис. 1. Памятники и местонахождения на территории Карелии

2. Диаграмма 1 образцов по показателям Ti–Li (ppm)

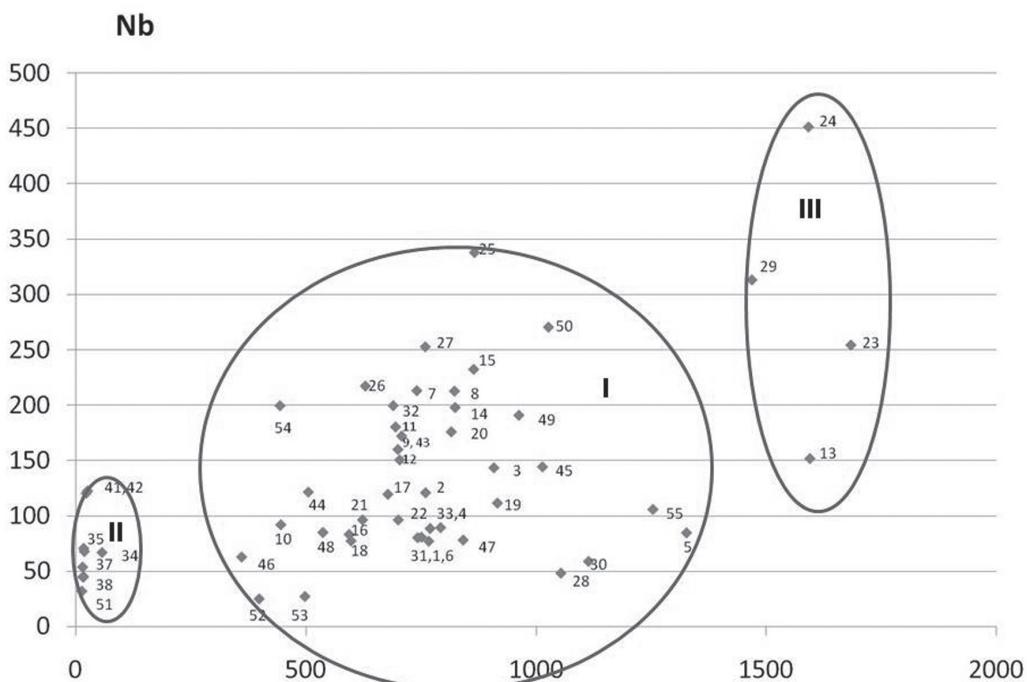

Рис. 3. Диаграмма 2 образцов по показателям Nb-Zr (ppm)

(см. табл. 1). При сопоставлении значений в каждом случае намечается интервал, вероятно, связанный с условиями формирования пластинчатого материала. Так, в бинарной системе Nb-Zr O-54 и O-55 отдалены друг от друга, хотя происходят из одного источника сырья в местечке Залавруга (Белое море), та же ситуация наблюдается в O-41 и O-42 для выходов глин в местечке Пегрема (Онежское озеро) и др.

Часть образцов глины растирта до состояния порошка, так как они изначально не были

пригодны для лазерной абляции в силу механического размельчения. Это пробы глин из Корзы (О-35-36), Лахты – Кудамы (О-37-40), Пегремы (О-41, 42), Белого моря (О-51).

Проанализируем полученные данные в бинарных системах Ti–Li (см. рис. 2) и Nb–Zr (см. рис. 3). На обеих диаграммах намечается центральная группа I, в которую входит основная часть образцов керамики и глины. Такая ситуация свидетельствует о местном характере исследуемых материалов. Следовательно, можно говорить

о сохранении единой традиции в использовании сырья для посуды в позднем неолите – раннем энеолите. Этот вывод подтверждается при работе с коллекциями памятников южной и северной Карелии: исследуемая керамика представляет собой типологически однородную массу по морфо-, орнаментальным и технологическим признакам. В результате вполне ожидаема тождественность показателей образцов глины и керамики из удаленных друг от друга территорий. По диаграмме 1 (см. рис. 2) О–17 (Деревянное I), О–22 (Залавруга I), О–27 (Залавруга II), О–28, 30 (Вигайнаволок I) – образцы с ГЯ близки глинам из разных, но в то же время территориально близких источников сырья, расположенных на юго-западном побережье Онежского озера и северном берегу оз. Сямозера (О–40 (Лахта – Кудама), О–46 (Рыбрека).

Сходство значений гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики обусловлено, видимо, их принадлежностью одной культуре, что подтверждается материалами поселений данного периода, свидетельствующих о хронологической и культурной преемственности этих древностей. Так, в бинарной системе Ti–Li (см. рис. 2) образцы ГЯ из Кудамы X (О–5, 6) и Деревянного I (О–21) схожи с РЯ из Вигайнаволока I (О–33), как и ГЯ из Пегремы II (О–12) приближена к РЯ из Пегремы I (О–9) и Залавруги II (О–26). В подгруппе близки образцы с ГЯ (О–24, 29) и РЯ (О–19, 25, 34) из памятников северной (Залавруга I, II) и южной (Кудама X, Деревянное I, Вигайнаволок I) Карелии. Похожая ситуация отражена в диаграмме 2 (рис. 3) для Деревянного I с ГЯ и РЯ (О–16, 18, 21).

Древняя керамика как атрибут женской культуры, возможно, способствовала распространению гончарных традиций в результате брачных контактов. О подобных связях могут свидетельствовать близкие группы из удаленных друг от друга памятников. Например, по диаграмме 1 это значения РЯ из Вигайнаволока I, Деревянного I, Пегремы I, Кудамы X, Залавруги II (О–7, 9, 11, 14–16, 26, 32, 34). По диаграмме 2 – показатели О–7, 26 (Кудама X и Залавруга II), О–2, 17 (Кудама X и Деревянное I), О–4, 22, 33 (Кудама X, Залавруга I, Вигайнаволок I).

По соотношению источников сырья и образцов керамики из расположенных в непосредственной близости друг от друга поселений показателен пример из диаграммы 1, где О–3 (Кудама XI), О–8 (Кудама X) находятся рядом с О–40 (Лахта – Кудама). Серии образцов О–8, 18, 21, 28, 50 сближают керамику из Деревянного I, Кудамы X с глинами из Пудожа и Рыбреки. Показатели О–10, 13, 20, 44 близки керамике из Пегремы I–II, Деревянного I и глине из Корзы (оз. Сямозеро), а О–23 ГЯ из Залавруги I сочетаем с О–54 (Белое море) (рис. 3).

Наблюдается сходство в образцах глины из разных участков: Лахты – Кудамы (О–37, 38),

Корзы (О–35), Пегремы (О–41–42), Белого моря (О–51) с РЯ из Вигайнаволока I (О–34), также из Рыбреки (О–46, 48) и Корзы (О–44) с РЯ из Пегремы I (О–10), РЯ из Кудамы X–XI и Вигайнаволока I с глиной из Рыбреки (О–1, 6, 31, 47); РЯ из Вигайнаволока I, Пегремы I и ГЯ из Пегремы II с глиной из Корзы (О–9, 11, 12, 32, 43), а также РЯ Кудамы XI, Деревянного I и глины из Рыбреки (О–3, 19, 45) (см. рис. 3). В сериях образцов намечаются интервалы значений, как, например, в О–52, 53 (глины Белого моря).

Отметим, что выраженная гомогенность в показателях образцов глины обусловлена, видимо, особенностями химического состава глинистого сырья с небольшими вариациями в значениях редкоземельных компонентов, что свидетельствует об использовании местного сырья в подготовке формовочной массы. Отсутствие различий в показателях редкоземельных элементов гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики указывает на сохранение культурной традиции в технологии изготовления керамики, а также о ее распространении на территории Карелии в IV – начале III тыс. до н. э.

Следующий этап в изучении древней гончарной технологии связан с определением составов формовочных масс с применением петрографического анализа. Неолитическая керамика имеет ряд особенностей (насыщенность минеральными отощителями, плохой промес теста, рыхлость структуры и прочее), которые не позволяют дать объективную характеристику ее составам при визуальном наблюдении. Благодаря методам микроскопии (петрографическая, бинокулярная, электронная) с применением точных оптических приборов стало возможным выявлять признаки и особенности, скрытые от обычного наблюдения и характеризующие основные стадии гончарного производства [3].

В статье представлены итоги петрографического исследования неолитической керамики Карелии³. Анализ керамики выполнен в лаборатории кафедры геологии и геоэкологии факультета географии РГПУ имени Герцена. Изучение фрагментов произведено в пришлифованных образцах с использованием бинокуляра МСБ-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое исследование осуществлено в шлифах под поляризационным микроскопом Leica в РЦ «Геомодель» СПбГУ.

В результате исследования определены минеральные составы формовочных масс (глинистого компонента и отощителя), идентифицированы естественные и искусственные добавки, их количественное соотношение, выявлены микроструктурные особенности включений, рецепты изготовления изделий, в том числе температура и условия обжига.

Исследованы 103 фрагмента керамики из 22 памятников: 13 ЯГ, 33 ГЯ и 57 РЯ (рис. 4,

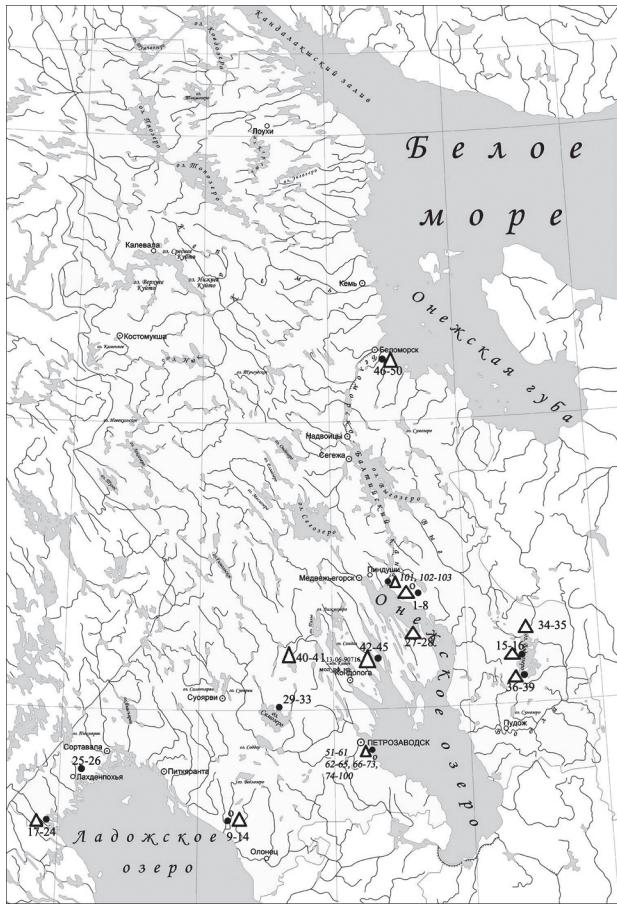

Рис. 4. Памятники с ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой

табл. 2). По составам формовочных масс и режимам обжига обозначено несколько рецептов изготовления древней глиняной посуды. Фиксируется их разнообразие как внутри выделенных типов, так и по районам распространения [13], [14].

Результаты исследования свидетельствуют о сложившейся гончарной традиции в эпоху среднего неолита – раннего энеолита для культур с ямочно-гребенчатой системой орнаментации (табл. 3). Количественно доля глинистого компонента в тесте варьирует от 30 до 90 % (чаще всего 40–70 %). Для некоторых образцов характерна глина с включениями неразложившейся водной вакулярной растительности (53 % ГЯ и 32 % РЯ) на памятниках в бассейне Ладожского и Онежского озер. Показатель минеральных примесей, как правило, постоянный (10–35 %) и не меняется в зависимости от качественных характеристик составов глин (тощие или жирные) [12].

Минеральными отощителями являются песок, дресва и шамот. Шамот-керамика – это размельченная керамика, шамот-глина – не до конца высушенная и растертая глина. Помимо минеральных добавок отмечаются рецепты с пухом-пером, либо дробленой костью, либо органическим раствором (клеем), в одном случае зафиксирован во-

лос – шерсть. Между тем во всех типах преобладают рецепты с минеральными отощителями, составов с органическими добавками существенно меньше: для ЯГ 84 и 16 %, для ГЯ 67 и 33 %, для РЯ 79 и 21 % соответственно.

Обозначено шесть рецептов для ямочно-гребенчатой керамики. Для памятников Ладожского бассейна характерно сочетание глины и дресвы, для Онежского озера отмечены дополнительно глина + песок и глина + песок + дресва (а также с дробленой костью), глина + дресва + шамот. Характерны органические добавки и сложные составы, сочетающие более трех компонентов.

Для гребенчато-ямочной керамики выделено девять рецептов. Наибольшая их вариабельность приходится на памятники бассейна Ладожского озера и характеризуется широким применением дресвы, шамота и органических добавок, что сближает ее с подобной посудой внутреннего района оз. Сямозера. Лишь в одном случае в составе отмечен песок, который характерен для стоянок бассейна Онежского озера и не выявлен в образцах памятников Белого моря. Зафиксирован состав с глиной, дресвой и шамотом на Онежском озере, а в северной Карелии – образец, где глина сочетается с органическим компонентом в виде пуха – пера.

Наибольшее количество образцов РЯ происходит из поселений бассейна Онежского озера. Выделено десять рецептов, наиболее распространены составы с песком, с дресвой и песком, в том числе включающие органические примеси. Один из редких случаев, когда для всех районов отмечается общий рецепт из глины и дресвы. В некоторых образцах представлен шамот, но, как и прежде, он характеризует в основном древности бассейна Ладожского озера.

Таким образом, составы формовочных масс в целом отражают довольно сложную ситуацию на данном этапе исследования технологии древнего гончарства. Исходя из полученных данных, можно говорить о сохранении общей тенденции в использовании минеральных и органических добавок, а также о выявлении адаптивных признаков, явившихся результатом приспособления к окружающей среде. В данном случае имеется в виду доминирующее использование шамота на археологических памятниках в бассейне Ладожского озера и песка – на остальной территории.

О сохранении культурной преемственности в развитии древней гончарной технологии свидетельствуют данные керамики из эталонного поселения среднего неолита – раннего энеолита Вигайноволок I. Выделено пять групп. Группа I включает образцы ЯГ и РЯ с рецептами из глины 60–65 % и дресвы 35–40 %. Важно отметить, что глины обогащены органикой и в одном случае – железистыми включениями. В группе II образцы гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики, в составе которых к глине (65–88 %) добавлен

Образцы керамики

Таблица 2

№ п/п	Название поселения	Колл. №	Тип керамики	№ п/п	Название поселения	Колл. №	Тип керамики
1	Черная Губа IX	2162/2470	РЯ ¹	53	Вигайнаволок I	330/14761	ЯГ
2	Черная Губа IX	2162/1414	РЯ	54	Вигайнаволок I	Без №	ЯГ
3	Черная Губа IX	2093/1090	ГЯ	55	Вигайнаволок I	365/2177	ЯГ
4	Черная Губа IX	2093/1437	РЯ	56	Вигайнаволок I	330/11332, 11337	ЯГ
5	Черная Губа III	2091/246	ГЯ	57	Вигайнаволок I	330/3742	ЯГ
6	Черная Губа III	2226/477	ГЯ	58	Вигайнаволок I	330/17139	ЯГ
7	Черная Губа IV	2092/601	ЯГ	59	Вигайнаволок I	330/3793	ЯГ
8	Черная Губа IV	2161/1041	РЯ	60	Вигайнаволок I	330/9500	ЯГ
9	Новземское I	1326/519	ГЯ	61	Вигайнаволок I	330/15112	ЯГ
10	Новземское I	1326/1056	ГЯ	62	Вигайнаволок I	330/14366	РЯ (КЯ)
11	Новземское I	1326/1242	РЯ	63	Вигайнаволок I	368/4311	РЯ (КЯ)
12	Новземское III	2441/10	ГЯ	64	Вигайнаволок I	?/48	РЯ (КЯ)
13	Новземское III	2441/19	ГЯ	65	Вигайнаволок I	424/2296	РЯ (КЯ)
14	Новземское VII	2445/93	ЯГ	66	Вигайнаволок I	424/559	ГЯ
15	Келка I	2342/362	РЯ	67	Вигайнаволок I	330/14864	ГЯ
16	Келка I	2342/649	ГЯ	68	Вигайнаволок I	424/1292	ГЯ
17	Вяткия I	3187/480,898	РЯ	69	Вигайнаволок I	424/271	ГЯ
18	Вяткия I	3187/886	РЯ	70	Вигайнаволок I	330/12855	ГЯ
19	Вяткия I	3187/23	РЯ	71	Вигайнаволок I	424/1994	ГЯ
20	Вяткия I	3187/902	РЯ	72	Вигайнаволок I	368/3551	ГЯ
21	Вяткия I	3187/646	ГЯ	73	Вигайнаволок I	368/4411	ГЯ
22	Вяткия I	3187/635	ГЯ	74	Вигайнаволок I	330/17332	РЯ (КЯ)
23	Вяткия I	3187/757	ГЯ	75	Вигайнаволок I	424/332	РЯ (КЯ)
24	Вяткия I	3187/846	ГЯ	76	Вигайнаволок I	424/223	РЯ (КЯ)
25	Мейери II	1807/167	ГЯ	77	Вигайнаволок I	424/435	РЯ (КЯ)
26	Мейери II	1807/166	ГЯ	78	Вигайнаволок I	368/430	РЯ (ОЯ)
27	Клим I	1134/480	РЯ	79	Вигайнаволок I	368/395	РЯ (ОЯ)
28	Клим I	1134/390	РЯ	80	Вигайнаволок I	330/5585	РЯ (ОЯ)
29	Лакшезеро II	1836/233	ГЯ	81	Вигайнаволок I	368/5642	РЯ (ОЯ)
30	Лакшезеро II	1836/226	ГЯ	82	Вигайнаволок I	368/6058	РЯ (ОЯ)
31	Лакшезеро II	151/14	ГЯ	83	Вигайнаволок I	368/1836	РЯ (ОЯ)
32	Лакшезеро II	700/232	ГЯ	84	Вигайнаволок I	330/17643	РЯ (ОЯ)
33	Лакшезеро II	700/98	ГЯ	85	Вигайнаволок I	330/17763	РЯ (ОЯ)
34	Илекса IV	778/1670	РЯ	86	Вигайнаволок I	330/8377	РЯ (ОЯ)
35	Илекса IV	778/11775	РЯ	87	Вигайнаволок I	368/2785	РЯ (ОЯ)
36	Пога I	441/271	РЯ	88	Вигайнаволок I	330/2104	РЯ
37	Пога I	441/722	ГЯ	89	Вигайнаволок I	330/?	РЯ (ОЯ)
38	Сомбома	1844/2346	ГЯ	90	Вигайнаволок I	368/5334	РЯ (ОЯ)
39	Сомбома	1844/949	РЯ	91	Вигайнаволок I	368/4892	РЯ (ОЯ)
40	Черанга III	1731/153	РЯ	92	Вигайнаволок I	424/2284	РЯ
41	Черанга III	1731/1134	РЯ	93	Вигайнаволок I	Без №	РЯ (ОЯ)
42	Пегрема I	784/1133	РЯ	94	Вигайнаволок I	424/191	РЯ (ОЯ)
43	Пегрема I	784/39	РЯ	95	Вигайнаволок I	424/694	РЯ
44	Пегрема X	433/1270	РЯ	96	Вигайнаволок I	368/968	РЯ
45	Пегрема X	719/1270	ГЯ	97	Вигайнаволок I	368/743	РЯ
46	Залавруга I	281/535	ГЯ	98	Вигайнаволок I	368/2767	РЯ
47	Залавруга II	738/67	РЯ	99	Вигайнаволок I	368/768	РЯ
48	Залавруга IV	579/311	РЯ	100	Вигайнаволок I	368/1548	РЯ
49	Залавруга IV	579/915	РЯ	101	Оровнаволок XVI	Без №	ГЯ
50	Залавруга IV	579/1603	ГЯ	102	Оровнаволок XVI	2933/438	РЯ (ОЯ)
51	Вигайнаволок I	Без №	ЯГ	103	Оровнаволок XVI	2933/469	РЯ
52	Вигайнаволок I	330/6277	ЯГ				

Примечание. ¹ – яг – ямочно-гребенчатая, гя – гребенчато-ямочная, ря – ромбо-ямочная керамика (кя – кругло-ямочная, оя – овально-ямочная).

Таблица 3
Процентное соотношение составов
формовочных масс по типам керамики

Составы	Керамика		
	яг	гя	ря
Г+Д	18 %	17 %	23 %
Г+П	8 %	9 %	27 %
Г+Д+П	50 %	12 %	18 %
Г+Д+Ш	8 %	29 %	9 %
Г+Д+П+Ш	—	—	2 %
Г+О	—	3 %	—
Г+Д+О	—	12 %	2 %
Г+П+О	8 %	3 %	2 %
Г+Д+П+О	8 %	12 %	13 %
Г+Д+Ш+О	—	3 %	2 %
Г+Д+П+Ш+О	—	—	2 %
Итого	100 %	100 %	100 %

Примечание. Г – глина, Д – дресва, П – песок, Ш – шамот, О – органическая добавка.

песок (12–35 %). В группах III и IV наибольшее количество образцов трех типов, где в качестве минерального отощителя использованы дресва (20–40 %) и песок (10–20 %). Группа IV имеет сложные составы с несколькими видами минеральных отощителей – дресва (20–25 %) и шамот (7 %). В группе V образцов с органической добавкой выделено четыре подгруппы. Первая включает ЯГ и РЯ, в рецептах которых к глиням добавлен песок (12–20 %) и дробленая кость или костный клей (10 %). Вторая – образец РЯ, в составе которого глина (80 %) + дресва (20 %) и костный клей. В третьей – образцы ЯГ, ГЯ и РЯ, где в качестве добавок использованы песок (12 %), дресва (20 %) и дробленая кость (5 %). В четвертой подгруппе имеется образец РЯ с включениями дресвы (25 %), шамота (7 %), песка (7 %) и дробленой кости (7 %).

Показательно, что во всех типах керамики на этом поселении преобладают рецепты без органики: если в ЯГ количество их примерно одинаковое, то в ГЯ они различаются в два, а в РЯ – в три раза. Включение дресвы связано с образцами ЯГ и РЯ керамики, а добавка песка характерна для ГЯ и РЯ. Сложные составы, где помимо дресвы имеется песок или шамот, характерны для всех типов, как и составы с органическими добавками (дробленая кость или костный клей) с песком и/или дресвой. В одном образце ЯГ с дресвой возможно наличие костного клея.

Важным этапом изготовления глиняной посуды являлась термическая обработка, придающая ей прочность. В последнее время появляются работы по определению параметров обжига средневековой керамики на территории Карелии с использованием методов минералогического анализа [6], [7]. Данные петрографических исследований по неолитической керамике указывают на костровой обжиг в невыдержанной среде, окислительный при температурах от 600 до 50 °C, в основном долговременный, но имеет

место и кратковременный (по содержанию не до конца выгоревших органических составляющих). Исключения составляют два образца керамики (ГЯ и РЯ) из поселений Вятиккя I и Клим I, схожие по рецептам (глина 70 % + дресва 30 %), в которых глинистая составляющая переходит в метакаолин. Таким образом, для них характерен обжиг с температурным интервалом 800–950 °C при прежних условиях (обжиг костровой, окислительный, долговременный).

Изучение технологии древнего гончарства позволяет подойти к решению важнейших вопросов развития неолитических культур. Так, по мнению И. Ф. Витенковой [2: 55], различные рецепты в приготовлении глиняной посуды на отдельных поселениях могут объясняться хронологическим разрывом между гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой. На мой взгляд, выявленные составы формовочных масс, скорее, свидетельствуют о сохранении культурной преемственности в технологии изготовления глиняной посуды, а их разнообразие на памятниках и внутри типов керамики обусловлено, видимо, качеством исходного сырья и добавок, функциональным назначением посуды и технологическими навыками древнего населения. Стоит отметить, что схожие составы формовочных масс ромбо-ямочной керамики по петрографическим данным выявлены и по материалам Вологодской области [11], но существенные отличия прослеживаются в неолитической керамике с территории Верхнего Дона, где развивается культура с ромбо-ямочной орнаментацией [15].

Оперируя составами формовочных масс и качественной характеристикой компонентов, можно проследить некоторые закономерности в развитии технологии древнего гончарства в эпоху неолита. Наблюдается сохранение культурной преемственности в изготовлении глиняной посуды, в ареалах исследуемых типов керамики. Выявляются особенности развития местной технологической традиции на локальных участках, проявляются признаки адаптации к окружающей природной среде и ресурсам. Несомненно, тождественность показателей и их сочетаемость неслучайны и могут свидетельствовать о длительных и устойчивых контактах населения на территории Карелии в течение IV – начале III тыс. до н. э., что фиксируется на многочисленном керамическом материале со схожими морфотипологическими признаками. Полученные результаты отражают сохранение преемственности населения – носителей традиций ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает глубокую признательность к. г.-м. н. М. А. Кульковой (РГПУ им. А. И. Герцена) за поддержку в участии и реализации проектов.

* Работа выполнена из средств федерального бюджета по государственному заданию КарНЦ РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кудама X–XI (оз. Сямозеро, О–1–8), Пегрема I–II (О–9–14), Деревянное I (О–15–21), Вигайнаволок I (О–28–34) (Онежское озеро), Залавруга I–II (Белое море, О–22–27).

² Здесь и далее: ГЯ – гребенчато-ямочная, РЯ – ромбо-ямочная, ЯГ – ямочно-гребенчатая керамика.

³ Исследования выполнены в рамках проектов РФФИ № 13-06-90716 «мол_рф_нр» «Петрографическое исследование керамики позднего неолита Карелии» и № 15-36-50238 «Технология изготовления ромбо-ямочной керамики (по материалам эталонных памятников эпохи неолита Южной Карелии и Верхнего Дона)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Б о б р и н с к и й А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–105.
- В и т е н к о в а И. Ф. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. 208 с.
- К у л ь к о в а М. А. Методы прикладных палеоландшафтных геохимических исследований. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 152 с.
- П о т а ш е в а И. М., С в е т о в С. А. Геохимические исследования в археологии: ICP–MS анализ образцов круговой керамики древнекарельских городищ // Труды КарНЦ РАН. Сер. Гуманитарные исследования. 2013. № 3. С. 136–142.
- П о т а ш е в а И. М., С в е т о в С. А. ICP–MS анализ древней керамики как метод определения источников сырья и места производства гончарной продукции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Естественные и технические науки. 2014. № 4 (14). С. 71–77.
- С у м м а н е н И. М. Определение параметров обжига керамики с использованием методов минералогического анализа // Актуальная археология 4. Новые интерпретации археологических данных: Материалы междунар. конф. молодых ученых. СПб., 2018. С. 25–28.
- С у м м а н е н И. М., Ч а ж е н г и н а С. Ю., С в е т о в С. А. Минералогия и технологический анализ керамики (по материалам средневековых памятников Северо-Западного Приладожья) // Записки Российского минералогического общества. 2017. № 3. С. 108–123.
- Т р у б е ц к а я (Х о р о ш у н) Т. А., К у л ь к о в а М. А. К вопросу о технологических традициях изготовления неолитической керамики на территории Карелии // Геология, геоэкология, эволюционная география: Труды Международного семинара. Т. XVI / Под ред. Е. М. Нестерова, В. А. Снытко. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 215–219.
- Х о р о ш у н Т. А. К вопросу об изготовлении глиняной посуды в позднем неолите – раннем энеолите на территории Карелии // Современные подходы в изучении древней керамики в археологии: Международный симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М.: ИА РАН, 2013. С. 278–297.
- Х о р о ш у н Т. А. Геохимические исследования керамики позднего неолита Карелии // Конференция «Бубриховские чтения: Гуманитарные науки на Европейском Севере»: Материалы. Петрозаводск, 1–2 октября 2015 г. Петрозаводск, 2015. С. 65–79.
- Х о р о ш у н Т. А. Результаты петрографического исследования ромбо-ямочной керамики на территории Карелии и Вологодского края // Археология Севера: Материалы VI археологических чтений памяти Еремеева С. Т. Вып. 6. Череповец, 2015. С. 39–45.
- Х о р о ш у н Т. А., К у л ь к о в а М. А. Особенности изготовления глиняных сосудов в позднем неолите на территории южной Карелии // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы: Материалы междунар. конф., посвящ. полувековому исследованию свайных поселений на северо-западе России. Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2014 г. СПб., 2014. С. 248–253.
- Х о р о ш у н Т. А., К у л ь к о в а М. А. Технология изготовления и состав глиняной посуды неолита Карелии // Геология, геоэкология, эволюционная география: Коллективная монография. Т. XII / Под ред. Е. М. Нестерова, В. А. Снытко. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. С. 252–259.
- Х о р о ш у н Т. А., К у л ь к о в а М. А. К вопросу об изготовлении ромбо-ямочной керамики (по данным петрографического исследования эталонных памятников Южной Карелии и Верхнего Дона, IV–III тыс. до н. э.) // Геология, геоэкология, эволюционная география: Коллективная монография. Т. XIV. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. С. 231–242.
- Х о р о ш у н Т. А., К у л ь к о в а М. А., С м о л ь я н и н о в Р. В. Технология изготовления ромбо-ямочной керамики (по материалам эталонных памятников эпохи неолита Южной Карелии и Верхнего Дона) // Археология восточноевропейской лесостепи: Материалы II Междунар. науч. конф. Воронеж, 18–20 декабря 2015 г. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2016. С. 88–96.
- Х о р о ш у н Т. А., С у м м а н е н И. М. Роль естественнонаучных методов в изучении древней керамики памятников Карелии // Труды КарНЦ РАН. Сер. Гуманитарные исследования. 2015. № 8. С. 17–27.
- Hein A., Tsolakidou A., Iliopoulos I. et al. Standardisation of elemental analytical techniques applied to provenance studies of archaeological ceramics: an inter laboratory calibration study // Analyst. 2002. Vol. 127 (4). P. 542–553.
- Little N. C., Kosakowsky L. J., Speckman R. J., Glasscock M. D., Lohse J. C. Characterization of Maya pottery by INAA and ICP–MS // Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry. 2004. Vol. 262. No. 1. P. 103–110.
- Pillary A. E. Analysis of archaeological artefacts: PIXE, XRF or ICP-MS? // Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry. 2001. Vol. 247. Issue 3. P. 593–595.

Vasilyeva T. A., Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ANCIENT POTTERY PRODUCTION TECHNOLOGY IN NEOLITHIC KARELIA*

The history of ceramics production and its use in the daily life by ancient societies in the territory of Karelia begins in the middle of the fifth millennium BC. The ceramics and its ornamentation remain the main defining cultural markers for ancient communities of

the Stone Age and the Early Metal Era. In the study of ceramics, an integrated approach is used to reconstruct all the main stages of pottery development. The article presents the results of studying the technology of making ancient pit-comb and rhomb-pit pottery during the Neolithic and the early Eneolithic periods (from the late fifth to the early third millennia BC).

Key words: Neolithic ceramics, ancient pottery, technology, ceramic traditions, period between the late fifth and early third millennia BC, Karelia

ACKNOWLEDGMENTS

The author is grateful to M. A. Kulkova (Ph.D, Herzen State Pedagogical University of Russia) for her assistance with the project.

* Financial support for the study was provided to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences from the federal budget for the execution of the state task.

REFERENCES

1. Bobrinsky A. A. Pottery technology as an object of historical and cultural study. *Current problems of studying ancient pottery (collective monograph)*. Samara, 1999. P. 5–105. (In Russ.)
2. Vitenkova I. F. Karelia in the early era of metal (sites with rhomb-pit ceramics). Petrozavodsk, 2016. 208 p. (In Russ.)
3. Kulkova M. A. Methods of applied paleolandscape geochemical studies. St. Petersburg, 2012. 152. (In Russ.)
4. Potashova I. M., Svetov S. A. Geochemical studies in archeology: ICP–MS analysis of samples of circular ceramics of ancient Karelian fortifications. *Proceedings of KarRC RAS*. 2013. No 3. P. 136–142. (In Russ.)
5. Potashova I. M., Svetov S. A. ICP–MS analysis of ancient ceramics as a method of determining the sources of raw materials and the place of pottery production. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Natural & Engineering Sciences*. 2014. No 4 (141). P. 71–77. (In Russ.)
6. Summamen I. M. Determination of ceramics firing parameters using mineralogical analysis methods. *Current archaeology 4. New interpretations of archaeological data: Materials of the international conference of the young scientists*. St. Petersburg, 2018. P. 25–28. (In Russ.)
7. Summamen I. M., Chazhengina S. Yu., Svetov S. A. Mineralogy and technological analysis of ceramics (using the materials of the medieval sites of the North-Western Ladoga region). *Proceedings of the Russian mineralogical society*. 2017. No 3. P. 108–123. (In Russ.)
8. Trubetskaya (Khorošun) T. A., Kulkova M. A. Technological traditions of producing Neolithic ceramics in the territory of Karelia. *Geology, geoecology, evolutionary geography: Proceedings of the International Seminar*. Vol. XVI. St. Petersburg, 2017. P. 215–219. (In Russ.)
9. Khorošun T. A. Producing pottery in the late Neolithic and early Eneolithic periods in the territory of Karelia. *Modern approaches in the study of ancient ceramics in archeology. International Symposium (October 29–31, 2013, Moscow)*. Moscow, 2013. P. 278–297. (In Russ.)
10. Khorošun T. A. Geochemical studies of the late Neolithic ceramics in Karelia. *Proceedings of the Bubrikh's readings: Humanities in the European North": Materials*. Petrozavodsk, 2015. P. 65–79. (In Russ.)
11. Khorošun T. A. Results of the petrographic study of rhomb-pit ceramics in the territory of Karelia and the Vologda region. *Archeology of the North: Proceedings of the VI Archaeological readings in memoriam of S. T. Eremeev*. Vol. 6. Cherepovets, 2015. P. 39–45. (In Russ.)
12. Khorošun T. A., Kulkova M. A. Specific features of clay vessels production during the late Neolithic period in the territory of southern Karelia. *Archeology of lake settlements between the forth and the second millennia BC: chronology of cultures and natural and climatic rhythms. Proceedings of the international conference on the half-century study of pile settlements in the North-West of Russia*. St. Petersburg, 2014. P. 248–253. (In Russ.)
13. Khorošun T. A., Kulkova M. A. Technology and composition of pottery in Neolithic Karelia. *Geology, geoecology, evolutionary geography: Collective monograph*. Vol. XII. St. Petersburg, 2014. P. 252–259. (In Russ.)
14. Khorošun T. A., Kulkova M. A. Production of rhomb-pit ceramics (according to petrographic study of the reference sites of South Karelia and the Upper Don from the fourth to the third millennia BC). *Geology, geoecology, evolutionary geography: Collective monograph*. Vol. XIV. St. Petersburg, 2015. P. 231–242. (In Russ.)
15. Khorošun T. A., Kulkova M. A., Smolyaninov R. V. Technology of producing rhomb-pit ceramics (using the materials of the reference sites of the Neolithic Southern Karelia and the Upper Don). *Archeology of the Eastern European forest-steppe: Proceedings of the II International scientific conference*. Voronezh, 2016. P. 88–96. (In Russ.)
16. Khorošun T. A., Summamen I. M. The role of natural science methods for studying ancient ceramics of Karelian archaeological sites. *Proceedings of KarRC RAS. Series "Humanitarian Research"*. 2015. No 8. C. 17–27. (In Russ.)
17. Hein A., Tsolakidou A., Iliopoulos I. et al. Standardisation of elemental analytical techniques applied to provenance studies of archaeological ceramics: an inter laboratory calibration study. *Analyst*. 2002. Vol. 127 (4). P. 542–553.
18. Little N. C., Kosakowsky L. J., Speakman R. J., Glasscock M. D., Lohse J. C. Characterization of Maya pottery by INAA and ICP–MS. *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*. 2004. Vol. 262. No. 1. P. 103–110.
19. Pillay A. E. Analysis of archaeological artefacts: PIXE, XRF or ICP–MS? *Journal of Radioanalytical and Nuclear Chemistry*. 2001. Vol. 247. Issue 3. P. 593–595.

Поступила в редакцию 13.09.2018

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора фольклористики с фонограммарамхивом Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация), Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
av-pigin@yandex.ru

СОЧИНЕНИЯ О СВ. АЛЕКСАНДРЕ ОШЕВЕНСКОМ В РУКОПИСЯХ ИЗ МОНАСТЫРЕЙ, ЦЕРКВЕЙ И ЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК КАРГОПОЛЬЯ*

Александр Ошевенский (1427–1479) – основатель Успенского Ошевенского монастыря, самый почитаемый святой Каргопольской земли. Корпус посвященных ему рукописных текстов XVI–XIX веков включает Житие, Службу, несколько похвальных слов и молитв, в том числе старообрядческих. В статье исследуются рукописи с этими сочинениями из монастырских, церковных и личных библиотек Каргополья. На основе владельческих, вкладных и писцовых записей устанавливается роль Александро-Ошевенского монастыря в распространении списков сочинений о св. Александре. Рукописи с произведениями о св. Александре, как показано в статье, принадлежали не только монахам, но и мирянам, в частности именитым жителям Каргополя Поповым и Холмовым. На основе записей прослеживается история бытования некоторых рукописей, передачи их от одних владельцев к другим. В ходе изучения каргопольских рукописей были выявлены неизвестные ранее сочинения о св. Александре: в статье представлены похвальное слово (1738 год) и молитва (1844 год), составленные в Ошевенском монастыре. В качестве источника сведений о каргопольских рукописях с сочинениями о св. Александре привлекаются также описи имущества Ошевенского монастыря XIX века и очерк археографа В. И. Срезневского (1902 год).

Ключевые слова: Александр Ошевенский, Каргополье, рукописная книжность, агиография, записи в рукописях, археография, источниковедение

Александр Ошевенский (в миру – Алексей) (1427–1479) – святой преподобный, уроженец Белозерской земли, постриженник Кирилло-Белозерского монастыря, основатель Успенского Ошевенского монастыря, самый прославленный святой Каргополья. «Обширное и превосходное по содержанию»¹ Житие Александра Ошевенского было составлено в 1567 году иеромонахом этой обители Феодосием и получило широкое распространение в рукописной традиции: сегодня известно около 80 списков XVI–XIX веков. Оно представлено несколькими редакциями, среди которых наиболее ранними (XVI век) являются Пространная (первоначальная) и Основная (см.: [3], [5], [9]). Основная редакция часто сопровождается в рукописях Службой и Похвалой Александру Ошевенскому. В XVII веке новую редакцию Жития создал книжник Троице-Сергиева монастыря Герман Тулупов, в XIX веке Житие редактировалось архимандритом Тихвинского монастыря Иларионом (Кирилловым), архимандритом Александро-Свирского монастыря Варсонофием (Моревым) и архиепископом Олонецким Игнатием (Семеновым) (см.: [6]). В XVIII веке Житие вошло в старообрядческую книжность, оказалось включено в Выговские Четии Минеи

(см.: [11]); в честь Александра Ошевенского в Выговской поморской пустыни были составлены похвальные слова (автор – Даниил Матвеев) (см.: [10]). Посвященная Житию научная литература в настоящее время уже достаточно объемна, однако исследование Жития и других сочинений о святом до сих пор не завершилось обобщающим монографическим изданием, по-прежнему остаются белые пятна в текстологическом и источниковедческом изучении этого корпуса текстов.

Списки Жития, как известует из владельческих записей в рукописях, хранились в разных российских монастырях, церквях и библиотеках: в Кирилло-Белозерском, Соловецком, Троице-Сергиевом, Никандровом близ Пскова монастырях, в библиотеке Славяно-греко-латинской академии, в различных селениях Архангельского Севера, Вологодской, Ярославской губерний, в Великом Устюге, Москве, С.-Петербурге и т. д. Однако основным ареалом распространения списков являлось все же Каргополье: Александр Ошевенский не был канонизирован к общерусскому почитанию и долгое время оставался местночтимым святым. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы представить именно местную – каргопольскую – группу списков Жития и некоторых других

текстов о святом, хранившихся в монастырских, церковных и личных библиотеках данного региона. Разумеется, на основе имеющегося материала невозможно получить сколько-нибудь полную картину бытования списков Жития в Каргополье: значительная часть рукописей утрачена, далеко не все сохранившиеся списки имеют записи, позволяющие соотнести их с конкретным местом, ни одна монастырская или церковная библиотека Каргополья как единое собрание не сохранилась, а известные сегодня описи этих библиотек, как правило, поздние. Тем не менее систематизация даже фрагментарного материала представляет несомненный научный интерес.

Основным источником сведений об истории рукописной книги являются содержащиеся в ней писцовые, владельческие и вкладные записи. Среди изученных нами рукописей с Житием записи каргопольского происхождения зафиксированы в двенадцати кодексах. И хотя писцовых «ошевенских» записей в их числе всего две, причем одна из них поздняя (1844 год), можно с большой долей вероятности утверждать, что в XVI–XVIII веках именно Александро-Ошевенский монастырь являлся основным центром по переписке Жития. В монастыре были созданы две ранние редакции Жития – Пространная и Основная, сохранившиеся в наибольшем числе списков. Логично предположить, что и распространение списков этих редакций осуществлялось, прежде всего, благодаря трудам монастырских писцов².

Косвенным подтверждением тому служат записи в некоторых списках Жития. Так, в XVII веке старец Ошевенского монастыря Порфирий «положил» рукопись с Житием в Кирилло-Белозерский монастырь:

Книга кирилловские книгохранители домовая, положение старца Порфирия Ошевенского, да никтоже не имат дерзости, одержим бестрашием или безумием, вынести из Божия обители сея или освоити ту сию книгу. А кто похочет почести Житие святаго Александра Ошевенского или на список, и вы бы есть, святыи отцы, молящеся Господеви, сию книгу давали на прочитание и на список, кто произволит (ГИМ, собр. Барсова, № 783, кон. XVI века, запись на л. 220об. выполнена скорописью XVII века).

Старец Иоасаф в 1669 году «послал» рукопись с Житием и Службой Александру Ошевенскому в Чарондскую округу:

177 (1669) году июня в 24 день Ошевнева монастыря старец Иасафище крылашанин послал чудотворца Александра службу в Чараньскую округу в волость Шилскую Григорию Евтихиеву сыну Попову (ГИМ, собр. Уварова, № 253-4⁰, втор. пол. XVII века, запись по л. 18–38).

Игумен Ошевенского монастыря Иосиф положил Житие и Службу вкладом в Успенский Кирилло-Сыриинский монастырь Каргопольского уезда:

Лета 7164 (1656) году положил сию службу, стихеры и канон, и житие вкратце преподобного и богоноснаго отца нашего игумена Александра Ошевенского Каргопольского чудотворца в дом Успения Пресвятыя Богородицы иже во святых отца нашего Николы архиепископа Мирликийского чудотворца в Сыриинской монастырь того же Ошевнева монастыря игумен Иосиф по своих родителех, написал им в синодик три имени, иноха Антония, инохи Марины и Анны, и поминать по монастырскому чину, а подписал того же Ошевнева монастыря черной поп Евфимии Щебодухин (РГБ, Архангельское собр., № 30, сер. XVII века, запись по л. 97–137).

У нас нет, конечно, абсолютной уверенности в том, что все эти рукописи были созданы в Ошевенском монастыре, хотя это наиболее вероятно.

Остановимся более подробно на последней из названных рукописей – на кодексе середины XVII века из Архангельского собрания РГБ. Сборник содержит Житие в его краткой редакции («житие вкратце»), а в круг текстов об Александре Ошевенском (кроме Жития и Службы) отдельно включено «Чудо о поповом сыне Кирияке» (л. 135об.–137об.). Кирияк (в иночестве Кирилл) – уроженец Чекуевской волости на реке Онеге, постриженник Ошевенского монастыря, основатель Успенского Сыриинского монастыря (конец XV века). Наличие этой статьи в сборнике наводит на мысль, что рукопись была изготовлена по заказу игумена Иосифа специально для вклада в Сыриинский монастырь. Стоит отметить также, что игумен Иосиф упоминается в одном из чудес Александра Ошевенского – «О явлении святаго Иоанна Златоустаго и преподобнаго Александра Ошевенскаго». В этом чуде, приуроченном к 1655 году, повествуется о том, как святые Иоанн Златоуст и Александр Ошевенский явились в видении крестьянину Павловской волости Каргопольского уезда Евдокиму Яковлеву Заспенникову и повелели установить крестный ход из Каргополя в Ошевенский монастырь и в церковь св. Иоанна Златоуста в Саунине. Свой рассказ об этом чудесном явлении Евдоким Заспенников поведал «игумену Иосифу з братиєю на соборе» (РНБ, Соловецкое собр., № 992/1101, л. 191, XVII век). Крестный ход был вскоре установлен, а рассказ «о явлении» пополнил в рукописях число посмертных чудес Александра Ошевенского. Иосиф оказался, таким образом, свидетелем одного из важных событий в религиозной жизни Каргополья середины XVII века.

В монастырские книжные собрания списки Жития могли поступать не только от монахов, но и от мирян, из частных библиотек. Сборник второй половины XVII века КГИАХМ, КП-12871, включающий помимо Службы и Жития Александра Ошевенского ряд других памятников агиографии (Житие Александра Свирского, Иоанна Новгородского, Сергия Радонежского и др.), хранился в XIX веке в Успенском женском монастыре Каргополя («Сия книга Успенского девичьяго монастыря казенная, подписана того

монастыря пономарём Яковом Васильевым Уствольским в 1861 году февраля 9 дня, в 4 часа пополудни в четверток» (л. 1)). Но ранее он принадлежал частным лицам. Согласно владельческим записям конца XVII века, книга являлась в это время собственностью каргопольцев Андрея Евстигнеева и его сына Ивана Андреева Поповых («Сия книга каргополца посадского человека Андрея Евсегниева сына Попова да сына его Ивана Андреева» (л. 485об.), «Книга каргополца посадского человека Ивана Андреева сына Попова» (внутренняя сторона нижней крышки переплета)). Позднее она сменила владельца («Сия книга каргополца посадского человека Якима Никифорова сына Холмова, а писал сын его Ефрем 1744 году ноября 17 дня» (внутренняя сторона нижней крышки переплета)).

Упомянутый в двух записях И. А. Попов – именитый купец Каргополя, известный своими многочисленными делами церковного благочестия на рубеже XVII–XVIII веков. Он принимал участие в строительстве двухэтажного пятиглавого собора Спасо-Преображенского каргопольского монастыря (Строкиной пустыни), Ильинской церкви на Водлозере, деревянной церкви Сретения с приделом Саввы Вишерского в Лебяжьей пустыни Каргопольского уезда, являлся вкладчиком Челмогорского монастыря под Каргополем и Анзерского скита на Белом море (см.: [7]). И. А. Попову принадлежал еще один список Жития Александра Ошевенского второй половины XVII века (ГПНТБ СО РАН, собр. М. Н. Тихомирова, № 382), исписанный тем же полууставным почерком, что и рукопись КГИАХМ, КП-12871 (см.: [8]). Таким образом, И. А. Попов либо приобретал рукописи с Житием у одного писца, либо даже изготавливал их сам (известно, что перепиской книг он занимался)³.

Фамилия Холмовых также встречается в каргопольских источниках: согласно записям XVI века во Вкладной книге Строкиной пустыни, каргопольцы Холмовы регулярно делали в этот монастырь денежные и прочие вклады⁴. Род Никифора Холмова (вероятно, отца владельца рукописи КГИАХМ, КП-12871) внесен в синодик каргопольской церкви Благовещения (Вологодский областной музей, № 4601, л. 54, конец XVII века, с более поздними записями)⁵. А род одного из его сыновей – Иоанна Никифорова сына Холмовых – в синодик Христорождественского каргопольского собора (КИАХМ, КП-12827, л. 54об., первая треть XVIII века).

Особый интерес среди каргопольских рукописей представляют кодексы, содержащие неизвестные ранее сочинения об Александре Ошевенском. Так, рукопись 1740-х годов БАН, Основное собр., 33.12.2 относится к числу монографических агиосборников⁶, посвященных св. Александру. Однако помимо традиционных для таких сборников текстов (Житие в Основной ре-

дакции, Служба, Похвала (нач.: «Времени светлующуся...»)) рукопись включает еще «Слово в день торжественный преподобного отца нашего Александра, игумена Ошевенского и Каргопольского чудотворца» (нач.: «В сий день праздника ясное торжество зде созва нас...») (л. 72об.–76). Это «Слово...» является сочинением ошевенского автора XVIII века, ранее оно не попадало в поле зрения исследователей.

Редкий случай – автор указал свое имя в пространной записи, сделанной сразу за текстом «Слова...»:

Богу единому в Троице святой славимому, Отцу и Сыну и Святому Духу, благоволившему сию книгу написати, благопотребную церкви Божии в богоспасаемой во святой обители Александро-Ошевенской преподобному отцу нашему Александру, начальнику и игумену обители сея, служба полная со бдением, и житие и подвизи, и о чудесех его с похвалою, в лето от Сотворения мира 7246-го, а от Рожества Христова 1738-го, при игумене Афанасии, художеством и трудами по своему обещанию тоя же обители многогрешным иеромонахом Иосифом начати и совершити, и да будет от мене, трудившагося, чущим и послушающим прощение с поклонением, ныне и всегда и вовеки. Аминь (л. 76).

Слова «художеством и трудами» в этой записи выдают в Иосифе, как кажется, не только переписчика уже известных текстов, но и автора⁷. Список книжников, создавших в разные годы различные сочинения (или их редакции) в честь св. Александра (Феодосий, Герман Тулупов, Даниил Матвеев и др.), может быть дополнен, таким образом, еще одним именем – иеромонаха Ошевенского монастыря Иосифа, составившего в 1738 году новое похвальное слово в честь святого.

Примечательно, что сам список БАН, 33.12.2 вряд ли является автографом Иосифа, несмотря на запись от его имени. Текст записи датируется 1738 годом, но в «Слово...» содержится пожелание «здравия и благоденствия» императрице Елизавете Петровне, занимавшей престол в 1741–1761 годах. Скорее всего, писец БАН, 33.12.2 переписал составленный Иосифом протограф целиком, включая и его запись, но при этом отредактировал «Слово...» в соответствии с новыми историческими реалиями⁸. Данное обстоятельство – сохранение записи Иосифа – свидетельствует о том, что имя этого иеромонаха пользовалось авторитетом в Ошевенском монастыре. Рукопись БАН, 33.12.2 содержит кроме того подписи ошевенского игумена Афанасия⁹:

К сей книге Каргопольского уезда Александро-Ошевенского монастыря игумен Афанасий руку приложил (скрепа повторяется несколько раз по нижним полям листов). Игумен Афанасий руку приложил (л. 76).

В 1738 году, когда Иосиф составил «Слово...», российской императрицей являлась Анна Иоанновна (1730–1740 годы). И действительно: нам удалось разыскать еще один список «Слова...», в котором пожелания адресованы именно ей (ГИМ,

Музейское собр., № 1523, л. 147–154)¹⁰. Очевидно, что этот вариант текста является первонаучальным.

ГИМ, Музейское собр., № 1523	БАН, 33.12.2
...да подаст православной императрицы нашей Анне Иоанновне здравие Моисею, лягя ея веку равны, силу Самсонову, мир Соломонов, обладание Августово, славу Александрову, победу на враги яко царю Константина на Максентия, яко Давиду на Голияфа, и вся благая желания сердца ея да исполнит, благочестивую державу ея да разширят и укрепят, церковь свою святую незыблему да сохранит, обилие плодов земли да дарует и рог православных благоутишного и благочестивое воинство да укрепит... (л. 151об.–152).	...да подаст Господь благочестивейшей и самодержавнейшей великой государыне нашей императрице Елизавете Петровне всем России здравие, и благоденствие, и благополучное пребывание, на варвары и на вся супостаты одоление, и вся благая желания сердца ея да исполнит, и весь род ея сохранит в наследии непрестаемом, благочестивую державу ея да разширят и укрепят, церковь свою святую незыблему да сохранит, обилие плодов земных да дарует и рог православных благочестивое воинство да укрепит... (л. 74 об.–75).

Одним из источников «Слова...» Иосифа послужило Слово похвальное Сергию Радонежскому Симеона Полоцкого, которое входит в состав сборника его проповедей «Вечеря душевная» (М., 1683). Именно из него был заимствован и текст этого пожелания с упоминанием библейских и других исторических лиц¹¹.

«Слово...» написано на празднование памяти Александра Ошевенского (20 апреля). Составленное по правилам эпидейтического красноречия, оно начинается с риторического вступления, в котором представлена тема сочинения – память святого, необходимость «в чести творити» Божии праздники. В центральной части автор кратко излагает основные события жизни святого (рождение от благочестивых родителей в «белозерских пределах», пострижение и подвиги в Кирилло-Белозерском монастыре, основание Ошевенского монастыря, возведение в сан игумена, строительство в обители храмов, преставление к Богу), перечисляет некоторые его посмертные чудеса, известные из Жития (о спасении монастыря от пожара и об исцелении от слепоты старца Герасима, об избавлении монастыря от притязаний боярина Ивана Михайловича Юрьева, о немом отроке Стефане, о явлении св. Александра вместе с Николаем Чудотворцем и Кириллом Белозерским «некоему поселянину» Марку). В заключительной, наиболее объемной части «Слова...» содержатся обращение к братии с призывом «поревновать» (подражать) благочестивой жизни Александра, похвала и пространная молитва святому. «Слово...» было предназначено, по-видимому, для торжественного произнесения перед братией и богомольцами Ошевенского монастыря в день памяти святого («...се писание читах вам...»).

Другой неизвестный ранее текст, посвященный Александру Ошевенскому, менее объемный,

по сравнению со «Словом...», входит в состав рукописи РНБ, собр. ОЛДП, Q. 626 (1844 год). Это еще один монографический агиосборник сочинений об Александре Ошевенском (Житие, Служба, Похвала (нач.: «Времени светлающуся...»)), составленный в 1844 году иеродиаконом Ошевенского монастыря Мисаилом («Писал сию книгу того же монастыря грешный иеродиакон Мисаил месяца июля 17, 1844 года» (л. 103)). На л. 102об.–103 здесь читается «Молитва преподобному Александру Ошевенскому чудотворцу», известная пока только по этой рукописи. Нет сомнений, что молитва была написана в Ошевенском монастыре, возможно, самим Мисаилом, поскольку молящийся обращается к святому от имени братии этой обители:

Помяни свое стадо, еже собрал еси мудре, и соблюдай своими молитвами богодарованную ти паству! И всем нам подаждь яже ко спасению прошения иже в храм твой приходящим....

Ранние сочинения о св. Александре были созданы в Ошевенском монастыре в XVI веке (Пространная и Основная редакции Жития), но, как показывает представленный в статье материал, посвященные святому тексты появлялись в стенах обители и много позднее.

Впрочем, в XIX веке литературная и книжно-рукописная традиция в Ошевенском монастыре уже явно приходила к своему завершению. Согласно монастырским описям первой четверти XIX века, в библиотеке обители в этот период имелась всего одна рукопись с Житием и Службой Александру Ошевенскому¹². Если в XVI–XVII веках Ошевенский монастырь «поставлял» рукописи с Житием и Службой в другие обители и церкви, то в XIX веке монастырь сам нуждался в этих текстах. Примечательна в этом отношении запись в рукописном сборнике с Житием и Службой св. Александру второй половины XIX века: «Посыпает в Ошевенский монастырь на случай надобности» (БАН, собр. Археографической комиссии, № 231, запись на форзаце). Изготовлением рукописных книг в XIX веке занимались преимущественно старообрядцы – для православного монастыря такой способ тиражирования текстов уже был явным анахронизмом. Не случайно в 1824 году игумен Александро-Ошевенского монастыря Иосиф обратился к митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Серафиму (Глаголевскому) с прошением о напечатании Жития и Службы св. Александру «на счет одного из санкт-петербургских купцов» (см.: [6: 28–29]). Результатом этой инициативы Иосифа явилось создание в 1820–1830-е годы новых редакций Жития и Службы (архимандритом Тихвинского монастыря Иларионом (Кирилловым), архимандритом Александро-Свирского монастыря Варсонофием (Моревым) и архиепископом Олонецким Игнатием (Семеновым)), но тексты так и не были напечатаны (см.: [6: 27–41]).

В заключение представим еще один источник, содержащий сведения о списках Жития Александра Ошевенского в монастырских и церковных библиотеках Каргополя в самом начале XX века.

В 1902 году в Каргополе, с целью изучения и собирания рукописей, побывал В. И. Срезневский, сотрудник отделения славянских рукописей Библиотеки Академии наук в С.-Петербурге¹³. Служба и Житие Александра Ошевенского, по его данным, хранились в нескольких городских приходах: в Пятницком приходе (два списка Службы и список Жития «сведенено вкратце», XVII век), в Христорождественском соборе (Служба в списке XVIII века), в церкви Вознесения Свято-Духовского прихода (Служба, Житие, Похвала в списке первой четверти XIX века), в церкви Спаса Нерукотворенного образа (Служба и Житие в краткой редакции, конец XVII – начало XVIII века), в Успенском женском монастыре Каргополя (сборник второй половины XVII века, содержащий Службу и Житие, а также ряд других памятников агиографии, – об этом сборнике речь шла выше: КГИАХМ, КП-12871). Кроме рукописи из Успенского женского монастыря, до наших дней сохранился также сборник из Свято-Духовского прихода (Вологодский областной музей, № 2009). Это старообрядческий поморский агиосборник первой четверти XIX века с сочинениями о св. Александре, включающий помимо Жития и других текстов Слово на память Александра Ошевенского выговского книжника Даниила Матве-

ева (нач.: «Яко же небо пресветлыми звездами преиспещено светится...») (л. 179об.–197об.)¹⁴. Судя по записям в этой книге, сборник находился в активном читательском обиходе у православного духовенства. Наконец, сборник XVII века, форматом в лист, с житиями Александра Ошевенского и Зосимы и Савватия Соловецких хранился, по сведениям В. И. Срезневского, в библиотеке Каргопольско-Пудожского миссионерского округа (с. Надпорожье Каргопольского уезда)¹⁵.

В. И. Срезневский явился первым и единственным археографом, изучавшим и собиравшим памятники рукописной книжности Каргополя до революционных событий начала XX века. Систематическое археографическое обследование Каргополя было продолжено лишь в 1960-е годы сотрудниками Библиотеки академии наук (БАН) (см.: [1]). В результате археографических экспедиций БАН в рукописном отделе этой библиотеки сформировалось крупное Каргопольское собрание рукописей, в котором имеются и списки Жития Александра Ошевенского. Одна из этих рукописей с Житием принадлежала церкви Рождества Богородицы в Красной Ляге: «Сия книга Житие преподобного отца Александра Ошевенского и Каргопольского чудотворца Каргопольского уезду Красноляжской волости церкви Рождества Богородицы» (БАН, Каргопольское собр., № 365, сер. XVII века, л. 196–211, запись сделана скорописью XVIII века).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-49-290007 («Книжно-рукописная традиция Каргополя. Реконструкция приходских и монастырских библиотек»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН – Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург).

ГААО – Государственный архив Архангельской области.

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

ГПНТБ СО РАН – Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН (Новосибирск).

КГИАХМ – Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей.

ОЛДП – Общество любителей древней письменности.

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва).

РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 298.

² Имя по крайней мере одного ошевенского писца XVI века сегодня известно: Иона Мошенников, переписавший «Лествицу» Иоанна Синайского (РНБ, Соловецкое собр., № 293/313) (запись на л. 373об.: «Писана бысть книга сия нарицаемаа Лествица в Александрове пустыне пореклом в Шевневе рукою многогрешного инона Ионы Мошенникова»).

³ И. А. Попов переписал своей рукой сочинения о Елеазаре Анзерском. Эту рукопись он дал вкладом в Анзерский скит, о чем во Вкладной книге монастыря сделана соответствующая запись: «...от себя нам дарова душеполезного вкладу еже списанныя им предивная чудеса и достоверная повести преподобного отца Елеазара, иже в различныя времена бывшия от него» (см.: Преподобный Елеазар, основатель СвятоТроицкого Анзерского скита / Изд. подгот. С. К. Севастьяновой. СПб., 2001. С. 266).

⁴ См.: Докучаев-Басков К. А. «Строкина пустыня» и ее чернецы (Опыт исследования жизни монашествующих) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1914. № 5. С. 49, 51, 62, 63.

⁵ Рукопись описана: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель / Под общ. ред. П. А. Колесникова. Вологда, 1987. Ч. 1. Вып. 2: Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея. С. 144.

⁶ Под «монографическим агиосборником» понимается «рукописный комплекс текстов (Житие, Служба, Похвальное слово и др.), посвященных одному святым» [2: 240].

- ⁷ Слово «художество», при всем разнообразии его значений (искусство, опытность, знание, хитрость, деяние, занятие, ремесло, изделие и др.) (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1415–1416), в процитированной записи, особенно в сочетании со словом «труды», предполагает некое творческое начало.
- ⁸ Рукопись была составлена, скорее всего, в начале правления Елизаветы Петровны (то есть в начале 1740-х годов). Водяной знак на бумаге этой рукописи (РФ/ФТ/ИШ лигатуры) С. А. Клепиков относит к 1735–1737 годам (см.: [4: № 705, 706]).
- ⁹ По данным П. М. Строева, Афанасий упоминается как игумен Ошевенского монастыря в источниках 1730, 1738 и 1748 годов (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 996).
- ¹⁰ Рукопись также представляет собой монографический агиосборник в честь св. Александра, содержит Житие в Основной редакции, Службу, Похвалу (нач.: «Времени светлующи...»), «Слово...» Иосифа, датируется по водяным знаку («РФ» в волнистом прямоугольнике / «АГ» вензель) 1730–1740-ми годами (см.: [4: № 466, 470] – 1737, 1742–1743 годы). Согласно записям, рукопись принадлежала в разные годы архангельскому купцу Андрею Собинину, «отставному солдату» Максиму Попову, некоему «гражданину» Великого Устюга и др. Запись Иосифа здесь отсутствует.
- ¹¹ Ср.: «... да подаст благоверному государю нашему царю здравие Моисеево, лета, его веку равная, силу Сампсонову, мир Соломонову, обладанье Августово, славу Александрову, победы на враги, яко царю Константину на Максентия, яко Давиду на Голиафа. И вся благая желания сердца его да исполнит!» и т. д. (Симеон Погоцкий. Вечеरи душевная. М., 1683. Л. 64об.; благодарю М. А. Федотову, указавшую мне этот источник). Согласно описи имущества Ошевенского монастыря 1802 года (КГИАХМ, КП-3287; благодарю О. Б. Пригодину за возможность ознакомиться с этим текстом), экземпляр «Вечери душевной» в монастырской библиотеке имелся – скорее всего, Иосиф пользовался именно им. Процитированное пожелание, заимствованное у Симеона Погоцкого, приводит также Никифор Кондратьевич Вяземский, воспитатель царевича Алексея Петровича, в письме Петру I от 2 июня 1696 года (см.: Вяземский Н. Письмо к царю Петру I с благодарностью за определение учителем к царевичу Алексею Петровичу / Сообщ. А. Н. Труворов // Русская старина. 1891. Т. 70, № 6. С. 602).
- ¹² КГИАХМ, КП-3287 (Опись «Ошевенского монастыря всему наличному церковному имуществу» за 1802 год); ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 54. Л. 27–30об.; Д. 55. Л. 19–23 (Опись монастырского имущества за 1822 год).
- ¹³ См.: Срезневский В. И. Отчет Отделению русского языка и словесности имп. Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902 года). СПб., 1904. С. 2–24.
- ¹⁴ См. описание рукописи: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель / Под общ. ред. П. А. Колесникова. Вологда, 1989. Ч. 1. Вып. 3: Рукописные книги XIX–XX вв. Вологодского областного музея. С. 53–55.
- ¹⁵ Срезневский В. И. Отчет Отделению русского языка и словесности... С. 24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А мос о в А. А. Археографическое обследование Каргополья. Итоги и перспективы // Вопросы сабирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982. Ч. 2: Памятники старинной письменности. С. 52–60.
2. Ка р б а с о в а Т. Б. Монографический агиосборник как тип (на примере сборника, посвященного Кириллу Новоезерскому) // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 240–248.
3. Ка р б а с о в а Т. Б. О Пространной редакции Жития Александра Ошевенского // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 11–13 ноября 1997 года. Новгород, 1997. С. 93–95.
4. К л е п и к о в С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Вссесоюз. книжной палаты, 1959. 306 с.
5. Од и н е ц Е. В. Житие Александра Ошевенского в рукописной традиции (предварительные итоги изучения) // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 262–270.
6. П и г и н А. В. Житие Александра Ошевенского в редакциях XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 2013. Вып. 8. С. 27–41.
7. П и г и н А. В. Новые факты из истории церкви Ильи пророка на Водлозере (материалы к биографии каргопольского купца И. А. Попова) // Уездные города России: историко-культурные процессы и современные тенденции. Каргополь, 2009. С. 30–42.
8. П и г и н А. В. О владельческой записи XVII века в рукописи из собрания М. Н. Тихомирова, № 382 (Житие Александра Ошевенского) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 12: Филология. С. 46–52.
9. П и г и н А. В. Пространная редакция Жития Александра Ошевенского // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2017. Т. 3. С. 206–309.
10. Ю х и м е н к о Е. М. Выговские похвальные слова Александру Ошевенскому // Святые и святыни северорусских земель. Каргополь, 2002. С. 25–33.
11. Ю х и м е н к о Е. М. Жития северорусских святых в составе Выговских Четиих Миней // Святые и святыни Обонежья: Материалы всерос. науч. конф. «Водлозерские чтения–2013», посвящ. 380-летию со дня преставления свято-го преподобного Диодора Юрьеворского, основателя Троицкого монастыря в Водлозерье (2–4 сентября 2013 года). Петрозаводск, 2013. С. 66–73.

Pigin A. V., Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation), Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

WRITINGS ABOUT ST. ALEXANDER OF OSHEVENS IN MANUSCRIPTS FROM MONASTERIES, CHURCHES AND DOMESTIC LIBRARIES OF THE KARGOPOL LAND*

Alexander of Oshevensk (1427–1479) is a founder of the Dormition Monastery in Oshevensk, the most esteemed saint of the Kargopol land. The corpus of the manuscripts of the XVI–XIX centuries devoted to him includes hagiography, service, several words of praise and prayers, along with those of Old Believers. The article researches the manuscripts of these writings from monastery,

church and domestic libraries in the Kargopol land. It also describes the role of the Alexander-of-Oshevensk Monastery in spreading the copies of the writings about St. Alexander on the basis of owners' records, donation records and scribes' records. Manuscripts with texts about St. Alexander, as the article shows, belonged not only to monks but also to seculars, for instance, to the eminent inhabitants of Kargopol, the Popovs and the Kholmovs. The history of the keeping of some manuscripts and their transfer from one owner to another is traced as based on the records. The study of Kargopol manuscripts revealed previously unknown writings about St. Alexander, which are presented in the article. They are *The Word of Praise* (1738) and *Prayer* (1844) composed in the Oshevensk Monastery. The XIX century property inventories of the Oshevensk Monastery, as well as an essay by the expert in the study of early texts V. I. Sreznevsky served as additional sources on the Kargopol manuscripts containing the writings about St. Alexander. Key words: Alexander of Oshevensk, the Kargopol land, manuscript literature, hagiography, records in manuscripts, archeography, source study

* The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 18-49-290007 ("Tradition of manuscript literature in the Kargopol land. Reconstruction of parish and monastery libraries").

REFERENCES

1. A m o s o v A. A. Archeographic survey of the Kargopol land. Results and prospects. *Voprosy sobiraniya, ucheta, khraneniya i ispol'zovaniya dokumental'nykh pamyatnikov istorii i kul'tury. Part 2: Pamyatniki starinnoy pis'mennosti*. Moscow, 1982. P. 52–60. (In Russ.)
2. K a r b a s o v a T. B. Monograph of collected hagiographies as a source type (using the hagiographical collection dedicated to St. Kirill Novoyezersky as an example). *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Materialy. Publikatsii*. St. Petersburg, 2011. Vol. 2. P. 240–248. (In Russ.)
3. K a r b a s o v a T. B. Extended version of the Life of St. Alexander Oshevensky. *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoy zemli: Materialy nauchnoy konferentsii 11–13 noyabrya 1997 goda*. Novgorod, 1997. P. 93–95. (In Russ.)
4. K l e p i k o v S. A. Filigrees and stamps on paper of Russian and foreign manufacture between the XVII and the XX centuries. Moscow, 1959. 306 p. (In Russ.)
5. O d i n e t s E. V. The Life of St. Alexander of Oshevensk in manuscript tradition (preliminary results of the study). *Pravoslavie v Karelii*. Petrozavodsk, 2003. P. 262–270. (In Russ.)
6. P i g i n A. V. The Life of St. Alexander of Oshevensk in the nineteenth-century versions. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhann*. Petrozavodsk, 2013. Issue 8. P. 27–41. (In Russ.)
7. P i g i n A. V. New facts from the history of the Church of the Prophet Elijah in Vodlozero (materials to the biography of the Kargopol merchant I.A. Popov). *Uezdnye goroda Rossii: istoriko-kul'turnye protsessy i sovremennye tendentsii*. Kargopol, 2009. P. 30–42. (In Russ.)
8. P i g i n A. V. The owner's record of the XVII century in a manuscript from M. N. Tikhomirov's collection, No 382 (The Life of St. Alexander of Oshevensk). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija*. 2012. Vol. 11. Issue 12: Philology. P. 46–52. (In Russ.)
9. P i g i n A. V. The full-scale version of the Life of St. Alexander of Oshevensk. *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Materialy. Publikatsii*. St. Petersburg, 2017. Vol. 3. P. 206–309. (In Russ.)
10. Y u h i m e n k o E. M. Words of praise to St. Alexander of Oshevensk from Vyg. *Svyatye i svyatyni severorusskikh zemel'*. Kargopol, 2002. P. 25–33. (In Russ.)
11. Y u h i m e n k o E. M. Lives of the saints of North Russia in Chetyi-Minei from Vyg. *Svyatye i svyatyni Obonezh'ya: Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii "Vodlozerskie chteniya–2013"*. Petrozavodsk, 2013. P. 66–73. (In Russ.)

Поступила в редакцию 08.08.2018

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАМЕНЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ev.kamenev@yandex.ru

СОЮЗ БЛАГОДЕНСТВИЯ КАК «ПАРТИЯ НОВОГО ТИПА» (КОННОТАЦИИ В МОНОГРАФИИ М. В. НЕЧКИНОЙ «ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ»)

Исследуется коннотативный семиотический уровень монографии М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (1955), который ранее не был предметом специального историографического анализа. Изучение текста советского историка позволило выявить, что он построен по принципу многоярусной семантики: помимо буквального в нем присутствует еще и культурно обусловленный смысл. Культурно обусловленное содержание формировалось благодаря способу повествования. М. В. Нечкина описывала организационную структуру Союза Благоденствия в рамках официального дискурса об истории русской революции и большевистской партии. Дискурс, использованный автором монографии, обеспечивал актуализацию в тексте официальных советских идеологем и запускал механизм проведения интертекстуальных связей. Погружение повествования советского историка в этот культурный контекст обеспечивало включение в него коннотативных смыслов. М. В. Нечкина посредством отсылок к прецедентным текстам советской эпохи показывает соответствие организационного строения Союза Благоденствия структуре большевистской партии. Эти параллели имели важное интерпретационное значение – декабристы благодаря им осмысливались как настоящие революционеры. Изучение коннотативных смыслов в работе М. В. Нечкиной важно для понимания механизма формирования советского образа декабристов, который, как показано в статье, конструировался на основе соединения научного и культурного кодов.

Ключевые слова: историография декабризма, М. В. Нечкина, коннотации, семиотика

Монография советского историка М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (1955) как текст, созданный в пространстве советской культуры эпохи позднего сталинизма и выполняющий помимо научной еще и идеологическую функцию¹, отличается своей семиотической нагруженностью. Этот текст построен по принципу многоярусной семантики². Помимо буквального, в нем присутствует еще и культурно обусловленный (коннотативный) смысловой уровень, который ранее не был предметом специального историографического анализа. Исследование семантики текста М. В. Нечкиной на культурно обусловленном уровне позволит нам увидеть полифонию смыслов, которыми наделялось движение декабристов в советской историографии середины XX века, и разобраться в самом интерпретационном механизме, при помощи которого советская историография «рекрутировала» декабристов в революционеры. В настоящей статье мы сфокусируем внимание на одном примере из монографии «Движение декабристов» – на повествовании об организационной основе Союза Благоденствия (материалы пятой и шестой глав первого тома исследования М. В. Нечкиной).

Теоретико-методологической основой нашей работы является коннотативная семиотика французского семиолога Р. Барта. Выбор Р. Барта не

случаен, так как именно он развел семиотическую теорию о коннотативных знаковых системах и применил ее на практике при анализе художественного текста³. На наш взгляд, научное письмо, особенно то, которое создано с учетом господствующей идеологии, в семиотическом смысле не отличается от художественного, так как в нем также присутствует семантическая многоуровневость⁴. Поэтому коннотативная семиотика Р. Барта вполне может быть использована как инструмент анализа текста М. В. Нечкиной.

Современная семиотика выделяет в языке два уровня: денотативный и коннотативный [8: 11]. Тексты, построенные по принципу многоярусной семантики, включают в себя оба уровня. Каждому из этих уровней соответствует своя знаковая система: денотативному – естественный язык как первичная семиотическая система, коннотативному – язык культуры (вторичная система). В первичной знаковой системе каждое слово является с семиотической точки зрения знаком, семантика которого закреплена в словарях. Поэтому денотативный уровень доступен для понимания каждому, владеющему данным языком. Что касается вторичной знаковой системы, то тут уже нет прямого соответствия между словом и знаком. Коннотативным означающим может являться и часть слова, и текст объемом в несколько

страниц⁵. Для прочтения коннотативных смыслов не достаточно знать язык, на котором написан текст. Коннотативные смыслы в отличие от денотативных не фиксируются ни в словаре, ни в грамматике языка [4: 425]. Более того, они «прямо не называются, а лишь подразумеваются» [9: 18]. Коннотации закреплены в культуре. Следовательно, для прочтения коннотативных смыслов необходимо разбираться в языке той культуры, в рамках которой был создан исследуемый текст.

В настоящей работе мы обходим стороной вопрос о роли читателя в производстве смысла интересующего нас произведения, поскольку это тема для отдельного исследования. Отметим здесь лишь то, что читатель, для того чтобы видеть вторичные смыслы в тексте М. В. Нечкиной, должен был иметь соответствующий культурный багаж⁶. Наши задачи заключаются в том, чтобы, во-первых, выявить знаки вторичной знаковой системы в тексте М. В. Нечкиной и, во-вторых, определить их семантику.

М. В. Нечкина уделяет большое внимание изучению организационной структуры Союза Благоденствия. К этой теме она постоянно возвращается на протяжении всего повествования о декабристском обществе. По степени своей важности организационное оформление поставлено историком в один ряд с вопросами идеологии и тактики Союза:

Настойчивая и непрерывная работа над программой, постоянное обдумывание тактической линии и поиски новых организационных форм – замечательная черта декабристского движения⁷.

Каждый историк пишет о структуре Союза по-своему, обращая внимание на разные детали. В повествовании М. В. Нечкиной нас интересует то, на чем она акцентирует свое внимание, то, что, по ее мнению, свидетельствует о наличии в Союзе структуры или, другими словами, что является знаками организационного оформления декабристского общества.

ЗНАКИ ВТОРИЧНОЙ СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

На наш взгляд, в повествовании М. В. Нечкиной о структуре Союза Благоденствия выделяются три знака. Первым знаком является *центр*. Историк подчеркивает, что в структуре Союза был центральный руководящий орган, решения которого беспрекословно выполнялись всеми без исключения управами, – Коренная управа (Коренной союз⁸), располагавшаяся в Петербурге. Для М. В. Нечкиной важен не только сам факт наличия в организации центрального органа. Декабристское общество является оформленным организационно только в том случае, если его руководящий орган обладает беспрекословной властью. Историк подчеркивает, что власть петербургского центра была настолько сильна, что

даже столь отдаленные управы, как Тульчинская (украинская управа. – Е. К.) с И. Г. Бурцевым и П. И. Пестелем во главе, признавали своим центральным органом Коренную управу, решения которой выполняли (Нечкина: 213).

Тезис о сильной власти центра является лейтмотивом всего повествования об организационной основе Союза и неоднократно повторяется. Приведем лишь несколько примеров:

Основную руководящую роль в Союзе Благоденствия играл «Коренной союз»; из петербургских управ надо прежде всего указать на Коренную управу Союза Благоденствия, управлявшую организацией в целом; все петербургские управы были особо тесно связаны с Коренной; Коренной союз Союза Благоденствия имел законодательную власть в организации; руководство, – еще раз подчеркивает М. В. Нечкина, – осуществлялось Коренной управой (Нечкина: 205, 206, 207, 213).

Даже в поведении отдельных членов Союза историк видит доказательство силы его руководящего органа. Например, так интерпретированы действия П. И. Пестеля:

Когда Пестель оповестил Тульчинскую управу о постановлении Петербургского совещания Коренной думы в 1820 г., он сделал это, как сам указывал на следствии, на основании правил «Зеленой книги», которые обязывали руководителей отдельных управ сообщать своим управам постановления Коренной управы, являвшейся, по точному выражению Пестеля, «Законодательною Властью Союза» (Нечкина: 206).

Именно сильная власть руководящего органа позволяет М. В. Нечкиной говорить о том, что «Союз Благоденствия был строго централизованной организацией» (Нечкина: 206).

В состав Союза Благоденствия помимо петербургского центра входили местные управы. Они существовали в Петербурге, Москве, Кишиневе и Тульчине. Все эти управы были тесно связаны между собой, о чем неоднократно упоминается в тексте:

С Союзом Благоденствия Измайловское общество было в «нераздельном соединении»; надо решительно подчеркнуть, что Тульчинская управа действовала в общей системе Союза Благоденствия, а не отдельно от нее (Нечкина: 215–216).

Наличие связей между отдельными управами является вторым знаком организационного оформления Союза, поскольку именно связи между управами образуют, по выражению М. В. Нечкиной, «систему союза». Свидетельства, ставящие под сомнение сплоченность управ, подвергаются в монографии критике. Так, например, автор не соглашается с показаниями Никиты Муравьевы, который отрицает связь Тульчинской управы с Союзом (Нечкина: 216). Согласно Муравьеву, П. И. Пестель отверг устав Союза Благоденствия и «завел Южную управу» как независимое от петербургского центра общество. По мнению М. В. Нечкиной, Никита Муравьев намеренно исказил информацию в своих показаниях,

а Тульчинская управа всегда была тесно связана с Союзом (Нечкина: 216).

Третьим знаком организационного оформления Союза является *легальная периферия*. Союз Благоденствия был, согласно тексту монографии, нелегальной организацией. Однако декабристы не ограничивались только лишь конспиративной деятельностью. Союз был окружен многочисленными легальными организациями, которые были либо учреждены им, либо «завоеваны». В число таких легальных обществ входили, согласно тексту монографии, Зеленая лампа, Вольное общество любителей российской словесности, Журнальное общество, Вольное общество учреждения училищ по методе взаимного обучения. Кроме того, Союз «отчасти вторгся в “Библейское общество”, взволновав там стоячее болото» (Нечкина: 268). Эти легальные организации входили в систему Союза, и поэтому разговор о них является важным элементом в повествовании о структуре декабристского общества. Согласно М. В. Нечкиной, такая смешанная структура (закрытые тайные управы, с одной стороны, и легальные общества – с другой) была выгодна с тактической точки зрения. Благодаря легальным обществам Союз «нечувствительно» готовил единомышленников для борьбы с крепостным правом и самодержавием (Нечкина: 201).

Последним знаком, свидетельствующим об организационном оформлении декабристского общества, является понятие *дисциплина*. Правила поведения членов Союза были установлены Коренной управой, которая была к тому же еще и «верховным судилицем» (Нечкина: 206–207). Решениям управы должны были подчиняться все члены Союза. Так, члены Союза письменно подтверждали свое согласие с «целями и законами» декабристского общества (Нечкина: 204). На самих же членов общества были возложены определенные обязанности, которые подробно описаны в монографии. Мы приведем лишь пару примеров из текста:

...члены Коренного союза были обязаны учредить и возглавить по одной управе; ...члены отрасли «человеколюбия» должны были вступать во все <...> уже существующие «человеколюбивые» общества и «составлять» новые (Нечкина: 207, 197).

Неподчинение воле центрального органа вело к наказанию. Так, например, отказ организовать новую управу «влек за собой немедленное исключение из Коренного союза» (Нечкина: 206). Никакого самозачисления в Союз не предлагалось, «принимать новых членов мог <...> лишь тот член, который имел для этого особенное письменное “полномочие”» (Нечкина: 204). Вступающий в общество должен был отвечать определенным требованиям и давал к тому же две расписки.

Все вышеперечисленные знаки свидетельствуют, согласно М. В. Нечкиной, о том, что Союз

Благоденствия был оформлен организационно. Прямой денотативный смысл этих знаков понятен любому владеющему русским языком. Организационное оформление предполагает наличие, во-первых, руководящего органа, решениям которого подчиняются все нижестоящие органы; во-вторых, сильных связей между отдельными управами, благодаря которым возникает «система Союза»; в-третьих, легальной периферии, способствующей достижению поставленной цели, и, наконец, в-четвертых, строгой дисциплины.

Далее проследим культурно обусловленную семантику этих знаков или, другими словами, их коннотации.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОД

Вторичные смыслы актуализируются и приобретают фиксированное значение благодаря ассоциациям, возникающим в пределах той культуры, в которой текст создан. Возникают они благодаря так называемой памяти контекста, то есть через актуализацию явных и скрытых отсылок к precedентным текстам данной эпохи и к знаковым для данной культуры событиям. Значит ли это, что мы должны проанализировать весь советский культурный пласт 1950-х годов для выявления коннотаций в монографии М. В. Нечкиной? Разумеется, всю советскую культуру со всеми ее precedентными текстами мы проанализировать не в состоянии. Впрочем, этого и не требуется. Поскольку культура представляет собой совокупность семиотических кодов [10], [11], наша задача – найти тот код, в рамках которого повествование советского историка об организационных основах Союза функционировало как знаковая система, то есть возникало явление семиозиса.

Движение декабристов не рассматривалось в советской культуре как самостоятельный феномен, оно было погружено в контекст более широкой темы – истории революционного движения в России. В этом контексте знаки, выведенные М. В. Нечкиной, обретали свои культурно обусловленные смыслы. Место декабристов в истории революционного движения в России было указано еще В. И. Лениным. Декабристы были поставлены им у истоков освободительного движения:

Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало⁹.

«Русская революция», о которой писал В. И. Ленин, была победоносно завершена большевиками в октябре 1917 года. В советской культуре эта ленинская идея преемственности была закреплена в виде известной метафоры революционной искры, из которой большевики раздули пламя революции:

В декабре 1900 года за границей вышел первый номер газеты «Искра», – говорится в учебнике «История ВКП (б). Краткий курс». – Под заголовком газеты было изречение (эпиграф): «*Из искры возгорится пламя*». Эти слова взяты из ответа декабристов поэту Пушкину, который послал им приветствие в сибирскую ссылку¹⁰.

Именно в рамках этой парадигмы создавалась советская история движения декабристов. М. В. Нечкина писала:

Декабристы не только замыслили, но и организовали первое в истории России выступление против самодержавия с оружием в руках, и лишь Великая Октябрьская социалистическая революция попутно до конца выкорчевала в России средневековье (Нечкина: 58–59).

Не только М. В. Нечкина видела преемственность декабристов и большевиков. Этот ленинский тезис был общим местом советской историографии середины века. В монографии П. В. Никандрова «Мировоззрение П. И. Пестеля» (1955) говорится:

К 1817 г. группа молодых революционеров, движимая горячим чувством патриотизма, создала политическое общество для борьбы против деспотизма и тем самым бросила в русский народ первую революционную искру. Ровно через 100 лет эта искра разгорелась в великое пламя пролетарской революции, которая открыла новую эру в истории человечества¹¹.

Связь событий 1825 и 1917 годов видна также в монографии К. Д. Аксенова «Северное общество декабристов» (1951). Декабристы названы историком «первыми борцами с самодержавием», которые «подняли восстание против царизма». И только благодаря октябрю 1917 года удалось покончить «с властью царей»¹².

Ленинский тезис о преемственности революционных поколений, связывавший 1825 год с событиями 1917-го, имел далеко идущие последствия. Он породил своеобразную, характерную только для советской культуры, модернизирующую интерпретацию декабристского движения. Движение наделялось смыслом через знаковые для советской культуры феномены – историю революции 1917 года и историю партии большевиков. Например, как показала Г. Д. Алексеева, П. И. Пестель стал в советской культуре ни много ни мало родоначальником большевистской аграрной программы [1: 124]. Эта интерпретация вышла даже за пределы истории декабризма. В сталинскую эпоху А. С. Пушкин был назван советским человеком [17], а П. Н. Ткачев – первым большевиком [1: 124].

Этот контекст является семиотическим кодом, позволяющим нам «декодировать» текст М. В. Нечкиной, поскольку в его рамках выявленные нами свидетельства организационного оформления Союза начинают функционировать как знаки, то есть помимо плана выражения приобретают план содержания – интересующие нас

коннотации¹³. Далее мы будем для краткости называть этот код советским.

СЕМАНТИКА ВТОРИЧНЫХ ЗНАКОВ

История русской революции в том виде, в каком она была представлена в сталинскую эпоху, это не только борьба с царизмом. Одной из основных тем советского повествования о революции являлась борьба внутри самого революционного движения – борьба революционеров с «попутчиками революции» – оппортунистами. Это противостояние мыслилось как один из важнейших факторов, влиявших на все революционное движение в целом, и рассматривалось как дело не меньшей важности, чем борьба с царским режимом.

Декабристы должны были предстать на страницах монографии М. В. Нечкиной как истинные революционеры, а Союз Благоденствия, соответственно, как подлинно революционная организация. В противном случае ставились бы под сомнение ленинская периодизация революции и ленинское зачисление декабристов в список революционеров.

Выделение истинной революционности в советской культуре осуществлялось на основе анализа организационной структуры общества, ибо, как утверждал В. И. Ленин, раскол на революционное и оппортунистическое крыло вызывается «не программными и не тактическими, а лишь организационными вопросами»¹⁴. Неудивительно поэтому, что М. В. Нечкина уделяла серьезное внимание теме организационного строения Союза – анализ структуры декабристского общества был призван утвердить идею революционности декабристов. Примером истинной революционности, на который следовало равняться всем историческим героям, попавшим в ленинскую периодизацию, были большевики. Образцом же оппортунизма являлись меньшевики. Соответственно, примером правильного организационного строения служила большевистская партия. История партии была закреплена в целом ряде важнейших для культуры 1950-х годов текстов – в работах В. И. Ленина, И. В. Сталина, затрагивающих вопросы организационного строения партии, и в «Кратком курсе». В этих текстах мы сталкиваемся с уже знакомыми нам по работе М. В. Нечкиной знаками организационного оформления. В «Кратком курсе» централизм входит в число тех основных понятий, при помощи которых характеризуется ленинский (а потому несомненно правильный) принцип построения революционной организации:

Партия, для того, чтобы правильно функционировать и планомерно руководить массами, должна быть организована на началах централизма <...> с единственным руководящим органом во главе¹⁵.

Именно централизм, утверждал В. И. Ленин, был одной из двух основных идей, которые

большевистская редакция «Искры» «стремилась положить в основу партийной организации»¹⁶. Централизму в организационном вопросе противопоставлен автономизм, который понимается как крайне вредное для революции явление. Организация, основанная на началах автономизма, не имеет в своей основе сильного руководящего органа, и каждый кружок, входящий в ее состав, обладает большой свободой. Такая организация не может быть названа революционной: «Отказ от подчинения руководству центров, – сказано в ленинской работе “Шаг вперед, два шага назад”, – равняется отказу быть в партии, равняется разрушению партии»¹⁷. Более того, отказ от принципа централизма является знаком оппортунизма – «смертного греха» любого революционера¹⁸. В. И. Ленин усматривал в позиции Ю. О. Мартова, выступившего против централизма на II съезде РСДРП, «несомненную тенденцию защищать автономизм против централизма, как принципиальную черту, свойственную оппортунизму в организационных вопросах»¹⁹. Автономизм страшен еще и тем, что он является по сути тем самым «шагом назад» в организационных вопросах, о котором говорил В. И. Ленин. Автономизм есть знак организационной отсталости:

В неразрывной связи с жирондизмом и барским анархизмом стоит последняя характерная особенность позиции новой «Искры» (имеется в виду вторая редакция газеты, меньшевистская по своему составу. – Е. К.) в организационных вопросах: это – защита *автономизма* против централизма. <...> Защита организационной отсталости (хвостизм) новой «Искры»²⁰ тесно связан с защитой *автономизма*²¹.

Тянут же назад партию ярые оппортунисты-меньшевики: «Меньшевики, – гласит “Краткий курс”, – явно тащили партию назад от II съезда партии к организационной раздробленности, к кружковщине, к кустарничеству»²². В данном контексте становится понятно, почему М. В. Нечкина вводит в свое повествование об организационных принципах строения Союза Благоденствия понятие *центр*. Актуализация идеи централизма была призвана подчеркнуть революционный характер декабристского общества, ибо централизм ассоциировался в рамках советского кода с истинной революционностью. Точно так же, как и в случае с централизмом, наличие крепких связей внутри организации является в советском коде знаком революционности. Подлинные революционеры объединяют все свои отдельные кружки, сливают их в единое целое, в монолитную организацию, готовую при случае действовать. Образец правильного организационного строения – большевистская партия, не была создана на первом съезде ровно потому, что «съезду не удалось отдельные марксистские кружки и организации объединить и связать организационно»²³. Партия, как показал И. В. Сталин, возникла

только после того, как удалось «связать воедино <...> бесчисленные кружки»²⁴.

Более того, организационные связи мыслились в советской культуре как фактор, оказывающий серьезное влияние на революционную работу. При их отсутствии нельзя говорить об успешной борьбе. Так, причина внутрипартийного кризиса, ударившего по партии после первой революции, виделась И. В. Сталиным в отсутствии крепких связей между комитетами:

Партия страдает не только оторванностью от масс, но и от того, что ее организации ничем не связаны друг с другом, не живут одной партийной жизнью, оторваны друг от друга. Петербург не знает, что делается на Кавказе, Кавказ не знает, что делается на Урале и т. д., каждый уголок живет своей особой жизнью²⁵.

И этот кризис был большевиками преодолен. Как показано в том же «Кратком курсе», большевики победили во многом благодаря единству.

Союз Благоденствия, созданный «первыми революционерами» (не оппортунистами!), при всей их «классовой ограниченности» должен был быть представлен на страницах монографии как общество, спаянное крепкими внутренними связями. В противном случае это – не подлинно революционная организация, а значит, идеи В. И. Ленина о революционности декабристов следует признать ложными (а делать это в 1950-е годы было нельзя). Теперь понятно то внимание, которое М. В. Нечкина уделяет теме организационных связей внутри Союза, как понятен и подтекст этого повествования – крепкие связи внутри Союза свидетельствуют о революционности декабристов.

Работа в легальных организациях является следующим знаком революционности в рамках советского кода. Революционная тактика мыслилась в советской культуре как умелое соединение нелегальной и легальной работы. В «Кратком курсе» говорится:

Большевики повели энергичную борьбу за превращение легальных обществ в опорные пункты нашей партии. Искусно соединяя нелегальную работу с легальной, большевики завоевали на свою сторону в обеих столицах большинство профессиональных объединений²⁶.

Успех большевиков в тяжелый для них период столыпинской реакции был связан с тем, что партия сумела использовать в своей работе легальную площадку – «от страховых касс до думской трибуны»²⁷. Напротив, отказ от работы в легальных организациях является знаком враждебного каждому революционеру отзовизма. Отзовисты выступают против работы в легальных обществах (отзывают из них революционеров, отсюда и название) и предлагают сконцентрироваться исключительно на конспирации. Такая позиция была однозначно охарактеризована в «Кратком курсе» как вредная для дела револю-

ционной борьбы, поскольку отзовисты «хотели замкнуться в подпольной организации и вместе с тем ставили ее под удар, лишая возможности использовать легальные прикрытия»²⁸.

Разумеется, декабристы не могли быть представлены на страницах монографии советского историка как отзовисты XIX века (другими словами, как та сила, революционность которой под большим сомнением). Декабристы как подлинные революционеры должны были вести активную работу в легальных обществах. Именно поэтому в тексте монографии «в друзья» к Союзу Благоденствия была записана масса легальных организаций.

Дисциплина – еще один знак революционности в советском коде. Истинный революционер всегда стремится установить твердую дисциплину в организации и всегда ее поддерживать. Успех большевиков, как показано в «Кратком курсе», был связан во многом с тем, что они всегда умели сохранить «твердую дисциплину в своих рядах»²⁹:

Ленин рассматривал партию, как *организованный отряд*, члены которого не сами зачисляют себя в партию, а принимаются в партию одной из ее организаций и подчиняются, стало быть, дисциплине партии³⁰.

Напротив, Ю. О. Мартов, как оппонент В. И. Ленина, отрицал партийную дисциплину:

Мартов рассматривал партию, как нечто организационно *неоформленное*, члены которого сами зачисляют себя в партию и не обязаны, стало быть, подчиняться дисциплине партии³¹.

Отрицание организационной дисциплины было знаком оппортунизма. В. И. Ленин говорил:

Вокруг меньшинства сплотилось все, тяготеющее к оппортунизму, все, что склонно тащить партию назад и взять реванш за обиды, нанесенные революционной социал-демократией ее противникам, все... <...> склонное к интеллигентски-анархическому отрицанию организации и дисциплины³².

Актуализация знака *дисциплина* на страницах монографии «Движение декабристов» вновь отсылала советского читателя к идее революционности Союза Благоденствия – из двух вариантов (строгая дисциплина или ее оппортунистическое отрицание) декабристы выбрали, как показала в своей монографии М. В. Нечкина, первый, что и свидетельствует об их революционности.

Таким образом, прочтение текста М. В. Нечкиной не может быть полным без учета того семиотического кода, в рамках которого в 1950-е годы создавался исторический нарратив об истории декабристского движения. Причина этого заключается в смысловой многоуровневости текста монографии. Повествование имеет два семиотических уровня. На уровне естественного языка как первичной знаковой системы М. В. Нечкина в интересующем нас фрагменте текста повествует о структуре Союза Благоденствия, но на коннотативном уровне речь идет совсем о другом – говорится о несомненной революционности декабристов. Семиотическим кодом, благодаря которому раскрывалась эта смысловая полифония, был советский миф о русской революции и истории большевистской партии. Механизм «рекрутирования» декабристов в революционеры, используемый в советской историографии, был сложнее, чем это принято полагать, – существенную роль в наделении декабристов революционными коннотациями играли семиотические по своей сути приемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 50-е годы XX века советские историки должны были фактами подтвердить тезис Ленина о декабристах как первых русских революционерах, стремившихся к свержению самодержавия и ликвидации крепостного строя. Кроме того, декабристы должны были предстать на страницах научных трудов как истинные патриоты, поскольку официальная антикомандитическая линия конца 1940-х – начала 1950-х годов имела, как показал А. М. Дубровский, ярко выраженный исторический аспект [7: 569]. Тот факт, что М. В. Нечкина завершила работу над монографией и издала ее уже после смерти И. В. Сталина, не отменял необходимости следовать руководящим указаниям – даже в середине 1950-х – середине 1960-х годов историкам удалось получить лишь относительную свободу [15: 266].

² В таких текстах «одни и те же знаки служат на разных структурно-смысовых уровнях выражению различного содержания» [12: 286]. По такому принципу построены, например, художественные тексты [3], [4], [5]. Идеи о семиотической многоуровневости текста получили распространение в гуманитаристике. В современной исторической науке эти идеи находим в исследованиях И. Н. Данилевского и С. Я. Сендеровича [6], [14].

³ Прежде всего в работах «Основы семиологии» [3], «S/Z» [5], «Текстовой анализ одной новеллы Эдгара По» [4]. О коннотативной семиотике Барта см. работу Г. Косикова [9].

⁴ Мы согласны с мнением Х. Уайта и Ф. Анкерсмита, согласно которому историческое прошлое как упорядоченный (объединенный причинно-следственной связью) и осмысленный феномен конструируется историком при помощи лингвистических и литературных средств [2], [20].

⁵ В этом смысле интересен бартовский пример с рекламой фирмы «Пандзани». В слове Пандзани коннотативным означающим являются фонематические составляющие «дз», отсылающие к итальянской культуре. Разбор этого примера см. в исследовании Г. Косикова [8].

⁶ Актуализация вторичных смыслов имеет интертекстуальный аспект, поскольку, как показал У. Эко, «чтение любого текста зависит от опыта читателя по чтению других текстов» [18: 43].

⁷ Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. I. С. 186. Далее цитируется по первому тому данного издания с указанием в круглых скобках фамилии автора и через двоеточие страницы.

⁸ Согласно М. В. Нечкиной, Коренная управа и Коренной союз являются с известными оговорками одним органом: «Союз Благоденствия делился на управы. Совокупность Коренного совета и остальных членов Коренного союза и составляла Коренную управу Союза Благоденствия. В силу этого можно отсюда сделать вывод, что Коренной союз Союза Благо-

денствия и Коренная управа Союза Благоденствия совпадали в своем личном составе и поэтому в сущности являлись понятиями тождественными» (Нечкина: 206).

- ⁹ Ленин В. И. Памяти Герцена // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 21. С. 261. Тезис о декабристах как первых русских революционерах, начавших дело, завершенное лишь большевиками, неоднократно был повторен В. И. Лениным. Ленин упоминал об участии декабристов в русском освободительном движении в работах «Памяти Герцена» (1912), «Роль сословий и классов в освободительном движении» (1913), «О национальной гордости великороссов» (1914), «Доклад о революции 1905 г.» (1917). Обращение к историческому материалу являлось для Ленина средством политической борьбы, поэтому нет ничего удивительного в том, что декабристы, народники и большевики взяты им вне конкретно-исторического контекста, но при этом ленинские высказывания имели статус аксиом для историков [13]. Как показал А. Л. Юрбанов, в интересующее нас время не имело значения, «насколько то или иное высказывание вождя партии соотносится с историческим контекстом, потому что в каждом классическом тексте выражается вся полнота истины» [19: 677].
- ¹⁰ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1946. С. 25.
- ¹¹ Никандров П. В. Мировоззрение П. И. Пестеля. Л., 1955. С. 6–7.
- ¹² Аксенов К. Северное общество декабристов. Л., 1951. С. 5.
- ¹³ Как показал Б. А. Успенский, исторический опыт не есть нечто абсолютное и объективно данное, он меняется со временем и выступает как производное от настоящего. У каждой культуры есть свои семантические доминанты, благодаря которым прошлое получает осмысливание [16]. История революции и большевистской партии являлась такой семантической доминантой в советской культуре интересующего нас времени.
- ¹⁴ Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Изд. 5-е. М., 1967. Т. 8. С. 188.
- ¹⁵ История Всесоюзной коммунистической партии... С. 48.
- ¹⁶ Ленин В. И. Шаг вперед... С. 222.
- ¹⁷ Там же. С. 335.
- ¹⁸ Оппортунизм в советском коде был противопоставлен революционности. В следующем отрывке из работы Ленина «Шаг вперед, два шага назад» хорошо видна эта оппозиция: «Разделение на большинство и меньшинство есть прямое и неизбежное продолжение того разделения социал-демократии на революционную и оппортунистическую <...> которое не вчера только появилось» (Ленин В. И. Шаг вперед... С. 330).
- ¹⁹ Ленин В. И. Шаг вперед... С. 365.
- ²⁰ «Новая редакция» газеты «Искра» была меньшевистской по своему составу.
- ²¹ Ленин В. И. Шаг вперед... С. 364.
- ²² История Всесоюзной коммунистической партии... С. 45.
- ²³ Там же. С. 23.
- ²⁴ Сталин И. В. Об основах ленинизма // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1947. С. 61.
- ²⁵ Сталин И. В. Партийный кризис и наши задачи // Сталин И. В. Сочинения. М., 1954. Т. 2. С. 147.
- ²⁶ История Всесоюзной коммунистической партии... С. 150.
- ²⁷ Сталин И. В. Заключительное слово по политическому отчету ЦК XV съезду ВКП(б). 7 декабря 1927 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 10. С. 370.
- ²⁸ История Всесоюзной коммунистической партии... С. 370.
- ²⁹ Там же. С. 151.
- ³⁰ Там же. С. 41.
- ³¹ Там же.
- ³² Ленин В. И. Чего мы добиваемся? (К партии) // Ленин В. И. ПСС: В 55 т. М., 1967. Т. 9. С. 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Г. Д. История. Идеология. Политика (20–30-е гг.) // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 79–166.
2. Анкерсмит Ф. История и тропология: Взлет и падение метафоры. М.: Канон+, 2009. 400 с.
3. Барт Р. Основы семиологии // Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 275–352.
4. Барт Р. Текстовой анализ одной новеллы Эдгара По // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 424–461.
5. Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
6. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
7. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е годы). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2005. 800 с.
8. Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 7–22.
9. Косиков Г. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 5–50.
10. Лотман Ю. М. Культура и информация // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 143–153.
11. Лотман Ю. М. Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 287–295.
12. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 274–294.
13. Осиянникова А. А. Эпоха в советской исторической науке: В. И. Ленин // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 52–78.
14. Сендерович С. Я. Раннее русское летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. I. С. 461–499.
15. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Середина 50-х гг. – середина 60-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 244–268.

16. Успенский Б. А. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. С 9–45.
17. Хорошева А. «Пушкин наш, советский!». Почему Сталин в 1937 году организовал пушкинские торжества // Живая история. 2017. № 5 (5). С. 17–22.
18. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: РГГУ, 2005. 502 с.
19. Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.
20. White H. Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, London: The John Hopkins University Press, 1990. 244 p.

Kamenev E. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**THE UNION OF PROSPERITY AS A “PARTY OF A NEW TYPE”
(connotative meanings in M. V. Nechkina’s monograph *The Decembrist Movement*)**

The connotative semiotic level of M. V. Nechkina’s monograph *The Decembrist Movement* (1955), which was not previously the subject of a special historiographical analysis, is investigated. The analysis of the Soviet historian’s text revealed that it is built on the principle of multilevel semantics: besides the literal meaning, there is also the culturally-based one. Culturally-based content was formed due to the very form of narration. M. V. Nechkina described the organizational structure of the Union of Prosperity within the official discourse about Russian revolution and the history of the Bolshevik Party. The discourse used by the monograph’s author provided the actualization of official Soviet ideologemes in the text and set up the mechanism of intertextual connections. The immersion of the Soviet historian’s narrative into this cultural context ensured the inclusion of secondary meanings in it. By referring to the precedent texts of the Soviet era M. V. Nechkina indicated that the organizational structure of the Union of Prosperity corresponded to the Bolshevik Party structure. These parallels had an important interpretational significance – due to them the Decembrists were interpreted as real revolutionaries. The study of connotative meanings in M. V. Nechkina’s monograph is essential for understanding the mechanism of formation of the Decembrists’ Soviet image on the basis of the combination of scientific and cultural codes.

Key words: historiography of the Decembrists movement, M. V. Nechkina, connotative meanings, semiotics

REFERENCES

1. Алексеева Г. Д. History. Ideology. Politics (1920s–1930s). *Historical science of Russia in the XX century*. Moscow, 1997. P. 79–166. (In Russ.)
2. Ankermitt F. History and tropology. The rise and fall of metaphor. Moscow, 2009. 400 p. (In Russ.)
3. Barthes R. Elements of semiology. *Writing degree zero*. Moscow, 2008. P. 275–352. (In Russ.)
4. Barthes R. Textual analysis of a tale by Edgar Poe. Selected works. Semiotics. Poetics. Moscow, 1989. P. 424–461. (In Russ.)
5. Barthes R. S/Z. Moscow, 2001. 232 p. (In Russ.)
6. Danilevskiy I. N. The Tale of Bygone Years: the hermeneutical bases of chronicles. Moscow, 2004. 370 p. (In Russ.)
7. Dubrovskiy A. M. Historian and authority: the historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (1930–1950). Bryansk, 2005. 800 p. (In Russ.)
8. Kosikov G. Ideology. Connotation. Text. Barthes R. S/Z. Moscow, 2001. P. 7–22. (In Russ.)
9. Kosikov G. Roland Barthes – semiotician and theorist of literature. Barthes R. *Writing Degree Zero*. Moscow, 2008. P. 5–50. (In Russ.)
10. Lotman Yu. M. Culture and information. *Lotman Yu. M. Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg, 2002. P. 143–153. (In Russ.)
11. Lotman Yu. M. The stage and painting as code mechanisms for cultural behavior in the early XIX century. *Lotman Yu. M. Selected articles in three volumes. Vol. I: Articles on semiotics and typology of culture*. Tallin, 1992. P. 287–295. (In Russ.)
12. Lotman Yu. M. Theses on the problem of “art in a series of modeling systems”. *Lotman Yu. M. Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg, 2002. P. 274–294. (In Russ.)
13. Ovsyannikov A. A. The era in Soviet historical science: V. I. Lenin. *Historical science of Russia in the XX century*. Moscow, 1997. P. 52–78. (In Russ.)
14. Senderovich S. Ya. Early Russian chronicles and the problem of the beginning of Russian historiography. *The history of Russian culture*. Moscow, 2000. Vol. I. P. 461–499. (In Russ.)
15. Sidorova L. A. The Thaw in historical science. From the mid-1950s to the mid-1960s. *Historical science of Russia in the XX century*. Moscow, 1997. P. 244–268. (In Russ.)
16. Uspenskij B. A. History and semiotics. The perception of time as a semiotic problem. *Uspenskij B. A. Studies on Russian history*. St. Petersburg, 2002. P. 9–45. (In Russ.)
17. Horosheva A. “Pushkin is our Soviet man!” Why Stalin organized celebrations commemorating Alexander Pushkin in 1937. *Zhivaya istoriya*. 2017. No 5 (5). P. 17–22. (In Russ.)
18. Eco U. The role of the reader: explorations in the semiotics of texts. Moscow, 2005. 502 p. (In Russ.)
19. Yurganov A. L. The Russian national state: the existential world of the Stalin period historians. Moscow, 2011. 765 p. (In Russ.)
20. White H. Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, London, 1990. 244 p.

Поступила в редакцию 20.11.2018

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ОСИПОВ

кандидат исторических наук, исследователь департамента истории и географии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

osipov@uef.fi

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА

Рассматриваются ключевые проблемы экологического туризма с акцентом на исследованиях европейских, американских и австралийских ученых, что объясняется большей степенью концептуализации экотуризма в зарубежной историографии. В качестве основных тематических блоков выделены терминологический, социально-экономический, а также имиджевые аспекты экотуризма. Иллюстрацией к некоторым рассматриваемым проблемам служат национальные парки Финляндии и Республики Карелия. Анализ современной научной литературы демонстрирует дискуссионность и неоднозначность термина «экотуризм», а также наличие разнообразных подходов к трактовке данного явления. Приведены данные о первом появлении и применении этого термина как в России, так и за рубежом, а также изложены некоторые экономические модели, позволяющие оценить воздействие экотуризма на местную экономику. Большинство исследователей подчеркивают недостаточную вовлеченность локальных сообществ в функционирование экотуризма, а также завышенные ожидания местных властей от данного процесса, несмотря на усиливающуюся коммерциализацию охраняемых природных территорий. Важной функцией экотуризма является конструирование природных имиджей, которые могут становиться национальными пейзажами и средствами национальной самоидентификации, как это происходит в Финляндии.

Ключевые слова: экотуризм, Финляндия, Карелия, национальный парк, Паанаярви, самоидентификация

Бурное развитие индустрии туризма в последнее время происходит как экстенсивным, так и интенсивным путями: рост числа туристов и увеличение финансовых потоков в этой отрасли сопровождаются открытием новых направлений и появлением новых видов туризма. Характерной чертой современности становится дифференциация туризма и развитие его отдельных видов, таких как культурный, религиозный, экстремальный, ностальгический и др. Отдельную нишу занимает природный туризм, в котором, в свою очередь, можно выделить экологический, сельский, альтернативный, спортивный и приключенческий виды. Особую популярность в последние два десятилетия приобрел термин «экологический туризм» наряду с другими «экотенденциями» – экоавтомобилями, экопродуктами, экожильем.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Согласно наиболее распространенной точке зрения в западной историографии термин «экологический туризм» был предложен мексиканским исследователем Гектором Цебаллос-Ласкурейном в 1983 году [10: 2]. Профессор Дэвид Феннелл из канадского университета Брука свидетельствует о существовании экотуров еще в 1970-е годы в рамках охраняемых природных территорий вдоль Трансканадского шоссе, а также приводит ряд других подобных примеров из международного опыта [18: 18]. Таким образом, практика

экотуризма существовала до официального появления этого термина.

Ключевой вопрос однако состоит не в периоде появления (это, скорее, актуально в региональном аспекте), а в трактовке самого понятия. Выдвинув термин «экологический туризм», Цебаллос-Ласкурейн определял его как «путешествие по относительно нетронутым природным территориям с акцентом на обучении, восхищении и получении удовольствия от пейзажа, диких растений и животных, а также от культурных аспектов»¹ [10: 2]. Вошедший в моду термин подвергся ревизии спустя десять лет со стороны самого автора, добавившего в определение понятия ответственного путешествия, минимального воздействия на окружающую среду и социально-экономических выгод для местного населения [10: 2].

По подсчетам Дэвида Феннелла, осуществленным в 2008 году, термин «экотуризм» получил 85 определений в научной литературе [18: 24]. Большинство из них к основным характеристикам экотуризма относят его природный характер, образовательный элемент, устойчивость, минимальное воздействие на окружающую среду и бенефиции для местного населения [12: 26], [16: 286], [18: 20–24], [19: 4–6], [31: 23–26]. Впрочем, австралийский исследователь Расселл Блейми отмечал, что для минимального определения достаточно и первых двух категорий [14: 23].

Термин «экологический туризм» не является новым для России, существуя уже порядка

20 лет. Впрочем, время его появления и точное определение являются дискуссионными. Коллектив авторов наиболее авторитетной, на наш взгляд, работы в данной области «Экологический туризм на пути в Россию», опубликованной еще в 2002 году, но не утратившей своей актуальности, датирует появление термина 1995–1996 годами [6: 4, 184]. Тогда, при поддержке программы Европейского союза ТАСИС (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States), впервые был разработан план развития экологического туризма в Водлозерском национальном парке в Республике Карелия. Одновременно, в рамках проекта Всемирного фонда дикой природы (World Wildlife Fund) и Агентства США по международному развитию (United States Agency for International Development), началось внедрение экологического туризма в заповедниках Приморского края [6: 4]. Впрочем, на страницах карельской прессы термин «экологический туризм» появляется позднее – во второй половине 1990-х годов [9: 2], а повсеместное распространение получает в 2000-е годы.

Доцент Национального исследовательского Мордовского университета Наталья Емельянова относит появление этого термина в СССР к середине 1980-х годов, когда специалистами Бюро международного молодежного туризма «Спутник» Иркутского обкома ВЛКСМ были впервые разработаны и внедрены маршруты экологического туризма [2: 26]. Маршруты были составлены таким образом, что туристы не только отдыхали, но и знакомились с экологическими проблемами озера Байкал и участвовали в их решении. Тем самым, резюмирует автор, понятие «экотуризм» воспринималось в то время как моральная категория, нежели экономическая [2: 26].

Экологический туризм основан прежде всего на использовании охраняемых природных территорий – нетронутых либо подвергшихся минимальному антропогенному воздействию. Однако этот базовый постулат также подвергается сомнению: Расселл Блейми ставит вопрос о соответствии духу экотуризма прогулки в восстановленном лесу и плавания в загрязненном озере, пытаясь доказать, что охраняемые территории не решают вопроса определения экотуризма. По его мнению, важен непосредственно природный характер экотуризма и образовательный элемент, а не статус территории [13: 8]. К этой же проблеме обращаются австралийские исследователи Лаура Лоутон и Дэвид Уивер. Авторы отмечают, что площадкой для экотуризма могут стать и модифицированные человеком пространства: как сельские (пастбища и фермы), так и городские (парки и ботанические сады) [27: 316–323].

Профессор Оклендского технологического университета Марк Орамс в своих рассуждениях выдвигает парадоксальную идею о невозмож-

ности экотуризма, поскольку любой вид туризма оказывает негативное влияние на природу [31: 29]. Впрочем, он оговаривает нереалистичность подобного суждения и призывает к продолжению дискуссии о характере экотуризма в семантической плоскости [31: 29, 33]. Действительно, ключевой парадокс экотуризма заключается в стремлении сохранить нетронутую природу в сочетании с развитием самого туризма, что позволяет говорить о феномене этого явления [23: 119–129].

Доктор Димитриос Диамантис, представляющий в настоящее время Международную школу отельного менеджмента Швейцарии, предлагает использование «компромиссных технических определений», что означает введение шкалы для обозначения характеристик экотуризма [17: 7]. Концепция Диамантиса, близкая к идеям Блейми, предусматривает четыре определения экотуризма посредством описания его характеристик: от очень слабого до очень сильного. То есть в наименее слабое определение экотуризма входит лишь природный компонент, а в наиболее сильное, помимо природной составляющей, также входят образовательный компонент и устойчивое социально-культурное и экономическое развитие [17: 7].

Термин «экологический туризм» имеет ряд синонимов – медленный, мягкий, зеленый и др., применение которых вызывает дополнительную дискуссию. Так, например, авторы коллективной монографии «Медленный туризм» пытаются концептуализировать одноименное понятие применительно к природе через противопоставление его «быстрому» или «потребительскому» туризму [39: 39]. Подобный вид туризма подразумевает короткое пребывание, использование быстрых средств передвижения и, в конечном итоге, привнесение своего образа жизни в место отдыха [26: 2].

Наиболее популярным синонимом экологического туризма является термин «природный», однако большинство исследователей полагают неверным ставить знак равенства между этими понятиями и предлагают считать «экологический туризм» частью природного [16: 286], [18: 24], [31: 27]. По мнению профессора Ольстэрского университета Северной Ирландии Стивена Бойда, основное различие между этими понятиями заключается в более тесной связи природного туризма с регионами и их экономическим развитием, а также в большей активности, присущей природному туризму в отличие от экологического, где доминирует наблюдение [15: 22, 23]. Активность, переходящая в элемент риска, позволяет выделить еще один вид туризма – приключенческий, который иногда относят к экологическому [18: 34], [40: 74, 75].

Выделение новых видов туризма, часть из которых являются близкими по сути, заставляет

современных исследователей искать новые формы для определения возникающих явлений. Например, Дэвид Феннелл предлагает использовать термин «АСЕ» (adventure, culture, ecotourism), объединяющий понятия приключенческого, культурного и экологического туризма [18: 36]. В противовес Феннеллу профессор Ральф Бакли из австралийского университета Гриффита вводит понятие NEAT (nature, eco- and adventure tourism), исключая культурное измерение [16: 6, 7].

Отсутствие единого общепринятого определения экотуризма оставляет этот термин дискуссионным, что приводит к широкому разбросу мнений относительно характера этого явления. Попытка дать свое определение экотуризму – неизменная черта большинства современных исследований. В то же время, рассматривая понятие экотуризма, исследователи зачастую оставляют за рамками своих работ определение экотуристов. Как справедливо отмечает Стивен Байд, подобные определения даются учеными и индустрией туризма, а не самими туристами, которые редко отождествляют себя с конкретным типом посетителей [15: 19].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭКОТУРИЗМА

Важной составляющей экологического туризма является его экономическое и социальное воздействие на местное население: приток денежных средств, создание новых рабочих мест, изменение традиционного жизненного уклада местного населения и т. д. Согласно подсчетам американских ученых Кеннета Бакмана и Дуарте Мораис, основу исследований которых составляет анализ публикаций ведущих американских научных туристских журналов за шестилетний период во второй половине 1990-х годов, наиболее популярным методом оценки экотуризма является модель «затраты – выпуск» [11: 598]. Суть метода в данном случае заключается в выявлении связей между охраняемыми природными территориями и их продукцией – экотуризмом, с одной стороны, и затратами других отраслей, обеспечивающих создание этого продукта, – с другой [28: 371–374]. Несмотря на то что метод был разработан русским ученым Василием Леонтьевым, в настоящее время он не находит широкого применения в оценке отечественных исследователей экономического влияния экотуризма.

Традиционными параметрами оценки воздействия экотуризма на региональную экономику являются совокупный доход, занятость в сфере туризма, а также создание новых средств размещения. Именно такими категориями оперирует Государственный комитет Республики Карелия по туризму в отчете за 2011–2014 годы². Во второй половине 1990-х и начале 2000-х годов на экологический туризм в республике возлага-

лись большие надежды. С учетом сокращения территорий лесозаготовок и включением их в состав национальных парков «Водлозерский» и «Паанаярви» экотуризму отводилась существенная роль в развитии Лоухского и Пудожского районов соответственно. Однако практика показала небольшой рост числа туристов и, как следствие, несбывшиеся ожидания от экотуризма. Так, например, национальный парк «Паанаярви» принимает в настоящее время около 6 000 туристов в год вместо планировавшихся 35 000 [5: 124], а доля экотуристов от общего числа посетителей республики составляет лишь 5 %³. Стоит сразу оговориться, что официальная статистика учитывает только посетителей национальных парков и не включает так называемый неорганизованный туризм. Впрочем, эта цифра выглядит неплохо на общероссийском фоне, где, по некоторым оценкам, экотуризм занимает менее 1 % в общей структуре российского туристского рынка [7: 4].

Большинство современных исследователей подчеркивают, что экотуризм нельзя рассматривать в качестве панацеи для местной экономики, когда начальные ожидания оказываются сильно завышенными [21: 9], [32: 29]. Это особенно характерно для регионов с высоким экотуристским потенциалом, экономика которых находится в переходном состоянии, а традиционные отрасли (например, лесозаготовки или горное дело) в упадке. Точно так же экотуризм не является панацеей для экосистем, поскольку консервация и устойчивое развитие не решают глобальных экологических проблем [26: 33]. Российские реалии демонстрируют низкий коммерческий эффект от эксплуатации охраняемых природных территорий, а также незначительную часть альтернативного финансирования [3: 18], [7: 23].

Взаимодействие экотуризма и местных сообществ представляет собой отдельный комплекс задач. Доцент Технологического университета Сиднея Стивен Уэаринг отмечает необходимость большего вовлечения местных сообществ в развитие туризма – от стадии планирования до осуществления проекта [38: 398]. Распределение доходов от экотуристской деятельности на охраняемых природных территориях в пользу местного населения способствует более эффективному сосуществованию модели «национальный парк – деревня», а также препятствует браконьерству. Заинтересованность местных жителей в поддержании существующего режима на охраняемой природной территории является основой устойчивого развития [20: 168–169].

Рассматривая туризм как предмет потребления, Уэаринг пишет о коммерциализации природы в целом и охраняемых природных терри-

торий в частности [38: 399]. А это приводит к удовлетворению в первую очередь нужд посетителей: местные жители вынуждены подстраивать свои культурные обычай, ориентируясь на туристов и отвечая их пожеланиям [29: 65], [38: 399]. Эти данные получили подтверждение в ходе научно-исследовательского проекта, осуществленного в начале 2000-х годов в местечке Калайоки в Финляндии: местные жители оказались недовольны туристской деятельностью, отмечая, что все развитие происходит только для нужд туристов [24: 121]. Впрочем, подстраивание под интересы туристов происходит не только со стороны местных жителей или властей: организаторы экотуров зачастую используют приставку «эко» применительно к любому отдыху на природе. Таким образом, термин «экотуризм», утрачивая свое значение, может выступать уже в качестве инструмента маркетинга [31: 33], [32: 30].

Термин «сообщества» (или «местные сообщества») не является однородным и не определяется лишь географическими характеристиками. Современные исследования подчеркивают его связь с понятиями власти, неравенства и ответственности в рамках развития туризма [35: 255], что находит свое отражение и на примере Республики Карелия. Речь идет о расколе среди жителей Приладожья в 1990–2010 годах по вопросу создания национального парка «Ладожские шхеры» [1: 3], [8: 1]. Рассмотрение этого социально-экономического конфликта уместно через призму взаимоотношений власти, общества и национального парка.

Среди большого количества социально-экономических вопросов экотуризма, его воздействия на окружающую среду и местные сообщества также следует выделить подход, предложенный австралийским исследователем Ральфом Бакли. Автор заимствует концепцию тройного критерия (Triple bottom line), применяемую для выстраивания бизнеса и основанную на трех параметрах: природном, социальном и финансовом. В данном случае экотуризм рассматривается в качестве бизнеса, оцениваемого по трем указанным параметрам [16: 270–275]. Бакли отмечает, что этот подход не идеален прежде всего потому, что между критериями не существует единого эквивалента, измеримого в одной системе мер. Кроме того, каждый из параметров может быть по-разному оценен в зависимости от страны, региона, компании, временных рамок [16: 276–281].

Рассмотрение экотуризма в качестве продукта потребления и его возрастающая коммерциализация усиливают воздействие этого явления как на природу, так и на локальные сообщества. Эта тенденция возвращает нас к одному из центральных понятий экотуризма – устойчивому развитию.

ИМИДЖ ЭКОТУРИЗМА

Некоторые представители западной историографии связывают термин «национальный парк» с национальной идеей, самосознанием и самоидентификацией народа. Впрочем, национальная идентификация посредством туризма главным образом происходит через музеи и культурное наследие. В то же время природные достопримечательности, включая национальные парки, выполняющие роль национальных символов, привлекают все большее внимание исследователей [22: 63]. Однако эта тенденция пока не характерна для России. Так, например, самый посещаемый национальный парк страны – «Лосинный Остров», находящийся в границах Москвы, не является визитной карточкой столицы и не служит средством национальной самоидентификации. Эта ситуация будет справедливой и для Карелии, главные достопримечательности которой – это объекты культурно-исторического наследия – Кижи, Валаам и горный парк «Рускеала». В то же время самый популярный природный туристский объект Карелии – водопад Кивач, входящий в одноименный заповедник, в лучшем случае, является региональным идентификатором, символизируя природу Карелии в целом.

Иная ситуация сложилась в Финляндии, природные богатства которой зачастую выступают в качестве национальных символов, а классическая идеология сохранения природы и внутренний туризм были частью развития национальной идентичности и патриотизма [33: 48], [36: 33]. Примером такого рода символов является район озера Паанаярви, входивший в состав Финляндии до конца Второй мировой войны. Эта территория получила неофициальное название Финляндской Швейцарии и обрела широкую популярность благодаря работам художественного оформителя «Калевалы» Акселя Галлен-Каллела [30: 102].

Другим примером служит гора Укко-Коли в национальном парке «Коли», которая с конца XIX века привлекала жителей Великого княжества Финляндского. Гора вдохновляла художников, поэтов, писателей, композиторов – Ээро Ярнелфельта, Юхани Ахо, Яна Сибелиуса, а пейзаж, открывавшийся с нее, считался национальным. Посещение Коли включало в себя традиционное фото наверху горы, тем самым приобщение к национальному пейзажу. Открытие горнолыжных трасс в 1930-е годы и развитие спортивного туризма изменили имидж этого места, сделав его еще более популярным. С другой стороны, основание национального парка в 1991 году дополнило имидж Коли, сделав его объектом экологического туризма. Таким образом, Коли остается природным национальным символом Финляндии уже на протяжении полтораста лет, одна-

ко его имидж с годами претерпевает изменения [5: 121, 122].

Профессор университета Оулу Яркко Сааринен справедливо отмечает существующую до сих пор романтизацию и идеализацию имиджа северной природы Финляндии. В то же время влияние экологического туризма не ограничивается физическим либо экономическом воздействием на местное сообщество, но также конструирует имиджи отдельных мест, особенно посредством туристской литературы и рекламы [34: 41]. При этом туристы, регулярно посещающие такие места, также оказываются вовлечены как в местное сообщество, так и в конструирование имиджей территорий [37: 59]. Развивая мысль, Сааринен отмечает, что эти имиджи могут создаваться и без непосредственного контакта людей и природы [34: 41].

Понятие «национальный парк» может вызывать в воображении целый ряд имиджей: нетронутая природа, привлекательное туристское направление, обширная развлекательная площадка, двигатель экономики, наследие родины, природная лаборатория, заповедник, центр экосистемы. В то же время парк не может быть всеми категориями одновременно для всех: для большинства людей понятие «национальный парк» олицетворяется с дикой природой [25: 10]. Подобная постановка вопроса не бесспорна, поскольку национальный парк – это территория, подвергавшаяся антропогенному воздействию посредством прохождения дорог и мест для размещения туристов [25: 263]. Таким образом, измененная человеком природная территория, осознаваемая через культурное восприятие, становится уже культурным ландшафтом, считает доцент университета Южного Квинсленда (Австралия) Хизер Зеппель [41: 268].

Идея рассмотрения национального парка как культурного ландшафта не является новой: известный русский географ Анатолий Исаченко еще в начале 1990-х годов выделял несколько типов ландшафтов, придавая особое значение культурным. По его мнению, национальные парки, которые в тот период только появлялись в СССР, могут выступать альтернативной формой соединения природоохранных, рекреационных, куль-

турно-воспитательных, а также экономических функций геосистем [4: 345, 351]. Экотуризм, набирающий популярность в России, подтвердил идеи Исаченко. В то же время национальные парки в России пока не стали формой выражения национальной самоидентификации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная историография не предлагает единой трактовки термина «экотуризм». Напротив, разнообразие подходов к определению этого явления предполагает еще большую теоретизацию вопроса, что, в свою очередь, влечет появление различных «надстроек», объединяющих понятия экологического, приключенческого и культурного туризма. Таким образом, акцент современных исследований сосредоточен главным образом на самом понятии экотуризма, а также его социальном и экономическом воздействии на региональную экономику. Существуют различные методы оценки данного воздействия, однако общий вывод, как правило, резюмирует недостаточную включенность местного населения в развитие и функционирование экотуризма. Большинство исследователей подчеркивают, что экотуризм не является панацеей для местной экономики. Так, например, его доля в общем туристском потоке в Карелии составляет всего лишь 5 %. В некоторых случаях термин «экотуризм» является искусственным: речь идет о маркетинговых ходах и подмене понятий с целью привлечения туристов. Иными словами, модный термин «экотуризм» может использоваться в качестве рекламы для иных видов туристской активности. С другой стороны, сам термин был введен учеными и подхвачен индустрией туризма, в то время как путешественники редко отождествляют себя с конкретным типом туристов. Важной, но, видимо, еще не полностью оцененной является связующая функция экотуризма между природными достопримечательностями и национальным самосознанием. Экотуризм конструирует природные имиджи, которые становятся национальными пейзажами и знаковыми местами, а через посещение таких мест происходит самоидентификация на национальном или региональном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

² НАРК. Ф. Р-3750. Оп. 1. Д. 1/12. Л. 1-24.

³ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вансовская Е. Шаг вправо, шаг влево – расстрел? // Ладога-Сортавала. 2012. 25 июня. С. 3.
2. Емельянова Н. А. История развития экологического туризма в России // Мордовский заповедник. 2013. № 5. С. 26–27 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-ekologicheskogo-turizma-v-rossii> (дата обращения 16.10.2018).
3. Звягина Е. С. Экологический туризм как фактор изменений особо охраняемых природных территорий (ООПТ) Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2015. 24 с.

4. Исащенко А. Г. Ландшафтovedение и физико-географическое районирование. М.: Высшая школа, 1991. 366 с.
5. Ка рху Я., Оси пов А. Ю. Туризм в северном измерении (некоторые итоги IX Международного конгресса арктических социальных наук) // Артика и Север. 2017. № 28. С. 118–125 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/f65/08-_Karkhu_-Osipov.pdf (дата обращения 16.10.2018). DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.28.118.
6. Ледовских Е. Ю., Дроздов А. В., Моралева Н. В. Экологический туризм на пути в Россию. Принципы, рекомендации, российский и зарубежный опыт. Тула: Гриф и К, 2002. 284 с.
7. Макарова К. А. Территориальная сеть национальных парков России как объект экологического туризма: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2017. 27 с.
8. Национальный парк «Ладожские шхеры»: правда против мифа // Красное знамя. 2014. Октябрь. № 2. С. 1.
9. Тимофеев В. ЮНЕСКО в парке «Водлозерский» // Северный курьер. 1998. 10 июля. С. 2.
10. Arq. Hector Ceballos-Lascurain. The architect of ecotourism [Interview with H. Ceballos-Lascurain] // Ecoclub.com. Year 7. Issue 85. P. 2–4. Available at: <http://ecoclub.com/news/085.pdf> (accessed 16.10.2018).
11. B a c k m a n K. F., M o r a i s D. B. Methodological approaches used in the literature // The encyclopedia of ecotourism / Ed. D. B. Weaver. Wallingford: CABI, 2001. P. 597–609.
12. B j ö r k P. Definition paradoxes: from concept to definition // Critical issues in ecotourism: understanding a complex tourism phenomenon / Ed. J. Higham. Amsterdam: Butterworth-Heinemann/Elsevier, 2007. P. 23–45.
13. Bla mey R. K. Principles of ecotourism // The encyclopedia of ecotourism / Ed. D. B. Weaver. Wallingford: CABI, 2001. P. 5–22.
14. Bla mey R. K. The nature of ecotourism. Canberra: Bureau of Tourism Research, 1995. 158 p.
15. B o y d S. W. Heritage and nature-based tourism: relationships and commentary // Nature-based tourism research in Finland: local contexts, global issues / Ed. J. Saarinen, C. M. Hall. Rovaniemi: Rovaniemi Research Station, 2004. P. 19–31.
16. B u c k l e y R. Ecotourism: principles and practices. Wallingford: CABI, 2009. 368 p.
17. D i a m a n t i s D. Ecotourism management: an overview in ecotourism // Ecotourism. Management and assessment / Ed. D. Diamantis. London: Thomson Learning, 2004. P. 3–26.
18. F e n n e l l D. Ecotourism. London: Routledge, 2008. 282 p.
19. G i n i F., M e t a s t a s i o R., P a s s a f a r o P., S a a y a m a n M., v a n d e r M e r w e P. Youth and ecotourism: a road trip towards the future sustainability of natural areas // Ecotourism and sustainable tourism: management, opportunities and challenges / Ed. R. H. Price. Nova Science Publisher's Inc., 2017. P. 1–28.
20. G o o d w i n H. Local community involvement in tourism around national parks: opportunities and constraints // Global ecotourism policies and case studies: perspectives and constraints / Ed. M. Luck, T. Kirstges. Clevedon: Channel View Publications, 2003. P. 166–188.
21. H a l l C. M., B o y d S. Nature-based tourism and regional development in peripheral areas: introduction // Nature-based tourism in peripheral areas: development or disaster? / Ed. C. M. Hall, S. Boyd. Clevedon: Channel View Publications, 2005. P. 3–16.
22. H a l l C. M., F r o s t W. National parks, national identity and tourism // Tourism and national parks. International perspectives on development, histories and change / Ed. C. M. Hall, W. Frost. London: Routledge, 2009. P. 63–77.
23. H i g h a m J., L u c k M. Ecotourism: pondering the paradoxes // Critical issues in ecotourism: understanding a complex tourism phenomenon / Ed. J. Higham. Amsterdam: Butterworth-Heinemann/Elsevier, 2007. P. 115–135.
24. H y n ö n e n A. Combining tourism planning and sustainable development in the Kalajoki tourism destination, Northern Finland // Nature-based tourism research in Finland: local contexts, global issues / Ed. J. Saarinen, C. M. Hall. Rovaniemi: Rovaniemi Research Station, 2004. P. 113–128.
25. K e i t e r R o b e r t B. To conserve unimpaired: the evolution of the national park idea. Washington: Island Press, 2013. 343 p.
26. K i r s t g e s T. Basic questions of “sustainable tourism”: does ecological and socially acceptable tourism have a chance? // Global ecotourism policies and case studies: perspectives and constraints. / Ed. M. Luck, T. Kirstges. Clevedon: Channel View Publications, 2003. P. 1–20.
27. L a w t o n L. J., W e a v e r D. B. Modified spaces // The encyclopedia of ecotourism / Ed. D. B. Weaver. Wallingford: CABI, 2001. P. 315–326.
28. L i n d b e r g K. Economic impacts // The encyclopedia of ecotourism / Ed. D. B. Weaver. Wallingford: CABI, 2001. P. 363–377.
29. L o v e n L. Names and tales as a source of nature-based tourism development // Nature-based tourism research in Finland: local contexts, global issues / Ed. J. Saarinen, C. M. Hall. Rovaniemi: Rovaniemi Research Station, 2004. P. 63–70.
30. N u u t i n e n A. Suomen Sveitsissä. Kesäkuvaus Kuusamosta. Porvoo: WSOY, 1932. 116 p.
31. O r a m s M. B. Types of ecotourism // The encyclopedia of ecotourism / Ed. D. B. Weaver. Wallingford: CABI, 2001. P. 23–36.
32. P a g e S. J., D o w l i n g R. K. Ecotourism. Harlow: Prentice Hall, 2002. 338 p.
33. P u h a k k a R. Increasing role of tourism in Finnish national parks // Fennia. 2008. 186: 1. P. 47–58.
34. S a a r i n e n J. Tourism in the northern wilderness // Nature-based tourism in peripheral areas: development or disaster? / Ed. C. M. Hall, S. Boyd. Clevedon: Channel View Publications, 2005. P. 36–49.
35. S a a r i n e n J., N e p a l S. K. Towards a political ecology of tourism – key issues and research prospects // Political ecology and tourism / Ed. S. K. Nepal, J. Saarinen. London: Routledge, 2016. P. 253–264.
36. S o r s a R. The role of tourism in Finnish nature conservation from the Nineteenth Century to the present // Nature-based tourism research in Finland: local contexts, global issues / Ed. J. Saarinen, C. M. Hall. Rovaniemi: Rovaniemi Research Station, 2004. P. 33–46.
37. T u u l e n t i e S. The power of nature-based tourism: tensions between different understandings of nature at the peripheral tourist resort of Kilpisjärvi // Nature-based tourism research in Finland: local contexts, global issues / Ed. J. Saarinen, C. M. Hall. Rovaniemi: Rovaniemi Research Station, 2004. P. 47–61.

38. Wearing S. Exploring socio-cultural impacts on local communities // The encyclopedia of ecotourism / Ed. D. B. Weaver. Wallingford: CABI, 2001. P. 395–410.
39. Wearing S., Wearing M., McDonald M. Slow'n down the town to let nature grow: ecotourism, social justice and sustainability // Slow travel and tourism: experiences and mobilities / Ed. S. Fullagar, K. Markwell, E. Wilson. Buffalo: Channel View Publications, 2012. P. 36–50.
40. Weaver D. B. Ecotourism in the context of other tourism types // The encyclopedia of ecotourism / Ed. D. B. Weaver. Wallingford: CABI, 2001. P. 73–83.
41. Zeppe H. National parks as cultural landscapes. Indigenous peoples, conservation and tourism // Tourism and national parks. International perspectives on development, histories and change / Ed. C. M. Hall, W. Frost. London: Routledge, 2009. P. 259–281.

Osipov A. Yu., University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

THE CONTEMPORARY ISSUES OF HISTORIOGRAPHY OF ECOTOURISM

The article focuses on the key issues of ecotourism putting the emphasis on the studies of the European, American and Australian scholars that could be explained by a higher level of conceptualization of ecotourism in foreign historiography. The main issues of the article are terminology, social-economic and image aspects of ecotourism. Some national parks of Finland and the Republic of Karelia are presented as an illustration of some of the issues concerned. Analysis of contemporary scientific literature demonstrates disputable and ambiguous character of the term “ecotourism” and various approaches to the interpretation of this topic. The article contains the data about the first appearance and utilization of this term in Russia and abroad; it also expounds some economic models, which allow to estimate ecotourism impact to local economy. The majority of researchers stress insufficient involvement of local communities into the functioning of ecotourism and overestimated expectations of local authorities from this process in spite of growing commercialization of nature protected areas. The important role of ecotourism is to construct nature images, which could become national landscapes and ways of national self-identification, as it occurs in Finland.

Key words: ecotourism, Finland, Karelia, national park, Paanajärvi, self-identification

REFERENCES

1. Vansovskaya E. Stay where you are, or they will shoot you. *Ladoga – Sortavala*. 2012. 25 June. P. 3. (In Russ.)
2. Mel'yanova N. A. The history of ecotourism development in Russia. *Mordovskiy zapovednik*. 2013. No 5. P. 26–27. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-ekologicheskogo-turizma-v-rossii> (accessed 16.10.2018). (In Russ.)
3. Zvyagina E. S. Ecotourism as a factor of changes of specially protected natural areas in the Russian Federation: Diss. Cand. Sci. (Social Sciences) Moscow, 2015. 24 p. (In Russ.)
4. Isachenko A. G. Landscape science and physical-geographical regionalization. Moscow, 1991. 366 p. (In Russ.)
5. Karhu J., Osipov A. Yu. Tourism in the northern dimension (some results of the Ninth International Congress of Arctic Social Sciences). *Arctic and North*. 2017. No 28. P. 118–125. Available at: <http://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/f65/08-Karkhu-Osipov.pdf> (accessed 16.10.2018). DOI 10.17238/issn2221-2698.2017.28.118. (In Russ.)
6. Ledovskih E. Yu., Drozdov A. V., Moraleva N. V. Ecotourism on the way to Russia. Principles, recommendations, Russian and foreign experience. Tula, 2002. 284 p. (In Russ.)
7. Makarova K. A. The territorial network of national parks in Russia as an object of ecotourism: Diss. Cand. Sci. (Geography) St. Petersburg, 2017. 27 p. (In Russ.)
8. The Ladoga Skerries National Park: truth vs myth. *Krasnoe znamya*. 2014. October. No 2. P. 1. (In Russ.)
9. Timofeev V. UNESCO in Vodlozero National Park. *Severnyy kur'er*. 1998. July 10. P. 2. (In Russ.)
10. Arq. Hector Ceballos-Lascurain. The architect of ecotourism [Interview with H. Ceballos-Lascurain]. *Ecoclub.com*. Year 7. Issue 85. P. 2–4. Available at: <http://ecoclub.com/news/085.pdf> (accessed 16.10.2018).
11. Blackman K. F., Morris D. B. Methodological approaches used in the literature. *The encyclopedia of ecotourism*. (D. B. Weaver, Ed.). Wallingford, 2001. P. 597–609.
12. Björk P. Definition paradoxes: from concept to definition. *Critical issues in ecotourism: understanding a complex tourism phenomenon*. (Higham J., Ed.). Amsterdam, 2007. P. 23–45.
13. Blamey R. K. Principles of ecotourism. *The encyclopedia of ecotourism*. (Weaver D. B., Ed.). Wallingford, 2001. P. 5–22.
14. Blamey R. K. The nature of ecotourism. Canberra, 1995. 158 p.
15. Boyd S. W. Heritage and nature-based tourism: relationships and commentary. *Nature-based tourism research in Finland: local contexts, global issues*. (J. Saarinen, C. M. Hall, Eds.). Rovaniemi, 2004. P. 19–31.
16. Buckley R. Ecotourism: principles and practices. Wallingford, 2009. 368 p.
17. Diamantis D. Ecotourism management: an overview in ecotourism. *Ecotourism. Management and assessment*. (D. Diamantis, Ed.). London, 2004. P. 3–26.
18. Fennell D. Ecotourism. London, 2008. 282 p.
19. Gini F., Metastasio R., Passafaro P., Saayaman M., van der Merwe P. Youth and ecotourism: a road trip towards the future sustainability of natural areas. *Ecotourism and sustainable tourism: management, opportunities and challenges*. (R. H. Price, Ed.). Nova Science Publisher's Inc., 2017. P. 1–28.
20. Goodwin H. Local community involvement in tourism around national parks: opportunities and constraints. *Global ecotourism policies and case studies: perspectives and constraints*. (M. Luck, T. Kirstges, Eds.). Clevedon, 2003. P. 166–188.
21. Hall C. M., Boyd S. Nature-based tourism and regional development in peripheral areas: introduction. *Nature-based tourism in peripheral areas: development or disaster?* (C. M. Hall, S. Boyd, Eds.). Clevedon, 2005. P. 3–16.

22. Hall C. M., Frost W. National parks, national identity and tourism. *Tourism and national parks. International perspectives on development, histories and change.* (C. M. Hall, W. Frost, Eds.). London, 2009. P. 63–77.
23. Higham J., Luck M. Ecotourism: pondering the paradoxes. *Critical issues in ecotourism: understanding a complex tourism phenomenon.* (J. Higham, Ed.). Amsterdam, 2007. P. 115–135.
24. Hyönänen A. Combining tourism planning and sustainable development in the Kalajoki tourism destination, Northern Finland. *Nature-based tourism research in Finland: local contexts, global issues.* (J. Saarinen, C. M. Hall, Eds.). Rovaniemi, 2004. P. 113–128.
25. Keiter Robert B. To conserve unimpaired: the evolution of the national park idea. Washington, 2013. 343 p.
26. Kirstges T. Basic questions of “sustainable tourism”: does ecological and socially acceptable tourism have a chance? *Global ecotourism policies and case studies: perspectives and constraints.* (M. Luck, T. Kirstges, Eds.). Clevedon, 2003. P. 1–20.
27. Lawton L. J., Weaver D. B. Modified spaces. *The encyclopedia of ecotourism.* (D. B. Weaver, Ed.). Wallingford, 2001. P. 315–326.
28. Lindberg K. Economic impacts. *The encyclopedia of ecotourism.* (Weaver D. B., Ed.). Wallingford, 2001. P. 363–377.
29. Loven L. Names and tales as a source of nature-based tourism development. *Nature-based tourism research in Finland: local contexts, global issues.* (J. Saarinen, C. M. Hall, Eds.). Rovaniemi, 2004. P. 63–70.
30. Nuutinen A. Suomen Sveitsissä. Kesäkuvaus Kuusamosta. Porvoo, 1932. 116 p.
31. Orams M. B. Types of ecotourism. *The encyclopedia of ecotourism.* (D. B. Weaver, Ed.). Wallingford, 2001. P. 23–36.
32. Page S. J., Dowling R. K. Ecotourism. Harlow, 2002. 338 p.
33. Puuhakka R. Increasing role of tourism in Finnish national parks. *Fennia.* 2008. 186: 1. P. 47–58.
34. Saarinen J. Tourism in the northern wilderness. *Nature-based tourism in peripheral areas: development or disaster?* (C. M. Hall, S. Boyd, Eds.). Clevedon, 2005. P. 36–49.
35. Saarinen J., Nepal S. K. Towards a political ecology of tourism – key issues and research prospects. *Political ecology and tourism.* (S. K. Nepal, J. Saarinen, Eds.). London, 2016. P. 253–264.
36. Sorsa R. The role of tourism in Finnish nature conservation from the Nineteenth Century to the present. *Nature-based tourism research in Finland: local contexts, global issues.* (J. Saarinen, C. M. Hall, Eds.). Rovaniemi, 2004. P. 33–46.
37. Tuulentie S. The power of nature-based tourism: tensions between different understandings of nature at the peripheral tourist resort of Kilpisjärvi. *Nature-based tourism research in Finland: local contexts, global issues.* (J. Saarinen, C. M. Hall, Eds.). Rovaniemi, 2004. P. 47–61.
38. Wearing S. Exploring socio-cultural impacts on local communities. *The encyclopedia of ecotourism.* (D. B. Weaver, Ed.). Wallingford, 2001. P. 395–410.
39. Wearing S., McDonald M. Slow'n down the town to let nature grow: ecotourism, social justice and sustainability. *Slow travel and tourism: experiences and mobilities.* (S. Fullagar, K. Markwell, E. Wilson, Ed.). Buffalo, 2012. P. 36–50.
40. Weaver D. B. Ecotourism in the context of other tourism types. *The encyclopedia of ecotourism.* (D. B. Weaver, Ed.). Wallingford, 2001. P. 73–83.
41. Zeppe H. National parks as cultural landscapes. Indigenous peoples, conservation and tourism. *Tourism and national parks. International perspectives on development, histories and change.* (C. M. Hall, W. Frost, Eds.). London, 2009. P. 259–281.

Поступила в редакцию 17.01.2018

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОПОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора отечественной истории, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Сыктывкар, Российская Федерация)

hiys84@rambler.ru

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ГРАМОТНОСТИ КРЕСТЬЯНСКИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В КОМИ КРАЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА*

В современной исторической науке редкое явление – научные сочинения, посвященные анализу источников по изучению развития грамотности и владения русским языком среди представителей аппарата управления в северной деревне дореволюционного периода. Объяснение этому – ограниченность документов, содержащих исчерпывающие сведения по данным аспектам. Материалы, позволяющие изучать выделенные сюжеты, содержат конкретную информацию по относительно узкой проблематике. К ним относятся списки должностных лиц волостных управлений Усть-Сысольского уезда. Они являются ответом крестьянской администрации на поступившее предписание уездного полицейского управления и относятся к делопроизводственной документации. Работа посвящена анализу списков как исторического источника. В результате выявлены плюсы и минусы материалов. Показана их уникальность, заключающаяся в возможности рассуждать не только об уровне грамотности сельских жителей, но и о степени владения русским языком лицами местного аппарата управления в регионе с преобладанием комиязычного населения. Выявлен индивидуальный подход автора при составлении документа, что отразилось как на форме подачи материала в источнике, так и на содержании. Как результат, зафиксированные в них сведения различаются по информативности, критериям оценки степени грамотности и владения языком должностными лицами.

Ключевые слова: исторический источник, Коми край, крестьяне, должностные лица, грамотность, малограмотность, знание русского языка

Вопросы развития системы образования и грамотности крестьянства Европейского Севера России, и Коми края в частности, во второй половине XIX – начале XX века изучались советскими историками [2: 3–20], [3: 123–126], [4: 159–162], [12: 188–190]. Сохранился интерес к этим проблемам и в постсоветский период [5], [7], [8], [15: 105–106]. Указанные труды объединяют идентичные сюжеты исследования и привлеченный корпус источников. В первом случае – это формирование и развитие в регионе сети учебных заведений; роль в этом процессе государства, земства и церкви; источники финансирования школ и училищ и формы занятий в них; контингент учащихся по количественному, сословному, возрастному и гендерному показателям. Во втором случае работы основаны на ограниченном круге источников. Среди них – законодательные акты, делопроизводственная документация (журналы уездных земских собраний, отчеты инспекторов по народному образованию, представителей земств, губернских и уездных чиновников) и статистические данные (материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года). Отдельно выделим диссертацию Н. С. Воротниковой, в которой содержится информация о рассматриваемом регионе [10]. В исследовании

впервые на уровне системы начального образования в деревне, являющейся основой развития грамотности среди населения, проанализированы отмеченные сюжеты изучения в комплексе с привлечением широкого круга источников.

Редкое явление – научные сочинения, в которых рассмотрены исторические источники по изучению системы образования в крае. Так, в работе П. П. Котова отражены некоторые сведения об уровне грамотности населения, но только в контексте анализа результатов экспедиционных исследований Коми края, проведенных во второй половине XIX – начале XX века. Кроме этого, по теме выявлено еще несколько единичных трудов [1], [6], [11]. Однако отсутствуют специальные исследования, посвященные разработке проблемы грамотности среди представителей аппарата крестьянского самоуправления. Это объясняется ограниченностью источников, содержащих исчерпывающие сведения по данному аспекту. Имеющиеся документы, как правило, содержат частичные и отрывочные, а иногда и косвенные данные. Разработка темы имеет большое значение для изучения истории развития системы крестьянского самоуправления после отмены крепостного права в России, характеристики деятельности аппарата управления в деревне. Ведь

эффективность его функционирования зависела в том числе и от образованности местных должностных лиц.

В статье представлен анализ списков должностных лиц волостных правлений Усть-Сысольского уезда как источника по изучению владения должностными лицами крестьянского самоуправления грамотой, в том числе русским языком, на территории Коми края. Отметим, что под понятием «грамотность» понимается общепринятое в научной литературе значение: умение писать и читать. Соответственно, к неграмотным относились крестьяне, которые не умели даже читать.

Особенностью исследуемого региона являлось то, что в дореволюционный период он не был самостоятельной административной единицей [14: 9–20]. Относительно рассматриваемого исторического времени под ним понималась территория Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии и часть Мезенского уезда Архангельской губернии, которая в 1891 году была выделена в самостоятельный Печорский уезд. Основную долю удельного веса в социальной структуре населения составляли крестьяне. В этническом отношении они распределялись по трем группам: коми (зыряне), составлявшие в конце века около 79 % от общей численности жителей края; русские – приблизительно 18 % и ненцы (самоеды) – около 2–3 % [9: 57].

В результате реформ 1860-х годов в сельской местности были преобразованы органы крестьянского самоуправления, представленные сходами и аппаратом должностных лиц. Последний являлся двухуровневой организацией, состоявшей из волостного правления и сельского управления, которые возглавлялись старшиной и старостой соответственно. Формировался он из крестьян, которые избирались или назначались обществом на определенный срок в зависимости от занимаемой должности [17: 114–128].

По роду своей деятельности выборное лицо постоянно контактировало с жителями сельского общества и волости, а также с представителями уездной власти. Повседневно старшины и старосты сталкивались с делопроизводственной документацией, ведение которой возлагалось на писаря. Одной из обязанностей местного аппарата управления являлось знакомство жителей с правительственные указами, распоряжениями губернского и уездного начальства, а при необходимости – разъяснение непонятных им моментов нормативных и распорядительных документов. Так, в мае 1886 года по волостям Усть-Сысольского уезда было разослано предписание чиновника по крестьянским делам Ф. А. Арсеньева. Он просил старост собрать сходы и объяснить на зырянском языке содержание закона от 18 марта 1886 года «О порядке разрешения семейных разделов в сельских обществах», опубликованного в № 17 Вологодских губернских ведомостей¹. Результа-

тивное исполнение этих задач было возможно при знании, понимании и способности трактовки должностными лицами направленных им документов. Следовательно, эффективность их деятельности зависела от уровня грамотности, и в первую очередь хорошего знания русского языка.

Указанные функции возлагались на аппарат крестьянского самоуправления независимо от губернии, в состав которой входили волости Коми края. На первый взгляд, в этом нет ничего особенного. Однако в регионе преобладало комиязычное население, значительная часть которого практически не владела русским языком. Так, по сведениям Богоявленского волостного правления Усть-Сысольского уезда, в 1882 году из 1125 ревизских душ 1027 человек совершенно не умели писать, читать и говорить по-русски². А во время переписи 1897 года 80 % местного населения указало в качестве родного языка зырянский (коми) [4: 157]. В этой ситуации должностные лица могли испытывать затруднения, связанные с языковым барьером. Например, с подобными проблемами во взаимоотношениях с местным населением сталкивалось духовенство края [18]. На русском языке издавались законодательные и нормативные акты, велась делопроизводственная документация в правлении. Поэтому лицам, занимавшим пост в волостной администрации, необходимо было его знать, в крайнем случае, понимать, но на практике это не всегда было так. Хотя, как отмечают исследователи, обучение грамоте в крае велось на русском языке [7: 476], [8: 26].

В Государственном учреждении Республики Коми «Национальный архив Республики Коми», в фонде «Усть-Сысольское уездное полицейское управление» (Ф. 6), в деле под названием «Списки волостных должностных лиц и их грамотность. Сведения о составе населения по национальности, грамотности в зырянских волостях»³, скомпиликованы списки должностных лиц волостных правлений по одноименному уезду Вологодской губернии⁴. Исторический источник датируется 1882 годом и относится к делопроизводственной документации министерского периода. Развитие массовой документации этого этапа было связано с реформой делопроизводства, начало которой положил первый министр внутренних дел В. П. Кочубей. На протяжении XIX века проходила модернизация ее формы и содержания, а также менялось значение самого документа в делопроизводстве. Последнее, как отметил Б. Г. Литвак, определило эволюцию документа «в сторону его формализации и стандартизации, с одной стороны, и, с другой – все явственней обнаруживало тенденцию к однопредметности, к сужению объема содержания» [16: 130–131]. Данные признаки можно наблюдать и в рассматриваемом источнике.

Для полного и достоверного понимания и интерпретации информации, содержащейся в представленных материалах, важно знать предысторию возникновения источника, так как последний «как исторический феномен вызван к жизни определенными условиями, задачами, целями» [13: 128]. Поэтому укажем обстоятельства составления «Списков...». В мае 1882 года в Вологодском окружном суде задались вопросом о возможности набора на территории Усть-Сысольского уезда «в присяжные заседатели 130 человек из лиц, понимающих русский язык и имеющих жительство как в городе, так и не далее 200 верст от сего уездного города», соблюдая условия, указанные в 84-й статье Высочайше утвержденного Учреждения судебных установлений⁵. С этой целью в уездное полицейское управление был направлен запрос о предоставлении сведений, касавшихся соотношения в сельских обществах зырян и русских, а также уровня владения мужчинами комиязычного населения русским языком и грамотой. Отдельное внимание было обращено на указание информации о том, «все ли должностные лица волостного и сельского управления из зырян знакомы с русским языком и, если не все, то сколько процентов», и есть ли среди них умеющие писать по-русски⁶. Для получения сведений 1 июня от имени уездного исправника надворного советника В. А. Ушакова по волостным правлениям были разосланы предписания о немедленном предоставлении необходимых данных.

В период с 3 по 19 июня в полицейское управление были направлены ответы из 25 волостных правлений уезда (всего в 1881 году в нем насчитывалось 26 волостей⁷): Благовещенское, Богоявленское, Богоявленское, Борисовское, Вильгортское, Визингское, Воронцовское, Вотчинское, Керческое, Киберско-Спасское (Киберское), Койгородское, Корткероское, Кочергинское, Межадорское, Мординское, Небдинско-Преображенское (Небдинское), Ношульское, Печорское, Подъельское, Помоздинское, Савиноборское, Усть-Куломское, Усть-Немское, Шиловское и Щугорское. Нет данных лишь по Уркинской волости. Однако по имеющимся в архивном деле косвенным материалам можно утверждать, что информация по этой административно-территориальной единице была предоставлена значительно позже. В частности, в сводном по уезду заключении исправника, которое он направил 2 августа в Вологодский окружной суд, приведены сведения в том числе по данной волости⁸.

Составленный «Список...» направлялся старшиной уездному исправнику совместно с донесением. Под последним, который мог еще называться рапортом или экзекуцией, в научной литературе понимается документ, адресованный низестоящим учреждением или должностным лицом вышестоящему [13: 395]. Данные матери-

алы составляют единый комплекс источников и требуют совместного анализа. Во-первых, в донесении указаны сведения, отсутствовавшие в «Списках...», но являвшиеся начальной клавулой делопроизводственного документа: правитель и получатель корреспонденции, дата составления бумаги, обоснование подготовки и направления сведений, информация об изложенных сюжетах. В качестве примера процитируем фрагмент документа, прилагавшегося к «Списку...» по Благовещенскому волостному правлению.

МВД Вологодской губернии Устьысольского уезда 1-го мирового участка, Благовещенское волостное правление, 10 Июня 1882 года. Его Высокоблагородию господину Устьысольскому уездному исправнику. Во исполнение предписания от 1-го сего Июня за № 257 волостное правление имеет честь при сем представить Вашему Высокоблагородию список о числе ревизских душ, числе жителей мужского пола и о составе волостных должностных лиц по Благовещенской волости в 1882 году⁹.

Во-вторых, отдельные лица, оформлявшие ответ, в донесении поместили информацию о местном населении, которая не касалась должностных лиц волостного правления. Так, писарь Межадорского волостного правления указал:

Вследствие предписания Вашего Высокоблагородия от 1 сего Июня за № 257 волостное правление имеет честь при сем представить именной список должностным лицам... и донести: 1, что в сей волости и обществе считается 984 человек мужского пола, все они зыряне, только 1 человек русского происхождения из поселенцев и 2, мужское население из зырян понимают русский язык только 167 человек, из них – 58 человек нижних чинов, знающих же грамоту на русском языке читать и писать – 52 человека, из них 7 человек нижних чинов¹⁰.

Непосредственно сам «Список...» оформлен в виде таблицы. По форме подачи информации он не имел строго регламентированного формуляра ни по внешним признакам, ни по содержанию. Составитель документа проявил индивидуальный подход, что нашло отражение в следующих моментах. Во-первых, источник не имеет единого заглавия. Встречаются такие названия, как: «Список должностным лицам, находящимся в такой-то волости», «Именной список должностных лиц волостного и сельского управления по такой-то волости», «Список лиц, могущих быть включенными в общий список присяжных заседателей по такой-то волости» и др. Во-вторых, было выявлено четыре наиболее распространенных варианта изложения материала, когда на против инициалов должностного лица указано (в отдельных графах или в одной общей графе) насколько хорошо он: 1) говорил, понимал, читал и писал по-русски; 2) владел грамотой; 3) понимал русский язык и знал грамоту на нем, умел читать и писать по-русски; 4) говорил, писал

и читал по-русски. Дополнительно представители некоторых правлений включили столбцы с данными, которые не являлись предметом запроса. Например, возраст должностного лица (Корткеросское, Подъельское, Помоздинское, Шиловское); состоял ли он ранее или находился на момент составления документа под судом, на какой срок избран (Корткеросское); его сословие и этническая принадлежность (Подъельское).

В пределах уезда документы различаются по объему представленной информации. Это, с одной стороны, затрудняет изучение поставленных вопросов и требует от исследователя формулировки конкретных и лаконичных критериев анализа. С другой стороны, ограничивает территорию рассмотрения, так как осложняет обобщение всех волостей по отдельно взятому вопросу изучения. Как результат, для представления более полной картины грамотности среди крестьянских должностных лиц в Кomi крае, уровня владения ими русским языком необходимо привлечение дополнительных сведений из иных источников.

Не акцентируя внимание на характеристике фактического материала, выделим аспекты, которые возможно исследовать с привлечением «Списка...» в рамках заявленной проблемы. Во-первых, определить круг должностных лиц, функционировавших в волостных правлениях и сельских управлении Усть-Сысольского уезда в начале 1880-х годов, с указанием их этнической принадлежности. Во-вторых, проанализировать уровень грамотности среди них. В-третьих, охарактеризовать степень владения ими русским языком как в комплексе, то есть умение понимать, говорить, читать и писать по-русски, так и конкретно по каждому из выделенных критериев. В-четвертых, смоделировать иерархию среди должностных лиц крестьянской администрации по уровню их грамотности, в том числе владения русским языком как в пределах одной волости, так и уезда.

Не будем конкретно рассматривать каждый из сформулированных сюжетов, так как это не является целью данной работы. Отметим особенности зафиксированного в источнике материала, которые могут повлиять на степень изучения этих вопросов. В «Списках...» представлены посты крестьянского самоуправления, входившие во второй половине XIX века в состав волостной администрации в Кomi крае. При этом ряд авторов отразили сведения не обо всех представителях своих правлений. В первую очередь это касается волости, так как для прояснения полной картины о численности «штатных единиц» по сельским управлениям требуются дополнительные материалы.

Так, в 25 документах встречаются следующие должности высшей административной единицы: старшины в 25 случаях и к нему кандидата в 17;

помощника старшины в 9 и к нему кандидата в 5; писаря в 22; судьи в 24 и к нему кандидата в 3. Следовательно, в ответах, последовавших на запрос уездного исправника, не представлена информация о судьях по Воронцовской волости и писарях Корткеросского и Шиловского волостных правлений¹¹. Что же касается помощников и кандидатов к указанным должностям, то здесь данные разнятся, так как их избрание осуществлялось по усмотрению сходов. Относительно сельских управлений в источнике охарактеризованы посты старосты (14 документов) и к нему кандидата (8); писаря (12); смотрителя хлебо-запасного магазина (4) и кандидата к нему (2). В 23 источниках встречается должность сборщика податей (суммарно сельских и волостных), в 12 – кандидата к нему, а в одном даже – пожарного старосты по охранению чистоты в селениях. Помимо представителей местной власти составители указали должности нижних чинов полиции: полицейские сотские (в 5 документах), полицейские десятские (в 4) и общественные десятские (в 3), а также церковного старосты (в 23).

Особо подчеркнем, что приведенная статистика касается количества документов, в которых представлены данные о должностях. Непосредственно персоналий, трудившихся в местном аппарате самоуправления, в источнике зафиксировано значительно больше. Этому есть свои объяснения. Во-первых, на одно место, например волостного судьи, избиралось несколько человек. Во-вторых, некоторые волости состояли из двух и более сельских обществ, в каждом из которых функционировало самостоятельное управление. В-третьих, в зависимости от площади волости или сельского общества, количества жителей в них, а также существовавшей практики формирования аппарата управления на такие посты, как помощники и кандидаты, могло избираться по два лица.

Особенность указанных в «Списках...» сведений об уровне грамотности представителей волостной власти и владении русским языком заключается в том, что составителями применялись различные подходы в характеристике этих навыков. Автор прибегал к индивидуальным критериям оценки умения зырянами понимать, разговаривать, читать и писать по-русски. В частности, помимо положительных («говорит», «понимает», «читает», «пишет») и отрицательных («нет», «не умеет») категорий применялись такие, как «отлично», «хорошо», «порядочно», «несколько», «немного», «от части», «мало», «худо» и «плохо». Аналогичная картина наблюдается и в оценке знания должностными лицами грамоты: «грамотный», «неграмотный», «малограмотный». Первые два понятия, как уже было отмечено, не отличались от общепринятого в научной литературе значения. В то же время, если исследователи, как правило, под «малограмотными»

понимали людей, обученных лишь чтению, то в представленных источниках наблюдается определенная специфика в характеристике «малограмотности» крестьян. Например, в Коми крае нередко «малограмотными» считали тех, кто не умел читать и писать, «но понимает и говорит хорошо по руски»¹² или совсем «говорить по руски не умеет»¹³, в единичных случаях даже тех, кто «умеют читать и писать по руски»¹⁴. Следовательно, изучение отмеченных сюжетов требует от специалиста проработки четкой концепции анализа с обоснованием используемых им критериев оценки. Использование же «Списков...» с целью исследования грамотности и владения русским языком среди должностных лиц крестьянского самоуправления не позволяет ставить между ними знак равенства. Этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в значительной части материалов писари в таблицах ограничились запрашиваемой информацией по должностным лицам, указав в сопроводительном тексте количество грамотных среди мужского населения. В то же время по Благовещенской и Корткеросской волостям представлены данные лишь о грамотности аппарата управления, но ни слова – о владении языком. Хотя уездное начальство, как уже отмечалось, касалось выборных лиц интересовал именно второй момент. Только по Борисовской, Кочергинской, Межадорской, Ношульской, Помоздинской, Усть-

Куломской, Шиловской и Щугорской волостям содержатся сведения по обоим сюжетам. В отдельных источниках, несмотря на наличие в них большого количества представителей местной крестьянской власти, по многим из них информация отсутствует.

Итак, «Списки...» имеют свои плюсы и минусы и содержат конкретную информацию по относительно узкой проблематике. Их уникальность в том, что они дают возможность рассуждать не только об уровне грамотности сельских жителей, но и о степени владения русским языком должностными лицами местного аппарата самоуправления. Последний фактор особенно ценен, учитывая, что крестьянская администрация комплектовалась в основном из представителей сельского общества и функционировала в обществе, где основная доля населения была комиязычной и не знала государственного языка. Являясь материалами министерской системы делопроизводства, документы обладают определенной структурой. Однако при их оформлении автором использовался индивидуальный подход, что отразилось как на форме подачи материала в источнике, так и на содержании. Как результат, зафиксированные в источнике сведения различаются по уровню информативности и, самое главное, критериям оценки степени грамотности и владения языком должностными лицами, что не может не влиять на научный поиск исследователя.

* Статья подготовлена в рамках реализации научной исследовательской работы Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН «Социально-политические, социально-экономические и демографические процессы на Европейском Севере России (по материалам Республики Коми): новые источники и историография» № ГР АААА-А17-117021310064-0.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГУРК «Национальный архив Республики Коми» (НАРК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 186. Л. 4.

² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8.

⁴ Далее в работе используется формулировка «Список...».

⁵ НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Список населенных мест Вологодской губернии. Составленный в 1881 году в алфавитном порядке, по уездам и волостям, с показанием расстояния от уездного города и местного волостного правления. Вологда: Типография губернского правления, 1881. С. 119.

⁸ НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 74–75.

⁹ Там же. Л. 8–8об.

¹⁰ Там же. Л. 12–12об.

¹¹ По Усть-Куломскому волостному правлению обязанности волостного писаря исполнял сельский писарь Усть-Куломского общества Егор Турьев.

¹² НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 32об.

¹³ Там же. Л. 50–50об.

¹⁴ Там же. Л. 15об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А г а п и т о в а М. Г. «Вологодские епархиальные ведомости» как источник по истории развития народного образования в Усть-Сысольском и Яренском уездах в пореформенные годы XIX века // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар, 1983. С. 164–171. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 29.)
2. Б е з н о с и к о в Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. 176 с.
3. Б е з н о с и к о в Я. Н., Г а г а р и н Ю. В., Д у к а р т Н. И. Культура современного села (опыт конкретно-социологических исследований) // Этнография и фольклор Коми. Сыктывкар, 1972. С. 122–143. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 13.)

4. Бондаренко О. Е. Население Коми края в конце XIX века (по материалам переписи 1897 г.) // Кomi крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар, 1983. С. 154–163. (Труды ИЯЛИ Кomi филиала АН СССР. Вып. 29.)
5. Вайровская С. В. Введение всеобщего начального обучения в начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Крестьяне Европейского севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура. Сыктывкар: Кomi НЦ УрО РАН, 1995. С. 64–82. (Труды ИЯЛИ Кomi НЦ УрО РАН. Вып. 59.)
6. Вайровская С. В. Журналы Вологодского губернского земского собрания как источник по истории народного образования в Вологодской губернии (1870–1916 гг.) // Крестьянство Европейского севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. Сыктывкар, 1993. С. 40–47. (Труды ИЯЛИ Кomi НЦ УрО РАН. Вып. 54.)
7. Вайровская С. В. Развитие народного образования в Кomi крае // История Кomi с древнейших времен до современности. Т. 1. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. С. 470–489.
8. Вайровская С. В., Чупров В. И. Грамотность населения Кomi края в 1870–1920 годах // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории Кomi. Сыктывкар: Кomi НЦ УрО РАН, 1997. С. 23–39.
9. Вишнякова Д. В. Этнодемографические процессы в Кomi крае в XIX – начале XX в. Сыктывкар: Кomi НЦ УрО РАН, 2012. 164 с.
10. Воротникова Н. С. Исторический опыт начального образования в деревне Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2013. 24 с.
11. Воротникова Н. С. Источниковедческий анализ начального образования в деревне Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 7. С. 11–18.
12. История Кomi АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар: Кomi кн. изд-во, 1978. 560 с.
13. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.
14. Котов П. П. Динамика уровня земледелия в Кomi крае в конце XVIII – начале XX вв. Сыктывкарский ун-т, 1996. 165 с.
15. Котов П. П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2012. № 3. С. 103–107.
16. Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации. М.: Наука, 1979. 294 с.
17. Попов С. А. Крестьянское самоуправление в Вологодской губернии (вторая половина XIX – начало XX века). Сыктывкар: ИЯЛИ Кomi НЦ УрО РАН, 2016. 180 с.
18. Хайдуров М. В. Языковый вопрос во взаимоотношениях духовенства и прихожан Кomi края в XIX в. // Межнациональные отношения на Европейском Севере: история и современное состояние: Материалы Всерос. науч. конф. Сыктывкар, 2010. С. 153–155.
19. Котов Р. Р. Expeditions in the Komi territory in the 19th and early 20th centuries. Congressus Primus historiae fennougricæ. Vol. 1. Issue 1. Oulu, 1996. P. 597–612.

Popov S. A., Komi Science Centre, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Syktyvkar, Russian Federation)

SOURCES FOR STUDYING THE LITERACY OF PEASANT OFFICIALS IN THE KOMI REGION IN THE LAST QUARTER OF THE XIX CENTURY*

Scientific works that deal with the analysis of sources for studying the development of literacy and the Russian language skills in northern villages of the pre-revolutionary period is a rare phenomenon in modern historical science. It is explained by a limited number of documents containing exhaustive data on these aspects. The materials allowing to study the allocated subjects contain specific information on rather narrow issues. These include the lists of officials of the Ust-Sysolsky district volost boards. They were the response of the peasant administration to the received order of the district police department and fall into the category of the office work documentation. The study focuses on the analysis of these lists as historical sources. It reveals pluses and minuses of the materials and shows their uniqueness consisting in an opportunity to discuss not only the level of the villagers' literacy, but also the levels of the Russian language proficiency of the local administration members in the region where the Komi population prevailed. The individual approach of the author to drawing up the document is revealed, which was reflected both in the form of material presentation in a source, and in the contents. As a result, the information recorded in them differs in informational content and the criteria for evaluating the literacy level and language proficiency of the officials.

Key words: historical source, Komi region, peasants, officials, literacy, low-literacy, knowledge of Russian

* The article was written as part of the research project of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences "Socio-political, socio-economic and demographic processes in the European North of Russia (based on materials from the Komi Republic): new sources and historiography". State registration No: AAAA-A17-117021310064-0.

REFERENCES

1. Agapitova M. G. "Vologda diocesan journal" as a source on the history of public education in the Ust-Sysolsky and Yaren-sky counties in the post-reform years of the XIX century. *Komi peasantry in the era of feudalism and capitalism*. Syktyvkar, 1983. P. 164–171. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 29.) (In Russ.)
2. Beznosikov Ya. N. The development of public education in the Komi ASSR. Syktyvkar, 1973. 176 p. (In Russ.)
3. Beznosikov Ya. N., Gagarin Yu. V., Dukart N. I. The culture of the modern village (the experience of concrete sociological research). *Ethnography and folklore of the Komi Republic*. Syktyvkar, 1972. P. 122–143. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 13.) (In Russ.)

4. Bondarenko O. E. The population of the Komi region in the late XIX century (based on the 1897 census). *Komi peasantry in the era of feudalism and capitalism*. Syktyvkar, 1983. P. 154–163. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 29.) (In Russ.)
5. Vajrovskaya S. V. Introduction of universal primary education in the early XX century (based on the Vologda province materials). *Peasants of the European North of Russia in the pre-revolutionary period: economy, demography, culture*. Syktyvkar, 1995. P. 64–82. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Issue 59.) (In Russ.)
6. Vajrovskaya S. V. Journals of the Vologda Provincial Zemstvo Assembly as a source on the history of national education in the Vologda province (1870–1916). *Peasantry of the European North of Russia in the XVII–XX centuries: problems of study*. Syktyvkar, 1993. P. 40–47. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Issue 54.) (In Russ.)
7. Vajrovskaya S. V. The development of public education in the Komi region. *History of Komi from ancient times to the present*. Vol. 1. Syktyvkar, 2011. P. 470–489. (In Russ.)
8. Vajrovskaya S. V., Chuprov V. I. Literacy of the Komi region population in 1870–1920. *Socio-cultural and ethno-demographic issues of Komi history*. Syktyvkar, 1997. P. 23–39. (In Russ.)
9. Vishnyakova D. V. Ethnodemographic processes in the Komi region between the XIX and the early XX centuries. Syktyvkar, 2012. 164 p. (In Russ.)
10. Vorotnikova N. S. The historical experience of primary education in the villages of the Vologda province in the second half of the XIX and the early XX centuries. Diss. Cand. Sci. Abstr. (History). Arkhangelsk, 2013. 24 p. (In Russ.)
11. Vorotnikova N. S. Historiographic analysis of primary education in the Vologda province in the second half of the XIX and the beginning of the XX centuries. Modern science: actual problems of theory and practice. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Series: Humanities*. 2016. No 7. P. 11–18. (In Russ.)
12. History of the Komi ASSR from ancient times to the present day. Syktyvkar, 1978. 560 p. (In Russ.)
13. Source studies. Theory. Story. Method. Sources of Russian history: Texbook. I. N. Danilevsky, V. V. Kabanov, O. M. Medusheskaya, M. F. Rumyantseva. Moscow, 1998. 702 p. (In Russ.)
14. Kotov P. P. Dynamics of the level of agriculture in the Komi region between the late XVIII and the early XX centuries. Syktyvkar, 1996. 165 p. (In Russ.)
15. Kotov P. P. The supervising of Tsar's apanage and its results: the example of the Russian European North. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*. 2012. No 3. P. 103–107. (In Russ.)
16. Litvak B. G. Essays on source studies of mass documentation. Moscow, 1979. 294 p. (In Russ.)
17. Popov S. A. Peasant self-government in the Vologda province (from the second half of the XIX to the beginning of the XX centuries). Syktyvkar, 2016. 180 p. (In Russ.)
18. Khaidurov M. V. The language issue in the relations between the clergy and parishioners of the Komi region in the XIX century. *International relations in the European North: history and current status. Materials of the all-Russian scientific conference*. Syktyvkar, 2010. P. 153–155. (In Russ.)
19. Kotov P. P. Expeditions in the Komi territory in the 19th and early 20th centuries. *Congressus Primus historiae fennogricaiae*. Vol. 1. Issue 1. Oulu, 1996. P. 597–612.

Поступила в редакцию 22.08.2018

НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА СМИРНОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российской Федерации)

burlana@mail.ru

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА БАНИТ

старший преподаватель кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российской Федерации)

sbanit@yandex.ru

Г. Т. ТЮНЬ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНДОНЕЗИСТИКИ

Впервые анализируются труды ученого-востоковеда Галины Тойковны Тюнь (1948–2017), научные интересы которой были связаны с историей Малайско-индонезийского региона. Г. Т. Тюнь изучала положение китайского меньшинства в Индонезии и распространение идей реформаторства, просветительства, национализма в среде китайской эмиграции в начале XX века; экономические и политические мероприятия лидеров Малайско-индонезийского региона во второй половине XX – начале XXI века. В ее статьях нашли отражение процессы глобализации и проблемы модернизации мусульманского образования и религии. Г. Т. Тюнь внесла серьезный вклад в развитие индонезистики и одной из первых в отечественной науке обратилась к теме исламского банкинга.

Ключевые слова: Г. Т. Тюнь, востоковедение, индонезистика, Малайско-индонезийский регион, модернизация мусульманского образования и религии

Галина Тойковна Тюнь (1948–2017) в 1965 году поступила в Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова на Восточный факультет, отделение истории Индонезии [2]. Ее учителем был индонезист П. М. Мовчаник (1937–1993), сферой особого интереса которого являлось изучение положения китайского меньшинства в регионе. Индонезийскому языку она учились у замечательного востоковеда, лингвиста А. К. Оглоблина. По окончании обучения в 1970–1971 годах Г. Т. Тюнь стажировалась в Университете Малайя, Куала-Лумпур, Малайзия. Два года проработала в Москве в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука», занималась переводами с малайского языка. В 1974 году была принята на работу преподавателем истории стран Азии и Африки на кафедру всеобщей истории историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ). В 1980–1983 годах Галина Тойковна учились в аспирантуре Восточного факультета ЛГУ, где под руководством профессора Л. А. Березного (1915–2005) защитила диссертацию по теме «Китайское меньшинство в общественном развитии колониальной Индонезии в 1870–1914 годах» [6] с присвоением ученой степени кандидата исторических наук. Цель работы заключалась в анализе особенностей китайской иммиграции, выявлении роли китайского капитала в процессе зарождения капиталистического уклада в индонезийской экономике, рассмотрении

основных проблем возникновения китайского буржуазного общественного движения, определении его места в общественной жизни Индонезии в начале XX века [6: 2].

Преподавая историю стран Азии и Африки, Г. Т. Тюнь обращалась к проблемам всеобщей истории. В работе «История Индии в лекционных курсах кафедры всеобщей истории ПетрГУ» [9] рассмотрела современные подходы в изучении и преподавании истории, которые требуют постоянного привлечения новых материалов в учебные лекционные курсы. Сюжеты массовых народных движений и классовой борьбы на Древнем и Средневековом Востоке рекомендовала заменить более живыми, детальными описаниями самобытных культур, образа жизни и уникальных религий стран и народов. Древние индийские тексты целиком отвечают этой задаче и демонстрируют самобытность индийской культуры. Галина Тойковна считала художественную литературу важной частью материалов, используемых в преподавании истории стран Азии: произведения выдающихся поэтов, драматургов и писателей позволяют оживить описание любой эпохи и создать ее уникальный облик [9: 32].

В 1981 году в соавторстве с историком В. Н. Кобец Галина Тойковна опубликовала статью «Фукудзава Юкити о природе власти в Японии» [1] в сборнике «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». Фукудзава Юкити (1835–1901) – крупнейший японский про-

светитель, философ и педагог. В статье на основе анализа его работы 1875 года «Краткий очерк теории цивилизации» исследован вопрос о власти как основополагающий для понимания особенностей исторического и политического процесса в Японии и на Западе.

В 1980–1890-х годах Г. Т. Тюнь читала лекции по истории стран Дальнего Востока в университетах Финляндии и США. В 1991 году она была приглашена в Колледж Густава Адольфа (Св. Петр, Миннесота, США) для разбора материалов в личном архиве Ричарда Рейша, миссионера русского происхождения, а в апреле 2008 года в США вышла в свет монография американского исследователя Д. Джонсона «*Loyalty*». Книга является биографией доктора Р. Рейша, богослова, миссионера и африканиста. Профессор Д. Джонсон сам был его студентом в Колледже Густава Адольфа и находился под впечатлением как личности своего профессора, так и его сложной и яркой биографии. Статья Галины Тойковны «Африканские научные исследования Ричарда Рейша в монографии Д. Джонсона “*Loyalty*”» [10] посвящена анализу текстов рукописей о жизни и культуре народа масаи, которые были написаны в разные годы: «*Memorandum about the Masai Work*», «*The Masai by Masai Missionary*», «*Some Kilimanjaro legends*». Вероятно, что материалы эти собирались постепенно в период с 1923 по 1954 год. Рукопись «*The Masai by Masai Missionary*» состоит из четырех самостоятельных разделов: семейные обряды, полигамный брак; скотоводство и миграция; верования и культуры, мифология, обряды и празднования; семейная жизнь, особенности деревни и кочевий, защита стада и деревни. Тексты являются важным материалом для исследований по этнологии, культуре и истории масаев.

Г. Т. Тюнь обладала не только широкими научными интересами в области мировой истории, но и интересом к развитию культуры, как в мире в целом, так и в родном регионе в частности. Работая в ПетрГУ, она приняла участие в проекте «Гражданское образование на Северо-Западе России» [8], участвовала с коллегами в работе над проектом, направленным на разработку концепции гражданского образования и создания новых методических курсов как для обычных учебных планов, так и для послевузовской переподготовки и повышения квалификации, ориентированных на подготовку учителей, способных осуществлять гражданское образование в школе как через преподавание новых предметов обществоведческого и гражданского цикла, так и через воспитание критически мыслящей и гражданской активной личности.

В 2004 году Г. Т. Тюнь стала преподавателем истории Индонезии и Малайзии на кафедре истории стран Дальнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государствен-

ного университета. Талантливые востоковеды П. М. Мовчанюк и Л. А. Березный были ее учителями и наставниками, помогли сформироваться как ученому. Об их вкладе в науку она рассказала в докладе «П. М. Мовчанюк и Л. А. Березный – создание отделения истории Индонезии на Восточном факультете ЛГУ в 1966 г.» на конференции «История изучения Дальнего Востока: Учителя и ученики», проходившей в Санкт-Петербурге в Институте восточных рукописей РАН в 2014 году. Г. Т. Тюнь преподавала географию, историю и культуру Нусантары, новейшую историю Индонезии, Малайзии и Филиппин. Ученым были разработаны уникальные лекционные курсы по источниковедению и историографии истории Индонезии, о политических партиях и государственности в Индонезии XXI века, культуре и этнологии Индонезии и Малайзии, малайских исторических источниках в российских исследованиях, научных центрах исследований региональных проблем Юго-Восточной Азии в мире.

Г. Т. Тюнь была активным участником конференций по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, по проблемам региональной безопасности Восточной Азии на Восточном факультете СПбГУ, выступала с докладами на московских конференциях «Общество и государство в Китае» в Институте востоковедения РАН. В 2011 году участвовала в работе пятнадцатой научной конференции азиатских исследований в Токио, где в секции «Визуальная сатира в Азии: вымирающий жанр?» выступила с докладом «Индонезийские мультфильмы: от политики до высоких технологий». Галину Тойковну приглашали в Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) для участия в Маклаевских чтениях, а в 2011 году она опубликовала рецензию на сборник докладов ежегодных Маклаевских чтений 2008 года «Индонезийцы и их соседи» под редакцией востоковеда-этнографа М. В. Станюкович [12]. Сборник издан в честь 70-летнего юбилея и 40-летия научной и преподавательской деятельности известных петербургских ученых-индонезиеведов – востоковеда-этнографа из МАЭ РАН Е. В. Ревуненковой и профессора А. К. Оглоблина, носителей лучших традиций петербургской востоковедной школы.

Основной областью научных интересов Галины Тойковны была история региона Нусантары (регион объединяет Индонезию, Малайзию, Сингапур, Бруней и Филиппины), и этой теме посвящено большинство ее научных трудов. В работе «Роль китайского капитала в становлении капиталистических отношений в Нидерландской Индии в последней трети XIX века» [3] она рассматривала важную проблему – принадлежность большей части местного капитала этническим китайцам⁴. Этот же острый китайский вопрос Г. Т. Тюнь исследовала в статьях «Первые просветительные организации в китайской

общине колониальной Индонезии (1900–1914 гг.)» [5], «Деятельность китайских читален “Су По Сиа” в Нидерландской Индии 1909–1914 гг. (к истории становления национально-освободительного движения Индонезии)» [4], «О характере общественно-политического движения хуацяо в колониальной Индонезии (1900–1914 гг.)» [7]. Она изучила возникновение и развитие китайского общественно-политического движения в Индонезии в начале XX века.²

Анализируя работу своих предшественников, Г. Т. Тюнь написала статью «Труды академика Н. А. Симонии: от проблем формирования нации в Индонезии – к теоретическим проблемам всеобщей истории» [11] и дала работе ученого высокую оценку.³ Изучив исследования замечательного востоковеда, Галина Тойковна пришла к выводу, что размышления об исторических судьбах разных народов и их сопоставление привели выдающегося историка к наиболее острым теоретическим проблемам всеобщей истории:

В 1968 году вышла книга ученого «Торгово-ростовщический капитал в странах Азии», в которой дана новая оценка роли торговцев и ростовщиков в общественном развитии стран Азии. Он показал, что в Азии ни крупного промышленного, ни сколько-нибудь свободного от коррупции государственного капитала не существовало, поэтому недооценка торгово-ростовщического капитала приводила к деформации при анализе общественных процессов стран Востока. Еще одна монография Н. А. Симонии «Страны Востока: пути развития», вышедшая в 1975 году, стала предметом острых дискуссий. Весьма интересны для востоковедов взгляды ученого на современное развитие стран Востока. Вестернизация как теория и политика, на взгляд Н. А. Симонии, потерпела полное поражение. Не она определила характер тех преобразований, которые реально происходили и происходят в странах за пределами географической зоны традиционной западной культуры. В 1984 году Н. А. Симония с группой коллег опубликовал книгу «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного». В работе на огромном фактическом материале было показано, что под внешним, иностранным влиянием происходит в лучшем случае «синтез», то есть соединение «местного» и «пришлого». Это модернизация, но не вестернизация, так как изменения в рассматриваемых обществах не сопровождаются их уподоблением Западу [11: 246–250].

В Юго-Восточной Азии проблемы модернизации были связаны с исламом. Ислам в последние годы становится все более важной составляющей жизни региона, на что обращает внимание Г. Т. Тюнь в статьях «Идея глобализации Махатхира Мохамада и мусульманская банковская сеть в Малайзии» [18] и «Реформирование мусульманского высшего образования Малайзии и проблемы безопасности» [15]. Галина Тойковна подчеркивает, что для сохранения самобытности малайцев⁴ в эру глобализации одной из главнейших задач государства является защита исламских традиций внутри страны, что означает приверженность традиционным исламским

ценностям и умеренное, сообразное времени и прогрессу в мире, обновление ислама, его адаптация к современным реалиям и потребностям общества. Г. Т. Тюнь изучила политику премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамада (1981–2003). Для изменения ситуации в финансовой и банковской сферах М. Мохамад выдвинул «проект золотого динара» [22], единой валюты, имеющей золотое обеспечение, которую можно было бы использовать во всех мусульманских странах в качестве альтернативы американскому доллару:

Одной из сфер распространения исламских ценностей в Малайзии и Индонезии стал именно финансовый сектор, традиционно на протяжении столетий практически полностью находившийся в руках китайцев. Большой интерес к услугам исламских финансовых структур сегодня проявляют немусульмане, что свидетельствует о высокой конкурентоспособности исламских банков – большинство их клиентов в Малайзии являются представителями китайской диаспоры. Правительство М. Мохамада сумело преодолеть финансовый кризис 1998 года, провозгласив главной задачей в экономике опору на собственные силы, он был автором концепции «Видение 2020», ставящей целью превращение Малайзии в индустриально развитое государство к 2020 году. Концепция была дополнена идеологией «восточных ценностей» в противовес идеализации западного образа жизни и экономических ценностей. «Проект золотого динара» положил начало распространению мусульманской банковской сети в Малайзии. В целом банковская система, созданная в арабском мире, существенно отличается от западной своими правилами, отвечающими Корану и шариату, что было в сопоставлении с банками хуацяо принципиально новым для малайцев. Взимание процентов Кораном запрещено. Клиентам необходимо было изучить особенности финансовой и банковской сферы по нормам шариата, надо было обучить финансистов в этой сфере, что привело к развитию системы мусульманского образования в Малайзии [18: 44–48].

Галина Тойковна акцентирует внимание на дискуссиях в странах ислама о формировании интегрированной концепции образования, которая отвечала бы требованиям времени, связанным с научным и техническим прогрессом, но при этом оставалась органически вписанной в исламскую теологическую систему воспитания [23]. Именно Малайзия в программе мусульманского образования предложила в 2006 году абсолютно новую концепцию, известную как *ислам хадхари*, или «цивилизованный ислам» [20]. В ее основе лежит соблюдение 10 принципов: вера и поклонение Богу; справедливое и достойное доверия правительство; свободные и независимые люди; владение научными, достойными доверия знаниями; сбалансированное и постепенное экономическое развитие; хорошее качество жизни населения; защита прав меньшинств и женщин; высокие моральные ценности и культура; защита природных ресурсов и окружающей среды; высокая обороноспособность государства.

Г. Т. Тюнь внимательно следила и за работой коллег в Малайзии, результатом чего стала статья «Проблематика orang asli⁵ в диссертационных исследованиях Университета Малайя (г. Куала-Лумпур) в 2000–2012 годах» [17]. Галина Тойковна интересовалась политической жизнью в Индонезии и в 2017 году обратилась к истории трагических событий, связанных с подавлением «движения 30 сентября 1965 года» [19]. Она изучила материалы интернет-ресурсов, позволяющие узнать о событиях 1965–1966 годов:

Одним из таких ресурсов является сайт Центра изучения здоровья женщин (Yayasan Pendidikan Kesehatan Perempuan) (YPKP), его руководитель Сулами Джойоправиро – одна из наиболее известных активисток движения за осуждение виновных в массовых убийствах 1965–1966 годов. Сама С. Джойоправиро в юности была убежденной защитницей прав женщин, но в 1965 году ее обвинили в участии в государственном перевороте, арестовали, и она провела в заключении 20 лет. После освобождения в 1999 году она стала инициатором создания Индонезийского института по исследованию резни 1965–1966 годов в составе Центра изучения здоровья женщин. Еще один достойный доверия ресурс – это сайт Центра политических исследований Индонезийского института наук, одним из сотрудников которого является Асви Арман Адам, также изучающая диктатуру Сухарто [19: 58].

Галина Тойковна рассказала в статье о художественной книге Су Тьен Марчинг «Конец молчания», опубликованной в 2016 году. Книга содержит рассказы тех жертв репрессий, обвиняемых в участии в «движении 30 сентября», которым посчастливилось выжить в период жесткого преследования их семей режимом Сухарто:

Большинство пострадавших в те годы опасаются и сегодня рассказать правду о количестве жертв и методах преследований, справедливо полагая, что эти вопросы могут привести к жестким противоречиям в современном обществе, что в свою очередь может стать причиной возобновления политических преследований [19: 58].

В статье «Экономическое развитие и политические партии Индонезии после Сухарто» [13] Г. Т. Тюнь анализировала политическую систему Индонезии во второй половине XX – начале XXI века, в частности изучила деятельность современных политических партий, которые пыта-

ются найти рецепты и возможности дальнейшего развития страны⁶. Она исследовала внешнюю политику второго демократически избранного президента в статье «Международные связи Индонезии со странами мусульманского мира в годы президентства С. Б. Юдойоно (2004–2014)» [16]:

С приходом к власти Сусило Бамбанг Юдойоно (2004–2014) одним из основных направлений индонезийской дипломатии стали страны ислама. Помимо деятельности в Организации Исламской Конференции, Индонезия сотрудничает на двусторонней основе с исламскими государствами в сфере политики, экономики, культуры, религии. Культурные связи с мусульманскими странами включают в себя вопросы образования и религии, и субъектом действия международных связей становится не индонезийское государство (правительство), а мусульманская община – умма. В Министерстве религии Индонезии существует целый Департамент, ведающий вопросами паломничества. Возможность совершить хадж является неотъемлемым фактором единения мусульманского сообщества [16: 33–34].

Г. Т. Тюнь увлекала в мир научных исследований и своих учеников. Так, в сотрудничестве со студентом кафедры истории стран Дальнего Востока ВФ СПбГУ Н. Старостиным была написана статья «Расширение международного партнерства как путь обеспечения безопасности современной Индонезии» [14]. Авторы обозначили, что Индонезия представляет собой крупнейшую экономику в Юго-Восточной Азии, а сырье и нефтяные ресурсы являются базовыми элементами индонезийской экономики⁷.

Г. Т. Тюнь изучила положение китайского меньшинства в Индонезии и распространение идей реформаторства, просветительства, национализма в среде китайской эмиграции в начале XX века; экономические и политические мероприятия лидеров Малайско-индонезийского региона во второй половине XX – начале XXI века. В статьях ученого нашли отражение процессы глобализации и проблемы модернизации мусульманского образования и религии. Галина Тойковна Тюнь внесла серьезный вклад в развитие индонезистики, воспитала несколько поколений историков и одной из первых в отечественной науке обратилась к теме исламского банкинга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крупная торговая буржуазия Индонезии состояла из китайцев, а китайскому населению было запрещено приобретать землю, поэтому китайский капитал развивал активную деятельность в сфере торговли, ростовщических операций и обрабатывающей промышленности. Из-за высокой конкурентоспособности китайцев колониальные власти предпринимали в отношении них многочисленные ограничения: высокие налоги и таможенные пошлины на ввозимые товары, которые были выше, чем для европейцев.

² Первый этап общественно-политического движения был ознаменован началом деятельности просветительских организаций китайских ассоциаций Тионг Хоахве Коан (TXK). TXK появились в Батавии в 1900 году, свою главную задачу лидеры организаций видели в создании частных китайских школ, изучении китайского языка, истории, культуры и традиций Китая. Второй этап движения был связан с деятельностью китайских читален Су По Сиа: первые читальни появились на Яве в 1909 году, а в 1910 году их в стране было 52, большая часть находилась за пределами Явы. Су По Сиа действовали как революционные клубы, где критиковались действия колониальной администрации Индонезии. Работа организаций TXK и Су По Сиа способствовала оживлению общественной жизни Индонезии, укреплению различных

контактов с Китаем и ознакомлению индонезийских хауцяо с достижениями китайской культуры и современной общественной мысли, дала толчок к пробуждению национального самосознания китайского меньшинства.

³ Нодари Александрович Симония (род. в 1932 году) – востоковед, академик РАН. В 1958 году ученый защитил кандидатскую диссертацию по проблемам формирования и становления нации в Индонезии, а в 1974 году представил к защите докторскую диссертацию по теоретическим проблемам революционного процесса в странах Востока. Н. А. Симония в работе 1964 года «Буржуазия и формирование нации в Индонезии» изучил историю султанатов и княжеств Индонезийского архипелага, где проживали малайцы, яванцы, балийцы, даяки, бугийцы, макассары и сотни других этносов. Объединение жителей островов в единое государство Индонезия произошло в 1908 году. Ученый пришел к выводу, что культурные и религиозные различия народов Индонезии не носят характера противоречий и не могут стать препятствием объединению людей в единую нацию индонезийцев.

⁴ Само понятие «малайцы» сложилось лишь в XIX веке – исторически жители каждого султаната на Индокитайском полуострове считали себя «отдельными» от соседей. Однако с началом взаимодействия султанатов между собой пришло осознание исторической и культурной общности всех жителей, а вместе с тем и того, что главным фактором, объединяющим их, являются единые малайские и исламские ценности. Именно поэтому понятие «малаец» не может не подразумевать под собой понятия «мусульманин». Это нашло отражение в Конституции Малайзии 1957 года. В параграфе 160 понятие «малаец» включает в себя исповедание ислама, свободное владение малайским языком и соблюдение малайских традиций.

⁵ Национальные меньшинства Малайзии, которые состоят из оранг асли (коренные народы) на полуострове Малайзия и *ribumti* в Сабахе и Сараваке, составляют очень малый процент населения Малайзии – около 45 тыс. человек. Эти группы обладают своей уникальной культурой и образом жизни, унаследованными от предков и сохраняемыми на протяжении тысячелетий. В Куала-Лумпуре существует интеллектуальный и научный Центр координации научно-исследовательского сотрудничества по проблемам коренных народов Малайзии. Центр был открыт в 1999 году в университете Малайя. Тогда же в Университете Малайя был создан еще один исследовательский центр, деятельность которого связана с изучением оранг асли, – это Центр правового плюрализма и коренных народов. Исследования двух центров показали, что диссертационных работ по проблемам медицины и здравоохранения оранг асли оказалось больше всего. Вторая по количеству работ группа – это исследования по культуре, традициям, школьному образованию, педагогике и психологии. Третья группа – анимистическая традиция, ислам и религии, и четвертая группа – взаимоотношения цивилизаций и правовые проблемы.

⁶ Политической и идеологической основой Республики Индонезии остались принципы Панчасила (на санскрите – «пять принципов»), сформулированные в 1945 году: вера в единого Бога, справедливое и цивилизованное человечество, единство Индонезии, или национализм; демократия, осуществляемая внутренней мудростью единогласия, вытекающая из дискуссий среди представителей; социальная справедливость ко всему народу Индонезии. Наиболее влиятельной партией остается ГОЛКАР (Партия функциональных групп: ветеранов, молодежи, женщин, студентов и т. п.), основанная еще в 1964 году. Она насчитывает около 11 млн членов, опирается на представителей крупного бизнеса и чиновничества, рассматривает себя как светскую организацию, часто выступает против религиозного фундаментализма. В Индонезии действуют и выступают за движение страны к демократии и гражданскому обществу, свободу вероисповедания и культурный плюрализм Демократическая партия, Партия благодеяния и мира, Партия благодеяния и справедливости, Партия единства и развития, Партия звезды и полумесяца, Партия национального мандата, Партия национального пробуждения, Партия реформ и звезды.

⁷ Нефтяная промышленность в Индонезии – одна из старейших в мире. Первые месторождения нефти были обнаружены на Северной Суматре в 1883 году. Основная добыча и разведка нефти с 1907 года осуществлялась компанией «Роял Датч-Шелл», которой принадлежали концесии на Суматре, Яве и Калимантане. Незадолго до Второй мировой войны были обнаружены крупные месторождения в Дури и Минасе на Центральной Суматре. Их разработку уже после окончания войны начала американская компания «Калтекс». Пытаясь контролировать нефтедобычу, правительство в 1968 году создало единую Национальную нефтяную и газовую горнодобывающую компанию «Пертамина». Индонезия вошла в состав Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК), укрепляет стратегическое партнерство с Россией, США, Австралией, Южной Африкой, Китаем, Японией, Южной Кореей, Пакистаном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ко бе ц В. Н., Тю нь Г. Т. Фукудзава Юкити о природе власти в Японии // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: Доклады и сообщения, декабрь 1979 года. М.: Наука, 1981. Ч. I (1). С. 100–105.
2. Памяти Галины Тойвовны Тюнь // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 114.
3. Тю нь Г. Т. Роль китайского капитала в становлении капиталистических отношений в Нидерландской Индии последней трети XIX в. // Общество и государство в Китае. XIII научная конференция: Тезисы и доклады.: В 3 ч. М.: Восточная литература: Наука, 1982. Ч. 3. С. 105–111.
4. Тю нь Г. Т. Деятельность китайских читален – «Су По Сиа» в Нидерландской Индии 1909–1914 гг. // Общество и государство в Китае. XIV научная конференция: Тезисы и доклады: В 3 ч. М.: Восточная литература: Наука, 1983. Ч. 2. С. 183–187.
5. Тю нь Г. Т. Первые просветительные организации в китайской общине колониальной Нидерландской Индонезии (1900–1914 гг.) // Вестник Ленинградского университета. Серия: История, язык, литература. 1983. Вып. 3. С. 102–106.
6. Тю нь Г. Т. Китайское меньшинство в общественном развитии колониальной Индонезии в 1870–1914 годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. 22 с.
7. Тю нь Г. Т. О характере общественно-политического движения хауцяо в колониальной Индонезии (1900–1914 гг.) // Общество и государство в Китае. XVI научная конференция: Тезисы и доклады: В 3 ч. М.: Восточная литература: Наука, 1985. Ч. 2. С. 182–186.

8. Тюнь Г. Т. Гражданское образование в Петрозаводском государственном университете и школах г. Петрозаводска (г. Петрозаводск) // Гражданское образование: Материалы международного проекта. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. С. 90–109.
9. Тюнь Г. Т. История Индии в лекционных курсах кафедры всеобщей истории ПетрГУ // Россия – Индия: перспективы регионального сотрудничества (г. Петрозаводск). М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 30–36.
10. Тюнь Г. Т. Африканские научные исследования Ричарда Рейша в монографии Д. Джонсона Loyalty // Африканский сборник – 2009. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), 2009. С. 103–109.
11. Тюнь Г. Т. Труды академика Н. А. Симонии: от проблем формирования нации в Индонезии – к теоретическим проблемам всеобщей истории // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории: Статьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 годов. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), 2010. Вып. 3. С. 241–252.
12. Тюнь Г. Т. Рецензия на книгу: Индонезийцы и их соседи: Festschrift E. В. Ревуненковой и А. К. Оглоблину. Маклаевский сборник. Вып. 1. СПб., 2008. 432 с.; 16 ил. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. 2011. С. 95–99.
13. Тюнь Г. Т. Экономическое развитие и политические партии Индонезии после Сухарто // Основные тенденции политического и экономического развития стран современной Азии и Африки. СПб.: СПбГУ, Восточный факультет, 2011. С. 350–365.
14. Тюнь Г. Т., Старостин Н. А. Расширение международного партнерства как путь обеспечения безопасности современной Индонезии // Актуальные проблемы региональной безопасности Восточной Азии. СПб.: СПбГУ, Восточный факультет, 2013. С. 558–580.
15. Тюнь Г. Т. Реформирование мусульманского высшего образования Малайзии и проблемы безопасности // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: Коллективная монография. СПб.: СПбГУ, Восточный факультет: Студия НП–Принт, 2013. С. 322–337.
16. Тюнь Г. Т. Международные связи Индонезии со странами мусульманского мира в годы президентства С. Б. Юдойоно (2004–2014 гг.) // Евразийский Союз Ученых. 2015. С. 33–37.
17. Тюнь Г. Т. Проблематика orang asli в диссертационных исследованиях Университета Малайя (г. Куала-Лумпур) в 2000–2012 гг. // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Тез. докл. СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2015. С. 147–148.
18. Тюнь Г. Т. Идея глобализации Махатхира Мохамада и мусульманская банковская сеть в Малайзии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 3 (156). С. 43–50.
19. Тюнь Г. Т. О жертвах трагедии 30 сентября 1965 г. в современных электронных ресурсах и исторических исследованиях Индонезии // Азия и Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Материалы конгресса. СПб.: Студия НП–Принт, 2017. С. 57–59.
20. Carl W. Ernst. The Perils of Civilizational Islam in Malaysia. *Rethinking Islamic Studies: from orientalism to cosmopolitanism*. (Carl W. Ernst, Richard C. Martin, Eds.). South Carolina, 2010. P. 266–280.
21. Hefner R. W. Mahathir Mohamad. Achieving True Globalization. Selangor, 2004. 152 p.
22. Meera A. K. M. Islamic Gold Dinar. Selangor, 2002. 97 p.
23. Shari'a Law and Modern Muslim Ethics. (Robert W. Hefner, Ed.). Bloomington and Indianapolis, 2016. 299 p.

Smirnova N. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 Banit S. V., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

GALINA TYUN AND THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN INDONESIAN STUDIES

The article analyzes the works of an outstanding orientalist Galina Tyun (1948–2017) who devoted herself to studying the Malay Indonesian region history. She studied the Chinese minority status in Indonesia and the spread of reformist, enlightenment and nationalist ideas among Chinese immigrants at the beginning of the XX century, as well as the economic and political measures of the Malay Indonesian region leaders during the second half of the XX and the early XXI centuries. Galina Tyun's remarkable Indonesian studies articles reflected the globalization processes in Muslim education and religion modernization. She made a great contribution to the development of Indonesian studies and was one of the first among Russian researchers to study Islamic banking. Key words: Galina Tyun, Oriental studies, Indonesian studies, Malay Indonesian region, Muslim education and religion modernization

REFERENCES

1. Kobets V. N., Tyun G. T. Fukuzawa Yukichi about the nature of power in Japan. *Written monuments and problems of the Eastern history and culture*. Moscow, 1981. Part I (1). P. 100–105. (In Russ.)
2. In memoriam of Galina Tyun. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018. No 5 (174). P. 114. (In Russ.)
3. Tyun G. T. The role of Chinese capital in the formation of capitalist relations in the Netherlands India in the last third of the XIX century. *State and society in China*. Moscow, 1982. Part 3. P. 105–111. (In Russ.)
4. Tyun G. T. Chinese reading rooms “Su Po Sia” in Dutch India from 1909 to 1914. *State and society in China*. Moscow, 1983. Part 2. P. 183–187. (In Russ.)
5. Tyun G. T. The first educational organizations in the Chinese community of colonial Dutch Indonesia (1900–1914). *Bulletin of Leningrad University. Series: History, language, literature*. 1983. Issue 3. P. 102–106. (In Russ.)

6. Tyun G. T. The Chinese minority in the social development of colonial Indonesia from 1870 to 1914: Diss. Cand. Sci. Abstr. (History). Leningrad, 1983. 22 p. (In Russ.)
7. Tyun G. T. The nature of the socio-political Huaqiao movement in colonial Indonesia (1900–1914). *State and society in China*. Moscow, 1985. Part 2. P. 182–186. (In Russ.)
8. Tyun G. T. Civil education in Petrozavodsk State University and schools of Petrozavodsk (Petrozavodsk). Civil education: international project materials. St. Petersburg, 2000. P. 90–109. (In Russ.)
9. Tyun G. T. History of India in the lecture courses of Petrozavodsk State University's General History Department. *Russia – India: prospects for regional cooperation (Petrozavodsk)*. Moscow, 2001. P. 30–36. (In Russ.)
10. Tyun G. T. African scientific studies of Richard Reisch in the monograph *Loyalty* by D. Johnson. *African collected works – 2009*. St. Petersburg, 2009. P. 103–109. (In Russ.)
11. Tyun G. T. Works of Academician N. A. Simoniya: from some problems of the nation formation in Indonesia to the theoretical problems of general history. *Australia, Oceania and Indonesia in the space of time and history*. St. Petersburg, 2010. Issue 3. P. 241–252. (In Russ.)
12. Tyun G. T. Book review: Indonesians and their neighbors: Festschrift for E. V. Revunenkova and A. K. Ogloblin. *Maclaevsky sbornik*. Issue 1. SPb, 2008. 432 p.; 16 il. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 13: Oriental Studies. African Studies*. 2011. P. 95–99. (In Russ.)
13. Tyun G. T. Economic Development and political parties of Indonesia after Suharto. *Major trends in the political and economic development of the modern Asia and Africa*. St. Petersburg, 2011. P. 350–365. (In Russ.)
14. Tyun G. T., Starostin N. A. Expansion of international partnership as a way to ensure the security of Modern Indonesia. *Actual problems of regional security in East Asia*. St. Petersburg, 2013. P. 558–580. (In Russ.)
15. Tyun G. T. Malaysian Muslim higher education reform and security issues. *Eurasian arc of instability and regional security issues from East Asia to North Africa. Collective monograph*. St. Petersburg, 2013. P. 322–337. (In Russ.)
16. Tyun G. T. Indonesia's international relations with the countries of the Muslim world during the presidency of Susilo Bambang Yudhoyono (2004–2014). *Eurasian Union of Scientists*. 2015. P. 33–37. (In Russ.)
17. Tyun G. T. Problems of Orang Asli in dissertation research of the University of Malaya (Kuala Lumpur) between 2000 and 2012. *Asia and Africa in a changing world. The XXVIII International Conference on Historiography and Source Studies of Asia and Africa*. St. Petersburg, 2015. P. 147–148. (In Russ.)
18. Tyun G. T. Mahathir Mohamad's idea of globalization and the Muslim banking network in Malaysia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016. № 3 (156). P. 43–50. (In Russ.)
19. Tyun G. T. Some victims of the tragedy of September 30, 1965, in modern electronic resources and historical research in Indonesia. *Asia and Africa: heritage and modernity. The XIX International Conference on Historiography and Source Studies of Asia and Africa*. St. Petersburg, 2017. P. 57–59. (In Russ.)
20. Carl W. Ernst. The Perils of Civilizational Islam in Malaysia. *Rethinking Islamic Studies: from orientalism to cosmopolitanism*. (Carl W. Ernst, Richard C. Martin, Eds.). South Carolina, 2010. P. 266–280.
21. Hefner R. W. Mahathir Mohamad. Achieving True Globalization. Selangor, 2004. 152 p.
22. Meera A. K. M. Islamic Gold Dinar. Selangor, 2002. 97 p.
23. Shari'a Law and Modern Muslim Ethics. (Robert W. Hefner, Ed.). Bloomington and Indianapolis, 2016. 299 p.

Поступила в редакцию 08.10.2018

АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОПОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)
popalex79@mail.ru

ОЛЕГ ВАЛЕНТИНОВИЧ РОМАНЬКО

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)
romanko1976@mail.ru

ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПОЗДНИЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: МНОГООБРАЗИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ И ПРАКТИК*

На примере городов-героев Юга России (Волгоград, Севастополь, Керчь, Новороссийск) охарактеризованы основные социальные функции мемориальных сооружений («мест памяти»), связанных с событиями Великой Отечественной войны, в позднесоветский период. На основе обращения к архивным и опубликованным источникам авторы констатируют многофункциональность военных мемориалов, которые выполняли не только коммеморативную (то есть непосредственно связанную с памятью о прошлом), но и политico-идеологическую, ритуальную, мобилизационную, информационную, воспитательную, сакральную, рекреационную, эстетическую функции. Логика использования мемориальных сооружений раскрывается через совокупность связанных с ними социальных практик. В условиях формирования в СССР с середины 1960-х годов светского культа Великой Отечественной войны многие из этих практик приобретали ритуализованный характер. Основными целями данных ритуалов, помимо поддержания социального порядка и общественного консенсуса памяти, являлись актуализация событий прошлого, а также укрепление колlettivизма и обеспечение преемственности поколений в советском обществе. Архитектурно-художественные решения, использовавшиеся при проектировании и строительстве мемориальных сооружений в поздний советский период, учитывали многообразие функциональных задач, которые они должны были выполнять.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, «место памяти», монументальная пропаганда, мемориальные практики, ритуал, город-герой, СССР

В годы Великой Отечественной войны один из самых известных советских скульпторов-монументалистов В. И. Мухина совместно с архитектором В. В. Лебедевым подготовила проект грандиозного памятника защитникам Севастополя. По творческому замыслу авторов он должен был возвышаться в море у входа в Севастопольскую бухту и представлять собой действующий 80-метровый башенный маяк, увенчанный гигантскими фигурами воинов, отражающих нападение со всех сторон. Внутри маяка планировалось сделать вместительный зал для проведения общественных мероприятий, а снаружи – кольцевой балкон-парапет, с которого можно было бы не только осматривать окрестности, но и «принимать парад флота»¹. Несмотря на то что данный проект так и остался на бумаге, сама его концепция указывает на распространенность идеи о многофункциональности мемориальных комплексов, способных выполнять не только коммеморативные (непосредственно связанные с памятью о прошлом), но и иные функции. Такой подход нашел свое отражение в других, уже реально воздвигнутых в послевоенный период

мемориалах, посвященных событиям Великой Отечественной войны.

В последние десятилетия можно наблюдать активизацию интереса исследователей к феномену «мест памяти», во многом ставшую следствием перевода на русский язык работ французского историка П. Нора. Согласно его концепции, «местами памяти» являются территориально локализованные или абстрактно-символические пространства (музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, монументы, храмы), в которых «память кристаллизуется и находит свое убежище». Тенденцию к формированию таких мест в Новое время П. Нора связывает со стремлением общества сохранить упорядоченную картину прошлого в условиях перехода от доминирования памяти отдельных социальных групп к консолидированной национальной памяти [13: 17, 26]. Среди многообразия отечественных и зарубежных работ в области memory studies определенная часть посвящена именно локализованным в пространстве «местам памяти», связанным с событиями Великой Отечественной войны (далее – памятные места,

военные мемориалы, мемориальные сооружения). Однако обычно объектом исследовательского интереса становится история создания памятного места, описание его физического пространства и символических смыслов. Гораздо менее отрефлексированным является вопрос о функциональном назначении и использовании памятных мест путем реализации с их помощью широкого круга разнообразных социальных практик. В данной статье на примере памятников и мемориальных комплексов, расположенных в городах-героях Юга России (Волгоград, Севастополь, Керчь, Новороссийск), предпринята попытка охарактеризовать совокупность функций, которые выполняли памятные места, связанные с событиями 1941–1945 годов, в послевоенном советском обществе.

Знакомство с работами предшественников дает основание утверждать, что чаще всего исследователи обращают внимание на *политико-идеологическую функцию* военных мемориалов, направленную на укрепление символической легитимности советского строя, на поддержание социального порядка и консолидацию граждан СССР. При этом указывается на середину 1960-х годов как на время резкого повышения политического интереса к событиям Великой Отечественной войны, что наблюдалось и на центральном [5], и на региональном уровнях (см., например: [2], [22]). Н. Конрадова и А. Рылева выделяют такие функции военных мемориалов, как *политические* (обозначение общественного согласия по поводу оценки исторического события или личности), *социальные* (трансляция актуальных смыслов, подтверждение исторической идентичности и коллективности переживания) и *психологические* (акцент на более доступное и суггестивное визуальное восприятие) [11: 242]. В работе М. Габовича «Советские военные памятники: биографические заметки» констатируется широкий набор их функций/задач, находившийся в диапазоне от сугубо *utilitarian* (санитарная необходимость захоронения тел погибших) до *geopolitischen* (присутствие памятников советским воинам-освободителям в социалистических странах символизировало их нахождение в сфере советского влияния), а также традиционно подчеркивается их *коммеморативная* и *легитимационная* функции [8]. Работа современной украинской исследовательницы И. Склокиной выделяется тем, что в ней основное внимание уделено *атрактивным* и *рекреационным* функциям памятников Великой Отечественной войны и прилегающих к ним общественных пространств, их использованию в советском туризме и экскурсионном деле, для семейного отдыха и проведения культурно-просветительных мероприятий [21]. Интересные социально-функциональные аспекты Пискаревского мемориального кладбища как объекта туристско-экскурсионного посещения раскрыты в недавней публикации

И. Каспэ [10: 84–88]. Что же касается исследований западных авторов, то наибольший интерес в данном контексте представляют работы американской исследовательницы Н. Тумаркин, рассматривающей память о Великой Отечественной войне в СССР как специфическую форму гражданской (светской) религии [28], а также монографии, посвященные мемориальной культуре отдельных городов-героев: Волгограда [23], [26], Новороссийска [24], Севастополя [27].

Несмотря на всю многофункциональность мемориальных сооружений, основной (базовой) для них следует признать *коммеморативную функцию*, связанную с выстраиванием определенной смысловой концепции памяти о событиях прошлого. Коммеморация структурирует разнообразные дискурсы и практики, содержит в себе социальное и культурное видение памяти об историческом событии, тем самым способствуя солидаризации социальных группы вокруг единого представления о прошлом [12: 20]. Пространственная и композиционная логика мемориальных сооружений раскрывает господствующую в данном обществе историческую оценку тех или иных событий, распределяет роли «своих»/«чужих», «друзей»/«врагов», «героев»/«предателей», «жертв»/«палачей». С помощью скульптурно-архитектурных форм изображаемые герои выстраиваются в определенный пантеон на основе представлений о степени значимости их вклада в Победу, в том числе с учетом локальных особенностей исторической памяти. Например, в городах-героях Причерноморья мемориальными средствами подчеркивался вклад в Победу моряков Черноморского флота (памятник Неизвестному матросу в Новороссийске, памятник морякам-подводникам в Севастополе и др.).

Известны случаи, когда память о фактически забытых на официальном уровне героях и жертвах войны становилась общественным достоянием благодаря инициативе отдельных советских граждан, которые считали своим моральным и гражданским долгом возвращение таких сюжетов и имен в героический пантеон. Так было с подвигом подземного гарнизона защитников Аджимушкайских каменоломен в 1942 году, судьба которых до конца 1950-х годов фактически находилась в «зоне умолчания» и только потом начала приобретать известность. Инициативная группа по созданию мемориального комплекса в память о защитниках Аджимушкайских каменоломен первоначально состояла всего из нескольких человек, в основном ветеранов войны и деятелей искусств, которые с середины 1960-х годов начали обращаться в различные государственно-партийные структуры с письмами о необходимости создания такого объекта. Один из наиболее активных участников этой инициативы, крымский поэт-фронтовик Б. Серман, так описывал свои чувства во время открытия мемориаль-

ного комплекса в Аджимушкае, состоявшегося только 15 мая 1982 года:

Дождались, – говорило мне все, что видел вокруг: изваянные фигуры, знамена, по-взрослому сосредоточенные глаза детей и торжественные лица взрослых. Я чувствовал в себе какую-то обновляющую душу силу [16: 70].

Однако в данном случае речь идет о крупном и дорогостоящем мемориальном комплексе, тогда как целый ряд более скромных по своим масштабам памятников Керчи был сооружен исключительно за счет средств производственных предприятий или даже на пожертвования учащихся школ, носящих имена погибших героев (памятники Вере Белик, Володе Дубинину, Евгении Рудневой)².

Политико-идеологическая функция военных мемориалов основывалась на утвердившейся еще в первые годы советской власти ленинской концепции «монументальной пропаганды», согласно которой мемориальные сооружения должны были «обладать большой идейной насыщенностью», способствовать активной и массовой пропаганде коммунизма [3: 8]. При этом понятие «мемориальное сооружение» трактовалось весьма широко и включало в себя произведения архитектуры и монументальной скульптуры, создаваемые в память отдельных лиц и событий: надгробия, памятники, обелиски, триумфальные колонны и арки, мавзолеи, мемориальные архитектурно-скульптурные комплексы, мемориальные музеи³.

«Монументальная пропаганда» могла способствовать прославлению не только советской власти в целом, но и конкретных государственно-политических деятелей. Общеизвестно, что именно на фоне героизации военных страниц биографии Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева был создан грандиозный комплекс из трех логически связанных между собой мемориальных сооружений в Новороссийске, открытый в несколько этапов: 1978 год – памятник-ансамбль «Линия обороны», 1979 год – памятник-мемориал «Гибель эскадры», 1982 год – памятник-ансамбль «Малая земля»⁴. Когда по ряду организационно-хозяйственных причин в 1981 году и без того затянувшееся строительство памятника-ансамбля «Малая земля» резко замедлилось, авторская группа проекта мемориала направила письмо в Совет Министров РСФСР, где отмечали его «огромное политическое значение», поскольку он напрямую связан с биографией главы государства⁵. После этого необходимые финансовые, технические и людские ресурсы для окончания строительства все же нашлись, и мемориал был торжественно открыт 16 сентября 1982 года – менее чем за 2 месяца до смерти Л. И. Брежнева. Несмотря на то что памятник персонально Брежневу появился в Новороссийске лишь в начале 2000-х годов⁶, в советский период

Леонид Ильич пользовался особым уважением среди жителей этого города и считался его покровителем [24: 98–101].

Прилегающее к наиболее значительным мемориальным сооружениям общественное пространство активно использовалось для проведения различных легитимизирующих власть мероприятий – торжественных митингов, парадов, манифестаций, церемоний открытия различных событийных мероприятий, особенно приуроченных к памятным датам и юбилейным торжествам. При этом практики коммеморации приобретали явно выраженные *ритуальные функции*. Как писал один из советских авторов:

Комсомольцы и пионеры с горящими факелами ша-гают к братским могилам, обелискам и памятникам, минутой молчания чтят память героев, возлагают венки, гирлянды цветов. Возглавляют факельные шествия ветераны Великой Отечественной войны [6: 43].

Ритуализация мемориальных практик, связанных с памятью о Великой Отечественной войне, не была случайной. П. Нора отмечал, что включенность в ритуал уже сама по себе является чертой, определяющей принадлежность к «местам памяти» [13: 40]. Антрополог С. Адоньева прямо называет советские мемориалы «ритуальными площадками», отмечая их способность преобразовывать внутреннее (конгитивное, эмоциональное) пространство граждан [1: 134]. Согласно современным антропологическим концепциям, ритуальные действия отличаются перформативностью, то есть способностью побуждать к тем или иным действиям. Ритуалы оказывают интегративное воздействие на общество (производство идентичности, переработка различий) и способствуют поддержанию социального, в том числе политического, порядка [7: 26–27, 31–36].

Знакомство с записями в книгах отзывов крупных мемориальных комплексов, сделанными советскими гражданами, посещавшими их в 1960–1980-е годы, убеждает в справедливости приведенных выше теоретических конструкций:

Самый лучший венок памяти героев – это наш труд во имя светлого будущего Родины! (Мемориальный комплекс на Мамаевом кургане в Волгограде) [9: 117].

Нам, участникам Великой Отечественной войны, этот памятник особенно дорог. Хочется поблагодарить нашу Партию и Правительство за великую заботу об увековечивании этого тяжелого, но легендарного периода (Мемориальный комплекс на Сапун-горе, Севастополь) [20: 78–79].

Не видеть развалин Аджимушкайских катакомб, экспозиции этого музея, значит потерять многое. Без волнений, печали, горести нельзя пройти мимо. Но гордость за всех, кто погиб за наше счастье, окрыляет и придает силы (Музей обороны Аджимушкайских каменоломен, Керчь)⁷.

Проанализировав ритуалы и тексты известных нам записей, можно утверждать, что мемориальные комплексы способствовали укрепле-

нию в сознании советских людей таких идей, как актуальность прошлого в контексте настоящего и будущего, ценность колLECTивизма, важность преемственности поколений. По утверждению Н. Тумаркин, в брежневский период советская власть использовала память о Великой Отечественной войне как основной моральный ресурс влияния на население, особенно на молодежь [28: 132–133]. Также западные авторы прямо указывают на то, что возникшие в поздний советский период ритуалы, например возложение молодоженами цветов к военным памятникам в день свадьбы, являлись искусственным средством вытеснения религиозных традиций и замены их светской социалистической обрядностью [25: 159].

Говоря о *мобилизационной функции* памятных мест, большинство авторов имеют в виду политico-идеологическую мобилизацию, забывая о материально-технических и трудовых аспектах. Широкое распространение получила практика шефской помощи конкретных трудовых и учебных коллективов, которая осуществлялась как на стадии строительства мемориалов, так и после их открытия. Фактически имел место постоянный мониторинг состояния мемориальных сооружений, а в случае необходимости – их благоустройство и текущий ремонт силами общественности [6: 40–41], [14: 68], [18: 55]. Постоянно подчеркивалось, что

памятник, связанный с Великой Отечественной войной особенно, только в том случае окажет необходимое воздействие на сердца и души людей, когда он находится в безупречном состоянии [14: 67].

Информационно-познавательная функция мемориальных сооружений заключалась в возможности для посетителей узнать новую информацию о фактах, событиях, личностях военного времени, что было особенно актуально для представителей послевоенных советских поколений. Часто она реализовывалась самостоятельно, путем прочтения мемориальных надписей, изучения путеводителей, проспектов и буклетов с описанием памятных мест. Но нередко эта информация получалась и коммуникативным путем – через пояснения спутников, от экскурсоводов, во время уроков мужества и встреч с очевидцами событий – ветеранами войны, когда они проводились возле памятников [14: 63–64]. Как отмечал один из авторов «Литературной газеты» после посещения Мамаева кургана в Волгограде, каждая такая встреча с ветеранами непосредственно на мемориализованном месте прошедших боев отличалась особым эмоциональным состоянием всех участников:

дрожат и срываются голоса всех, кто пришел на священную землю... волнение передается нам, пронизывает нас, как током, обжигает, опаляет...⁸

Таким образом, создавались условия для реализации не только информационной, но и воспитательной функции, которая будет охарактеризована далее.

Расширение информационных функций мемориальных сооружений обусловило тенденцию к включению в их структуру музейно-выставочных залов, панорам и диорам, открытых площадок для демонстрации реликвий военного времени, в первую очередь военной техники и образцов вооружения. При этом справедливо предполагалось, что собранные и систематизированные артефакты, относящиеся к военному времени, позволят лучше понять героическое прошлое, а также привлекут дополнительный интерес посетителей [19: 23–24]. В то же время некоторые западные авторы оценивали это явление как свидетельство милитаризации советского общества [25: 161].

Пример такого комплексного по своему составу мемориального сооружения – музей-панорама «Сталинградская битва» в Волгограде, призванный «многопланово раскрыть величие и героизм советского народа». Панорама «Сталинградская битва» была открыта 8 июля 1982 года, а находящийся в этом же здании мемориальный музей – 6 мая 1985 года. За первые полгода после открытия панораму посетило около 200 тыс. человек, а интерес к ней являлся настолько высоким, что график посещения планировался на несколько месяцев вперед и предусматривал только групповые экскурсии⁹. Также для повышения степени наглядности и усиления эмоционального воздействия на посетителей в состав мемориальных комплексов могли включаться подлинные военно-инженерные сооружения: окопы, блиндажи, противотанковые рвы, землянки [14: 66].

Воспитательная функция памятных мест в первую очередь была направлена на формирование чувства патриотизма. Самое широкое распространение получила впервые реализованная в Волгограде осенью 1965 года инициатива по созданию школьного «Поста № 1» у Вечного огня на площади Павших Борцов. Для дежурства на этом посту отбирались лучшие школьники города с учетом успеваемости, поведения, общественной активности. С претендентами также проводились занятия по строевой подготовке в шефствующей воинской части Волгоградского гарнизона. По одной из сложившихся традиций удостоенные этой чести школьники затем писали сочинение на тему «Что я чувствовал, когда стоял на Посту № 1?». Один из них так описал свое эмоциональное состояние:

Прекрасные чувства торжественности и гордости за свой город не покидают нас ни на минуту. И мы уверены, что любой мальчишка или девчонка с гордостью будут нести имя часового на страже памяти погибших за наш город, за нашу любимую Родину!¹⁰

В Севастополе школьный Пост № 1 начал постоянно функционировать с 1973 года, причем находился не на Малаховом кургане или Сапун-горе, а в административном и общественном центре города – у Мемориала второй обороны Севастополя 1941–1942 годов на площади Нахимова [18: 49–50]. В Новороссийске комсомольцы и пионеры впервые заступили в почетный караул у Вечного огня на площади Героев 9 мая 1975 года.

Также военные мемориалы использовались для интернационального воспитания советских граждан. Для этого необходимо было доступными способами (например, на основе названий воинских частей или фамилий и имен погибших) показать их принадлежность к разным регионам страны и национальностям, тем самым подтвердив общий вклад всех народов СССР в Великую Победу [6: 38–39].

Рекреационная (досуговая) функция мемориальных сооружений реализовывалась за счет того, что прилегающие к ним территории часто являлись популярными местами семейного посещения в выходные и праздничные дни. Здесь также могли проводиться музыкальные концерты и театрализованные представления, этапы спортивных марафонов, «звездных эстафет», автопробегов и прочих зрелищных мероприятий, которые вызывали массовый общественный интерес. Так, самым ярким событием состоявшегося в мае 1985 года в Керчи Всекрымского областного фестиваля молодежи стало проведение концерт-реквиема у обелиска Славы на горе Митридат, в котором приняли участие лучшие творческие коллективы и исполнители области¹¹. Реализации рекреационной функции военных мемориалов способствовало создание на прилегающих к ним территориях скверов и парков, а на бывших рубежах обороны некоторых городов формировались так называемые зеленые пояса Славы, представляющие целый комплекс парковых и лесопарковых зон¹².

Политические, познавательные и рекреационные функции сочетались во время использования военных мемориалов как объектов туристско-экскурсионного посещения. Особенно наглядно это можно проследить на примере Севастополя, где к середине 1970-х годов городское туристско-экскурсионное бюро ежегодно обслуживало около 3,5 млн экскурсантов (подробнее см.: [15], [17]).

Впрочем, иногда одновременная реализация различных социальных функций мемориальных сооружений обуславливала определенные противоречия. Например, в 1985 году на страницах газеты «Слава Севастополя» развернулось обсуждение допустимых этических рамок поведения во время посещения памятных мест. В письме под заголовком «Омрачают ритуал» один из читателей отмечал, что массовое посещение Сапун-горы новобрачными в день свадьбы имеет и свои негативные стороны, поскольку

компании празднующих позволяют себе распивать спиртные напитки и курить на территории мемориала¹³. За сколько месяцев до этого редакция газеты опубликовала целую подборку читательских писем под общим заголовком «На священном месте», авторы которых единодушно высказывались за полный запрет употребления спиртных напитков и курения на Сапун-горе. Более того, один из читателей высказал мнение, что «в таких священных местах нельзя позволять себе шумных разговоров, веселого смеха, игры на музыкальных инструментах, включать транзисторные приемники»¹⁴. В связи с этим можно говорить о *сакральной функции* военных мемориалов, действительно воспринимавшихся большинством советских граждан как «священные места». Причем именно сакрализация служила своеобразной метафункцией, связывавшей общественно-политическую и личностно-эмоциональную значимость таких объектов, без чего была бы невозможна эффективная реализация на их базе всех перечисленных выше функций. Именно поэтому в постсоветский период имевшие место случаи искусственного снижения уровня сакральности и масштабности коммеморативных практик, тенденции к их коммерциализации и «карнавализации» вызывали ощущение «дисфункции коммеморации» у представителей старших поколений (см., например: [12: 25–29]).

Наконец, являясь авторскими произведениями искусства, включенными в окружающий ландшафт, военные мемориалы, безусловно, выполняли и *эстетическую функцию*. При этом некоторые из них воспринимались как эстетически более привлекательные, другие могли подвергаться критике за свой внешний вид, хотя необходимо учитывать субъективность такого рода оценок. В 1959–1960 годы, после публикации в советской прессе рабочих эскизов мемориального комплекса на Мамаевом кургане, в адрес Министерства культуры РСФСР поступила серия писем от граждан, которые резко критиковали художественно-визуальную составляющую данного проекта¹⁵. Причем аргументы авторов этих писем были либо совершенно абсурдными, либо обусловлены отсутствием у них информации об окончательной версии данного проекта, созданного под руководством Е. В. Вучетича, который претерпел очень значительные метаморфозы на этапе от начала разработки до финальной реализации (подробнее см.: [26: 382–405]). Можно привести и другой характерный пример. По воспоминаниям главного архитектора Севастополя А. И. Баглея, на проходившей в 1967 году выставке проектов обелисков в честь присвоения городам Украинской ССР звания городов-героев¹⁶ севастопольский проект, очертания которого напоминали комбинацию штыка и паруса 60-метровой высоты, был в высшей степени позитивно

оценен первым секретарем ЦК КПУ П. Е. Шелестом. Во время знакомства с проектами якобы состоялся такой диалог:

– А что это за дымовые трубы?

Министр культуры отвечает:

– Петр Ефимович, это проекты обелисков в Киеве и Одессе. <...>

– А это что за проект? – спрашивает Петр Ефимович.

– Это обелиск городу-герою Севастополю.

– Вот это совсем другое дело. Так и надо строить, – сказал Шелест [4: 85–86].

В заключение следует отметить, что в последние советские десятилетия творческие коллективы, разрабатывающие проекты мемориальных сооружений, учитывали то многообразие функциональных задач, которые они должны были выполнять. Например, в начале 1980-х годов был разработан проект мемориального комплекса-панорамы обороны Новороссийска в годы Великой Отечественной войны. Предполагалось, что его введут в эксплуатацию в 1985 году на территории между проспектом Ленина и Суджукским озером. Композиционным ядром внутреннего пространства этого сооружения должна была быть торжественно-ритуальная зона для принятия воинской присяги, приема в пионеры и проч. Также здесь предполагалось разместить лекционный зал на 140 мест и панорамную смотровую площадку на

крыше здания¹⁷. Однако на фоне усиления кризисных явлений в советской экономике этот и целый ряд других масштабных проектов так и не были реализованы, особенно после принятия 12 апреля 1983 года совместного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на строительство мемориальных сооружений»¹⁸.

Ввиду многоаспектности жизни общества любая попытка классификации функций относящихся к нему объектов (в нашем случае – мемориальных сооружений) является достаточно условной, а полученный перечень едва ли может считаться исчерпывающим. Однако аналитические усилия в данном направлении все же помогают понять стабильные взаимосвязи институтов и социальных практик, схемы взаимодействия государства – общества – личности в конкретном социальном контексте. Кроме того, именно многофункциональность мемориальных сооружений во многом объясняет тот факт, что, несмотря на трансформационные процессы конца 1980-х – первой половины 1990-х годов, они продолжают оставаться в центре внимания, восприниматься как особо значимые и по-прежнему священные места¹⁹ большинством представителей современного российского общества.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00576 «Память о Великой Отечественной войне в городах-героях Юга России (Волгоград – Севастополь – Керчь – Новороссийск), 1945–1991 гг.».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2326. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

² Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. Р-2865. Оп. 2. Д. 247. Л. 4.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 142. Д. 222. Л. 13.

⁴ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 46. Д. 5661. Л. 1.

⁵ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 3366. Л. 41.

⁶ Памятник Л. И. Брежневу в Новороссийске был установлен в 2004 году.

⁷ ГА РК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 923. Л. 5.

⁸ Литературная газета. 1967. 18 октября.

⁹ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 6931. Л. 43–44.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-1. Оп. 34. Д. 726. Л. 40.

¹¹ Керченский рабочий. 1985. 28 мая.

¹² Наиболее известный «зеленый пояс Славы» был создан на рубежах обороны Ленинграда, но аналогичная практика имела место также в Севастополе, Одессе и других городах.

¹³ Слава Севастополя. 1985. 19 мая.

¹⁴ Слава Севастополя. 1985. 6 марта.

¹⁵ См., например: ГА РФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 2840. Л. 28.

¹⁶ Строительство таких обелисков было предусмотрено пунктом 7 утвержденного Президиумом Верховного Совета СССР 8 мая 1965 года «Положения о почетном звании “Город-Герой”».

¹⁷ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 2077. Л. 10, 16–17.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 3284. Л. 3.

¹⁹ Не случайно начиная с 1990-х годов мемориальные комплексы, посвященные событиям Великой Отечественной войны, стали дополняться культовыми сооружениями основных религиозных конфессий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А до нь е в а С. Б. Категория ненастоящего времени: антропологические очерки. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 167 с.
2. А н т о щ е н к о А. В. Изменение конфигурации пространства «мест памяти» о Великой Отечественной войне (на примере Петрозаводска) // История и культура страны-победительницы: К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: Труды междунар. науч. конф. Самара, 2010. С. 191–201.
3. А р т а м о н о в В. А. Город и монумент. М.: Стройиздат, 1974. 224 с.
4. Б а г л е й А. И. «Думи мої, думи мої, лихо мені з вами!»: воспоминания и размышления старого архитектора. [Севастополь]: [б. и.], [2008]. 584 с.

5. Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 109–128.
6. Врублевская В. Б. Совместная деятельность государственных и общественных организаций по охране и использованию памятников Великой Отечественной войны в патриотическом воспитании тружеников // Памятники Великой Отечественной войны в патриотическом воспитании тружеников: Сб. науч. трудов. М.: НМС МК СССР, 1985. С. 37–47.
7. Вульф К. Производство социального: ритуал, эмоции, воспоминания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3. С. 23–50.
8. Габович М. Советские военные памятники: биографические заметки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docplayer.ru/26525817-Sovetskie-voennye-pamyatniki-biograficheskie-zametki-mihail-gabovich-eynshteynovskiy-forum-potsdam-germaniya.html> (дата обращения 15.05.2018).
9. Голоса сердец: Сборник / Сост. В. Б. Ростовщиков, И. М. Кандауров. 2-е изд. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1985. 144 с.
10. Каспэ И. Место смерти: о значении Ленинградской блокады в позднесоветской культуре // Социологическое обозрение. 2018. № 1. С. 59–105.
11. Конрадова Н., Рылева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 241–261.
12. Макаров А. И. Феномен памятника в современной культурной ситуации: дисфункция коммеморации // Память и памятники. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2011. С. 19–29.
13. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика места памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж, Ж. Винок. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.
14. Орешкина А. С. Значение памятников Великой Отечественной войны в формировании идеино-политического и нравственного облика советского человека // Памятники Великой Отечественной войны в патриотическом воспитании тружеников: Сб. науч. трудов. М.: НМС МК СССР, 1985. С. 58–69.
15. Попов А. Д. Легендарный Севастополь как туристско-экскурсионный объект: история и современность // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 3. С. 52–60.
16. Серман Б. Е. Письма пришли потом. Симферополь: Таврия, 1985. 144 с.
17. Сибиряков И. В. Образ Севастополя для советских туристов: советские справочники-путеводители об особенностях туристических маршрутов в Севастополе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 58–63.
18. Чиж С. А. Потомству в пример // Равнение на подвиг: Сборник. Симферополь: Таврия, 1988. С. 45–57.
19. Швидковский О. Памятники борьбы и победы // Советская скульптура – 1975. М.: Сов. художник, 1977. С. 12–42.
20. Яковлева Т. И., Шебек Н. В., Войтенко С. М. Сапун-гора: Путеводитель по заповеднику. Симферополь: Крымиздат, 1963. 88 с.
21. Слокіна І. Пам'ять про Другу світову війну та нацистську окупацію України в повсякденних практиках радянського суспільства (1953–1985) // Вісник Харківського університету. Серія: Історія. Вип. 44. (Спецвипуск: «Історія повсякдення»). Харків, 2011. С. 199–219.
22. Antoshchenko A. V., Volkova V. V., Shytova I. S. War Memorials in Karelia: A Place of Sorrow or Glory? *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko (Eds.). London, Palgrave Macmillan, 2017. P. 465–493.
23. Arnould S. Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat. Bochum, Projekt Verlag, 1998. 428 s.
24. Davies V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. London, I. B. Tauris, 2018. 351 p.
25. Ignatieff M. Soviet War Memorials. *History Workshop*. 1984. No 17. P. 157–163.
26. Palmer S. W. How Memory was Made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad. *Russian Review*. 2009. Vol. 68. No 3. P. 373–407.
27. Qualls K. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. Ithaca, London: Cornell University Press, 2009. 188 p.
28. Tumarkin N. The Living & The Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York, Basic Books, 1994. 242 p.

Popov A. D., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)
Romanko O. V., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

MONUMENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR DURING THE LATE SOVIET PERIOD: VARIETY OF SOCIAL FUNCTIONS AND PRACTICES*

The article characterizes the main social functions of memorial objects (“places of memory”) connected with the events of the Great Patriotic War during the late Soviet period by the example of the Hero Cities of Southern Russia (Volgograd, Sevastopol, Kerch, and Novorossiysk). On the basis of the archival and published sources the authors established the multifunctionality of military memorials which performed not only commemorative, but also political and ideological, mobilizing, informational, educational, recreational, and esthetic functions. The logic of the memorial objects usage is revealed through the set of social practices related with them. In the conditions of formation of the secular cult of the Great Patriotic War observed since the middle of the 1960s in the USSR, many of these practices gained a ritualized character. The main object of these rituals, besides maintaining social order and public consensus of memory, was to update the events of the past, strengthen collectivism, and ensure the continuity of generations in the Soviet society. The creative decisions used for the design and construction of memorial objects during the late Soviet period considered the variety of functional tasks which they had to carry out.

Key words: the Great Patriotic War, historical memory, “place of memory”, monumental propaganda, memorial practices, ritual, Hero City, the USSR

* The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research grant as part of the project No 18-09-00576 “The memory of the Great Patriotic War in the Hero Cities of Southern Russia (Volgograd – Sevastopol – Kerch – Novorossiysk), 1945–1991”.

REFERENCES

1. Adon'eva S. B. Category of artificial time: anthropological essays. St. Petersburg, 2001. 167 p. (In Russ.)
2. Antoshchenko A. V. Change of the space configuration of "places of memory" of the Great Patriotic War (by the example of Petrozavodsk). *History and culture of the winner country: the 65th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: Proceedings of the International Scientific Conference*. Samara, 2010. P. 191–201. (In Russ.)
3. Artamonov V. A. City and monument. Moscow, 1974. 224 p. (In Russ.)
4. Bagley A. I. "Oh, my thoughts, woe is me!": memoirs and reflections of an old architect. [Sevastopol], [2008]. 584 p. (In Russ.)
5. Boltunova E. "The trouble has come from where it was not expected": how the war absorbed the revolution. *Neprikosnovenny zapas*. 2017. No 6. P. 109–128. (In Russ.)
6. Vrublevskaya V. B. Joint activities of the state and public organizations for protection and use of monuments of the Great Patriotic War in patriotic education of workers. *Pamyatniki Velikoy Otechestvennoy voyny v patrioticheskem vospitanii trudyashchikhsya: Sb. nauch. trudov*. Moscow, 1985. P. 37–47. (In Russ.)
7. Vul'f K. Production of the social: ritual, emotions, memories. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2010. No 3. P. 23–50. (In Russ.)
8. Gabovich M. Soviet military monuments: biographical notes. Available at: <http://docplayer.ru/26525817-Sovetskie-voennye-pamyatniki-biograficheskie-zametki-mihail-gabovich-eynshteynovskiy-forum-potsdam-germaniya.html> (accessed 15.05.2018). (In Russ.)
9. Voices of hearts: Collection of testimonials. (V. B. Rostovshikov, I. M. Kandaurov, Comp.). Volgograd, 1985. 144 p. (In Russ.)
10. Kaspe I. Place of death: the value of the Leningrad Blockade for the late Soviet culture. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2018. No 1. P. 59–105. (In Russ.)
11. Konradowa N., Ryleva A. Heroes and victims. The Great Patriotic War memorials. *Pamyat' o voynie 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa*. Moscow, 2005. P. 241–261. (In Russ.)
12. Makarov A. I. Monument phenomenon in a modern cultural situation: commemoration dysfunction. *Pamyat' i pamyatniki*. Volgograd, 2011. P. 19–29. (In Russ.)
13. Nora P. Between memory and history. Places of memory. *Frantsiya-pamyat'*. (P. Nora, M. Ozouf, G. Puymenge, M. Winock). St. Petersburg, 1999. P. 17–50. (In Russ.)
14. Oreshkina A. S. The value of the Great Patriotic War monuments in the formation of ideological, political and moral image of the Soviet person. *Pamyatniki Velikoy Otechestvennoy voyny v patrioticheskem vospitanii trudyashchikhsya: Sb. nauch. trudov*. Moscow, 1985. P. 58–69. (In Russ.)
15. Popov A. D. Legendary Sevastopol as a tourist and excursion site: history and modern age. *Sovremennye problemy servisa i turizma*. 2014. No 3. P. 52–60. (In Russ.)
16. Sherman B. E. Letters came later. Simferopol, 1985. 144 p. (In Russ.)
17. Sibiryakov I. V. Image of Sevastopol for the Soviet tourists: Soviet travel guides on the features of tourist routes in Sevastopol. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2016. No 4. P. 58–63. (In Russ.)
18. Chizh S. A. An example for the next generations. *Ravnenie na podvig: Sbornik*. Simferopol, 1988. P. 45–57. (In Russ.)
19. Shvidkovskiy O. Monuments of fight and victory. *Sovetskaya skul'ptura – 1975*. Moscow, 1977. P. 12–42. (In Russ.)
20. Yakovleva T. I., Shebek N. V., Voitenko S. M. Mount Sapun: Guide to the park. Simferopol, 1963. 88 p. (In Russ.)
21. Слокіна І. Пам'ять про Другу світову війну та нацистську окупацію України в повсякденних практиках радянського суспільства (1953–1985). *Вісник Харківського університету. Серія: Історія*. Вип. 44. (Спецвипуск: «Історія повсякдення»). Харків, 2011. С. 199–219.
22. Antoshchenko A. V., Volokhova V. V., Shtykova I. S. War Memorials in Karelia: A Place of Sorrow or Glory? *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. (J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko, Eds.). London, Palgrave Macmillan, 2017. P. 465–493.
23. Arnold S. Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat. Bochum, Projekt Verlag, 1998. 428 s.
24. Davis V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. London, I. B. Tauris, 2018. 351 p.
25. Ignatieff M. Soviet War Memorials. *History Workshop*. 1984. No 17. P. 157–163.
26. Palmer S. W. How Memory was Made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad. *Russian Review*. 2009. Vol. 68. No 3. P. 373–407.
27. Qualls K. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. Ithaca, London: Cornell University Press, 2009. 188 p.
28. Tumarkin N. The Living & The Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York, Basic Books, 1994. 242 p.

Поступила в редакцию 29.10.2018

СЕРГЕЙ НАВИЛЬЕВИЧ АБУКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории исторического факультета, Донецкий национальный университет (Донецк, Донецкая Народная Республика)

legusha@list.ru

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НАСИЛЬСТВЕННОГО ПОСТРИЖЕНИЯ РЮРИКА РОСТИСЛАВИЧА

Статья посвящена завершающему этапу семейного конфликта рубежа XII–XIII веков между киевским князем Рюриком Ростиславичем и галицким князем Романом Мстиславичем, вызывающему дискуссию среди историков, а именно насильтственному пострижению в Киеве Рюрика Ростиславича, его жены и дочери в 1204 году. Автор попытался реконструировать причины, обстоятельства и значение пострижения, а также понять отношение к нему княжеской братии. По мнению автора, причиной пострижения стало желание Романа вычеркнуть экс-тестя из политической жизни, лишить его претензий на его владения, а также планы галицкого князя на единоличное доминирование на юге Руси. Не менее важными причинами стали старые семейные конфликты и необходимость избавиться от бывшей первой жены, окончательно легитимировать свой второй брак и сыновей от него. Сам акт пострижения необходимо рассматривать как сложное и комплексное явление, где политические и семейные причины трудно отделить друг от друга. Несмотря на насильтственный характер, монашеский статус Рюрика был очевиден княжеской братии и нанес ему непоправимый политический ущерб. Яркой иллюстрацией пострижения Рюрика является миниатюра Радзивиловской летописи.

Ключевые слова: Рюрик Ростиславич, Роман Мстиславич, Киев, пострижение, конфликт, брак, князь, Рюриковичи

В начале XIII века в международных отношениях произошло беспрецедентное событие: галицкий князь Роман Мстиславич заставил принять монашество киевского князя Рюрика Ростиславича, его жену Анну Юрьевну и дочь Предславу, свою бывшую жену. Этот акт стал завершающим аккордом конфликта между тестем и экс-зятем, длившимся с перерывами со второй половины 90-х годов XII века. Однако причины и обстоятельства этого экстраординарного события остаются дискуссионными среди историков. Перипетии семейной жизни Романа с Предславой, как и пострижение Рюрика, не прошли незамеченными как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Среди ученых следует назвать виднейших русских и украинских дореволюционных историков [4], [9], [18]. Для исследователей Киевской Руси тема была мало интересной, поэтому они ограничивались констатацией события или не вдавались в глубокий анализ [14], [19]. При этом в последнее время отмечается новый интерес к личности Романа Мстиславича и политической борьбе на рубеже XII–XIII веков в трудах постсоветских украинских [16], [17], [21], российских [2], [7] и историков дальнего зарубежья [3], [15]. Анализ отдельных положений в их работах в контексте означенной темы будет сделан ниже. Следует отметить, что ценные, по нашему мнению, сведения содержатся в труде В. Н. Татищева [10]. При всей неоднозначности

оценки известий его «Истории», серьезных генеалогических ошибках и аргументированной комплексной критике в последние годы [12] полагаем, что нет оснований считать его фальсификатором и полностью отказывать в доверии «татищевским известиям», как считают историки, вставшие на его защиту, в том числе и в вопросе важного для нас «конституционного проекта» Романа Мстиславича [8: 388–389].

Трудность для историка связана с состоянием древнерусских источников за период начала XIII века. С одной стороны, это прекращение Киевской летописи в составе Ипатьевского свода¹, поэтому основным источником остается просудальская за этот период Лаврентьевская летопись². Несмотря на позднее происхождение и сложный состав, безусловную ценность имеют и летописи: Тверская³, Воскресенская⁴, Типографская⁵, Никоновская⁶, Летописец Переяславля Сузdalского⁷, а также Новгородская первая летопись⁸. Особое место принадлежит уникальным миниатюрам Радзивиловской летописи, которые планируется привлечь в качестве источника реконструкции событий⁹.

Очерчивая круг проблем статьи, можно выделить несколько ключевых вопросов: взаимоотношения Рюрика Ростиславича с экс-зятем галицким князем Романом Мстиславичем перед пострижением, причины и обстоятельства пост-

рижения Рюрика, значение факта пострижения и статус Рюрика после этого в княжеской братии.

Пострижение Рюрика, его жены и дочери в 1204 году галицким князем стало заключительным актом драмы во взаимоотношениях бывшего тестя и зятя. Время заключения брака Романа с Предславой не отражено источниками. Наиболее логично отнести этот брак ко второй половине 70-х годов XII века. Для Романа и Рюрика это был политический союз, который должен был способствовать усилению их позиций в клане Рюриковичей. Для Ростиславича главной целью в это время было овладение Киевом. Во второй половине 80-х и в первой половине 90-х годов XII века мы видим традиционно хорошие отношения между ними. Рюрик, как тестя и дядя, то есть старший родич, покровительствует и помогает зятю в его предприятиях¹⁰. С занятием тестем Киева в 1194 году можно было бы ожидать стабильных и дружеских отношений между родственниками, но, не без интриг сузdalского князя Всеяслава Юрьевича, с 1195 года начинается конфликт, который, то разгораясь, то затухая, продлился до самого акта пострижения¹¹. С 1197 года, а никак не ранее, летопись фиксирует разлад и в семейной жизни Романа, который пытается избавиться от жены – дочери Рюрика и хочет постричь ее в монахини¹². Поздние летописи прямо пишут, что Роман прогнал Предславу¹³. В 1198 году она уже находится в Киеве у отца¹⁴. Развод и второй брак Романа при живой первой жене не добавили теплоты в отношениях киевского и галицкого князей, активно воевавших между собой. Однако в 1203 году двум могущественным князьям Южной Руси удалось примириться. Киев остался за Рюриком¹⁵.

Непосредственным событием перед пострижением стал совместный успешный зимний поход русских князей на половцев в начале 1204 года. Его участниками стали Рюрик с сыном Ростиславом, галицкий князь Роман и малолетний Переяславский князь Ярослав, сын Всеяслава Большое Гнездо, а также упомянутые безлично «киные князи»¹⁶. Тверская летопись даже добавляет «киные князи мнози» и некоего Мстислава без указания отчества и владения (которого, скорее, можно принять за сына Владимира Мачешича, внука Мстислава Великого, чем за кого-то из племянников Рюрика)¹⁷. Участие в походе мелких династов Южной Руси, вассалов сильнейших князей, выглядит вполне достоверным. Правда, Дж. Феннел отметил отсутствие в походе Ольговичей [15: 65]. Впрочем, похоже, «Мстислав» – это искаженное отчество Романа, как читается в Летописце Переяславля Сузdalского (Роман Галицкий Мстиславич)¹⁸ [5: 172]. Я. Длугош добавляет в участники мифического Ростислава Мстиславича¹⁹, что лиш-

ний раз говорит о необходимости осторожного подхода к польским средневековым источникам.

Лаврентьевская летопись довольно ярко упоминает как бедственное положение кочевников, так и богатые трофеи, которые захватили русские в походе²⁰. На обратном пути Рюрик и Роман заехали для переговоров в Треполь, где к ним присоединился гостивший у шурина Ярослава Переяславского сын Рюрика Ростислав. Это заставляет предположить, что между окончанием похода и встречей в Треполе прошло некоторое время. Источники не сохранили имя трепольского князя и был ли он в то время. Треполь, к югу от Киева, на устье р. Красная у днепровской перевалы – один из важнейших центров Киевщины, где со второй половины XII века сидят младшие князья [14: 141–142]. А. В. Горовенко предположил, что это мог быть тот самый Мстислав, сын Мачешича, которого он считал сторонником Романа [2: 74]. Это обстоятельство имело важное значение для дальнейших событий. Именно в Треполе между киевским и галицким князьями возник очередной острый конфликт («смятение велико»), в ходе которого Роман арестовал Рюрика²¹.

Судя по летописному рассказу, дальнейшие события реконструируются так. Роман решил постричь бывшего тестя. Рюрик был препровожден в Киев, но сам галицкий князь не стал участвовать в этом щекотливом деле, поручив доставить пленника в столицу и постричь там некоего Вячеслава, о котором говорится в Новгородской летописи («веля ему Рюрика постриги в чернцы»²²) и в Тверской летописи («повеле его постричи въ чрънци»²³). В Киеве были схвачены жена Рюрика Анна Юрьевна и дочь Предслава. Здесь все трое были насильственно пострижены в монахи, а сыновья Рюрика, Ростислав и Владимир, уведены Романом с собой в Галич²⁴.

Некоторую дополнительную информацию дает соответствующая миниатюра Радзивилловской летописи конца XV века²⁵. Историческая ценность миниатюр остается дискуссионной, как и место и время создания оригинала (есть мнение, что это копии миниатюр XIII века) [1: 13]. А. В. Арциховский определил, что часть изображений, действительно, несет черты архаики и может отражать реальные события [1: 13–30]. А. П. Толочко, изучавший этот памятник, отстаивает его происхождение из волынского скриптория, а также выделяет изобразительные сюжеты явно позднего времени при очевидном влиянии западноевропейского прототипа, как и склонность одного из миниатюристов к вольному творчеству [11: 79–81], [13: 69–72], [22: 39]. В то же время отметим конкретный пример поразительной точности радзивилловской миниатюры даже по сравнению с летописным текстом, например

в истории с убийством Андрея Боголюбского [6: 94].

Итак, на миниатюре пострижения Рюрика мы видим четыре группы людей. Фактически в центре композиции простоволосый мужчина униженно стоит на коленях перед тремя священниками, первый из которых держит крест. Это, безусловно, Рюрик. Летописи сообщают о том страхе, при котором Рюрик принимал монашество²⁶. Конечно, только крайние обстоятельства заставили киевского князя стать монахом. В свое время непопулярный и лишенный свободы свергнутый киевский князь Игорь Ольгович был также вынужден принять монашество, что, правда, не спасло его от расправы²⁷. То, что на нем нет княжеской шапки, – знак его нового статуса. Судя по описанию погрома столицы Руси, духовенство особенно пострадало от действий Рюрика и половцев²⁸. Его придерживает левой рукой стоящий над ним мужчина, который, как видно по обращенной правой руке, еще что-то говорит священнику. Похоже, он руководит происходящим. Его можно принять за Вячеслава (в тексте Радзивиловской летописи он не упоминается), которого естественно считать боярином галицкого князя. Но на нем одета шапка, а это на миниатюрах головной убор князей [1: 28–29]. Или это сам Роман, представленный как незримая сила во время пострига? Польский хронист Я. Длугош где-то почерпнул сведения, что галицкий князь принимал участие в пострижении тестя в Киеве²⁹. Однако донесшие летописи это опровергают. Очень вероятно, что были еще лица, которые помогали Роману избавиться от тестя и его семьи. М. Ф. Котляр высказал мнение, что киевские бояре способствовали пострижению князя [19: 155]. Предположим, что желание свести счеты с Рюриком испытывали и другие князья.

Справа от этой пары горько плачут две женщины в монашеских одеждах. Это Анна и Предслава, оплакивающие участь Рюрика. Если следовать изображению, их постригли раньше и отдельно, что вполне вероятно. Едва ли они присутствовали при пострижении Рюрика, так что их изображение условно. В крайней справа группе из трех мужчин выделяется один в княжеской шапке, который как бы присматривает за обрядом пострижения. К нему обращается безбородый мужчина, держащий меч, а за ними видна голова еще одного. Вид у них приподнятый. Напрашивается предположение, что главный в этой группе в шапке – это Роман Мстиславич, наблюдающий за обрядом на расстоянии, что соответствует летописному сообщению. Анализируя данный сюжет, можно отметить, что он не несет анахронизмов и несоответствий и вполне может рассматриваться как отражающий событие.

Как отмечалось, факт насильственного пострижения беспрецедентен. Грубое насилие, да еще в период переговоров по отношению к старшему родичу, киевскому князю, который был как отец, свидетельствует как о характере Романа, так и масштабе противоречий между князьями. Пострижение, безусловно, не могло не взволновать историков, строивших догадки о причинах такого поступка. Наиболее полно проблему исследовали Ф. Б. Успенский и А. Ф. Литвина, которые полагали, что Роман использовал как повод для расправы канонически недозволенные браки шестой степени родства в семье Рюрика, тем самым успокоив и церковь, и княжескую братию [7: 167–169]. Однако это не дает ответ на глубинные политические причины конфликта. Такую же вину за недозволенные браки нес и сам Роман, и другой зять Рюрика Глеб Святославич. Скорее, можно предположить близкую степень родства как повод для получения от церкви разрешения на расторжение брака с Предславой, что произошло, как мы полагаем, еще в 1200 году. Да и сам постриг не был прописан как кара за церковные нарушения. Вероятно, что перечень обвинений был куда больше, а пункты – более существенными.

Летописи охотно сослались на козни дьявола, не желавшего добра христианам. Подобное выражение означает только междуусобную борьбу [15: 65]. Летописец Переяславля Сузdalского для усиления эффекта упомянул дьявола дважды³⁰. Если для Н. М. Карамзина пострижение Рюрика произошло «вдруг» и «без всякой видимой причины» [4: 414–415], то С. М. Соловьев первым увидел прямую связь между обсуждением владений и участью киевского князя [9: 560]. Действительно, Роман и Рюрик на встрече планировали заключить договор о распределении владений на основе вклада в защиту Южной Руси («и ту было имъ и рядъ положити, кто како пострада за Русскую землю»)³¹. Есть подтверждение этому и в Лаврентьевской летописи³². Это не мог быть вопрос принадлежности Киева: Роман уступил столицу Рюрику ранее. После пострижения бывшего тестя он не проявлял интереса к разоренному городу и даже не поехал в него. Как точно отметил еще М. С. Грушевский: «Самим Киевом для себя, как мы уже видели, он не интересовался» [18: 227]. Скорее, Рюрик предъявил свои права на богатую Галицкую землю, постоянный интерес к которой с его стороны можно увидеть в летописях и которую Роман считал своим главным достоянием. Не исключено, что киевский князь считал свои права на выморочный Галич не меньшими, чем у владимир-волынского князя. Эта тема могла вызвать самую острую реакцию. Еще одну причину, «внешнеполитическую», предположил А. Б. Головко, отметив, что поход против половцев был выгоден Роману и укрепил

его связи с киевлянами и черными клубками, нанеся удар по позиции Рюрика. «Поэтому не вызывает удивления, что на обратном пути из степи в Треполе между Романом и Рюриком произошел конфликт» [17: 158]. Л. В. Войтович считал, что Рюрик интриговал против Романа и в походе, и после него, что заставило галицкого князя пойти на такую меру, как пострижение [16: 221]. Однако очевидно еще одно ключевое обстоятельство. Продолжал тлеть давний семейный конфликт между бывшими родственниками. Роман изгнал Предславу, которая жила у отца с матерью в Киеве, и вступил во второй брак, где у него уже был сын. Рюрик, вероятно, не мог забыть оскорбление. То, что это было оскорблением, пишет Никоновская летопись³³. Озлобление вновь выплеснулось наружу, о чем говорит тот факт, что монахами галицкий князь сделал бывших жену и тещу, никак не связанных с распределением волостей и политическими отношениями между князьями. Отправив в монастырь бывшую жену, Роман подвел черту под давним конфликтом, спорами и претензиями со стороны бывшей родни и окончательно снял вопрос о легитимности своего второго брака, родившихся и будущих детей. Любопытно в связи с этим обратить внимание, как разные летописи оценивают легитимность брака Романа и Предславы. Лаврентьевская перестает именовать галицкого князя зятем еще с 1197 года³⁴. Тверская летопись вообще запуталась, кто из них кому кем приходится³⁵. Никоновская летопись прямо утверждает, что Роман отправил в монастырь свою жену³⁶. Летописец Переяславля Суздальского напоминает, что Роман постриг Предславу, «юже бе поустиль» (орфография упрощена)³⁷. Вообще, поздние летописи упорно продолжают называть Романа зятем Рюрика.

Устранив Рюрика из политической жизни, Роман превращался в главную фигуру на юге Руси, старшего среди Мстиславичей во взаимоотношениях с Ольговичами и Всеволодом Большое Гнездо, концентрируя в своих руках власть и огромные земельные владения. В этом плане сыновья Рюрика не представляли для него опасности, и он не стал долго ограничивать их свободу³⁸. Как видим, пострижением Рюрика Роман Мстиславич решал целый комплекс проблем. В княжеских отношениях политическое и личное тесно переплелись. Что касается Рюрика, то он оказался никому не нужен, даже собственным сыновьям. Н. Ф. Котляр не исключил, что Роман схватил киевского князя, «заручившись нейтралитетом Всеволода суздальского» [20: 157]. Впрочем, кажется, событие стало неожиданным для Всеволода³⁹. Но, «опечалившись» поступком с Рюриком, он вскоре добился освобождения сыновей Рюрика, но не стал хлопотать за свата⁴⁰. Молодой зять Ростислав его больше устраивал в качестве киевского князя, чем его отец. За Рюри-

ком не оказалось стабильного базового региона и сил. Киевляне его ненавидели.

Какие же обвинения выдвинул Роман, которому нужно было легитимизировать насильтственное пострижение в глазах Всеволода Суздальского и княжеской братии? Прежде всего, это обвинение Рюрика в неспособности защищать Русь от врагов. Отголоски подобных обвинений можно найти в татищевских известиях [10: 169]. Для киевлян эта мера могла быть как ответ за разорение Рюриком столицы Руси. Это и есть летописное «зло Рюриково, еже сотвори въ Русской земли...»⁴¹. О гневе на Рюрика за это злодеяние пишет Длугош⁴². Именно в Киев был доставлен Рюрик для совершения насильтственного обряда. Роман был уверен, что и без него все будет сделано без проблем. У В. Н. Татищева в его знаменитой речи об устройстве Руси, которая вызывает такую острую полемику среди историков и касается достоверности всего комплекса татищевских известий, можно найти еще одно обвинение Рюрика: это клятвопреступление киевского князя [10: 169]. О каких именно клятвах Рюрика говорится? Думается, что речь идет о двух последних клятвах Роману в 1201 и 1203 годах, которые были нарушены Рюриком⁴³. Говоря о последнем, Воскресенская летопись выдвигает на передний план Всеволода Суздальского и его сына Константина, но понятно, что клятва приносилась Роману, который выступил главным лицом по принуждению тестя к исполнению договора. М. С. Грушевский писал о двойной опеке над Рюриком в Киеве Романа и Всеволода [18: 227]. На миниатюре Радзивиловской летописи, изображающей клятву Рюрика, обратил внимание А. В. Арциховский [1: 38–39]. Он отметил и комичность сцены, и явное нежелание киевского князя целовать крест (Роман держит его за руку, Рюрик странно подпрыгивает, а священник тычет ему крестом под нос), и нерасположение к нему киевлян (горожанин толкает садящегося на коня Рюрика в спину). Здесь же показан бывший тестя, пьющий из ритона в знак верности Роману⁴⁴. Кажется, что такая интерпретация не вполне точно передает смысл изображений, но в любом случае дает дополнительное представление о таком важном элементе межкняжеских отношений, как клятвенный договор. Как отмечалось, именно нарушение крестного целования и стало одним из обвинений в адрес Рюрика. Но надо учесть, что на самом деле князя нередко «преступали клятву». За это пришлось бы постричь в монахи половину русских князей.

При жизни Романа Рюрик явно боялся покинуть стены монастыря. Только гибель галицкого князя 19 июня 1205 года в засаде под польским Завихвостом в походе в Германию⁴⁵ дала возможность Рюрику выйти из монастыря, где он прошел с начала 1204 года по середину 1205 года.

Однако, несмотря на насильственный характер, для летописца факт пострига был очевидным. Летописи говорят, что князь сбросил монашеское платье, «растрижеся»⁴⁶. Очень показательным является выражение Ольговичей о Рюрике: «Не достоить чернью княжити»⁴⁷. Монахом считал своего отца и князь Владимир Рюрикович⁴⁸. Это важный факт не только кровной семейной обиды, но и констатация бесповоротности факта. Тем не менее Рюрик попытался продолжить политическую деятельность. Историки разошлись во мнении о его дальнейшей загадочной судьбе после 1210 года [21: 136–142]. Эта проблема требует отдельного рассмотрения.

Подводя итог, следует отметить, что отношения Рюрика и Романа Мстиславича представляются сложными и напряженными, связанными с изгнанием Романом дочери Рюрика и вступлением во второй брак. Арестовав тестя, Роман препроводил его в Киев, где сложились благоприятные обстоятельства для его насильственного пострижения. Круг противников Рюрика

был шире, чем принято считать, что и позволило захватить киевского князя и его семью. Яркой иллюстрацией событий является миниатюра Радзивиловской летописи. Обвинения Рюрика касались разорения Киева, неспособности защитить Русь от половцев, клятвопреступления и пр. Причиной пострижения стало желание Романа вычеркнуть экс-тестя из политической жизни, лишить его претензий на владения, а также планы галицкого князя на единоличное доминирование на юге Руси. Не менее важными причинами стали старые семейные конфликты и необходимость избавиться от бывшей жены Предславы, окончательно легитимизировать свой второй брак и сыновей от него. Сам беспрецедентный акт пострижения необходимо рассматривать как сложное и комплексное явление, где политические и семейные причины трудно отделить друг от друга. Несмотря на насильственный характер, монашеский статус Рюрика был очевиден княжеской братии и нанес ему непоправимый политический ущерб, который он не смог преодолеть.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ПСРЛ. Ипатьевская летопись. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.
- ² ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.
- ³ ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 10. М.: Языки русской культуры, 2000. 248 с.
- ⁴ ПСРЛ. Летопись по Воскресенскому списку. Т. 7. М.: ЯРК, 2001. 360 с.
- ⁵ ПСРЛ. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Т. 3. М.: ЯРК, 2000. 720 с.
- ⁶ ПСРЛ. Радзивиловская летопись. Т. 38 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.univers.ru/bookreader/book580522/#page/446/mode/1up> (дата обращения 12.05.2018).
- ⁷ Летописец Переяславля Сузdalского, составленный в начале XIII в. (между 1214–1219 гг.) / Изд. М. Оболенским. М.: Университетская типография, 1851. 113 с.
- ⁸ ПСРЛ. Тверской сборник. Т. 15. М.: Наука. Главное управление восточной литературы, 1965.
- ⁹ ПСРЛ. Типографская летопись. Т. 24. М.: ЯРК, 2000. 288 с.
- ¹⁰ ПСРЛ. Ипатьевская летопись... Стб. 661–663, 684.
- ¹¹ ПСРЛ. Ипатьевская летопись... Стб. 683.
- ¹² ПСРЛ. Лаврентьевская летопись... Стб. 412–413.
- ¹³ ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью... С. 28.
- ¹⁴ ПСРЛ. Ипатьевская летопись... Стб. 708.
- ¹⁵ ПСРЛ. Лаврентьевская летопись... Стб. 419.
- ¹⁶ ПСРЛ. Лаврентьевская летопись... Стб. 420
- ¹⁷ ПСРЛ. Тверской сборник... Стб. 294.
- ¹⁸ Летописец Переяславля Сузdalского... С. 106–107.
- ¹⁹ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 496 с.
- ²⁰ ПСРЛ. Лаврентьевская летопись... Стб. 420.
- ²¹ Там же; Летописец Переяславля Сузdalского... С. 107.
- ²² ПСРЛ. Новгородская первая летопись... С. 240.
- ²³ ПСРЛ. Тверской сборник... Стб. 294.
- ²⁴ ПСРЛ. Лаврентьевская летопись... Стб. 420–421.
- ²⁵ ПСРЛ. Радзивиловская летопись... С. 245об.
- ²⁶ ПСРЛ. Ипатьевская летопись... Стб. 717.
- ²⁷ Там же. Стб. 337–338, 353.
- ²⁸ ПСРЛ. Лаврентьевская летопись... Стб. 418–419; ПСРЛ. Новгородская первая летопись... С. 240.
- ²⁹ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории»... С. 350.
- ³⁰ Летописец Переяславля Сузdalского... С. 107.
- ³¹ ПСРЛ. Летопись по Воскресенскому списку... С. 108.
- ³² ПСРЛ. Лаврентьевская летопись... Стб. 420.
- ³³ ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С. 29.
- ³⁴ ПСРЛ. Лаврентьевская летопись... Стб. 413–418.
- ³⁵ ПСРЛ. Тверской сборник... Стб. 294.
- ³⁶ ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью... С. 36.
- ³⁷ Летописец Переяславля Сузdalского... С. 107.
- ³⁸ ПСРЛ. Лаврентьевская летопись... Стб. 421.

- ³⁹ Там же. Стб. 420.
- ⁴⁰ Там же. Стб. 421.
- ⁴¹ ПСРЛ. Летопись по Воскресенскому списку... С. 108.
- ⁴² Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории»... С. 444. Примеч. 341.
- ⁴³ ПСРЛ. Лаврентьевская летопись... Стб. 418; ПСРЛ. Летопись по Воскресенскому списку... С. 108.
- ⁴⁴ ПСРЛ. Радзивиловская летопись... С. 237об.
- ⁴⁵ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории»... С. 347.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Типографская летопись... С. 85.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ ПСРЛ. Ипатьевская летопись... Стб. 753.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. 215 с.
- Горовенко А. В. Меч Романа Галицкого: князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. 307 с.
- Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.) / Пер. с польского и вступ. слово к рус. изд. К. Ю. Ерусалимского и О. А. Остапчук. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 880 с.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II-III. М.: Наука, 1991. 832 с.
- Конявская Е. Л. «Южнорусские статьи» в новгородских летописях (первое десятилетие XIII в.) // ROSSICA ANTIQUA: Исследования и материалы. 2006 / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 170–174.
- Лимонов Ю. А. Владимиро-Сузdalская Русь. Л., 1987. 215 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: от интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. Вып. 10: К 1150-летию зарождения российской государственности / Отв. ред. А. А. Горский. М., 2012. С. 135–169.
- Майоров А. В., Толочко А. П. «История Российской» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005. 544 с. // Rossica antiqua: Исследования и материалы. 2006 / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 387–391.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М.: Мысль, 1988. 797 с.
- Татищев В. Н. История Российской. Т. 3. М.; Л.: Наука, 1964. 338 с.
- Толочко А. П. Пририсовки зверей к миниатюрам Радзивиловской летописи и проблема происхождения рукописи // Ruthenica. Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. № 4. С. 62–84.
- Толочко А. П. «История российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; К.: Критика, 2005. 544 с.
- Толочко А. П. «Не преступати предела братня» (об источниках миниатюр Радзивиловской летописи) // Ruthenica. 2014. Vol. XII. P. 67–81.
- Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв. К.: Наукова думка, 1980. 224 с.
- Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304 гг. М.: Прогресс, 1989. 296 с.
- Войтович Л. В. Галицько-волинські етюди. Біла церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2011. 480 с.
- Головко О. Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси історії політичного життя Південної Русі XII – початку XIII століття. К.: Стилос, 2001. 248 с.
- Грушевский М. С. История України-Русі. Т. II. К.: Наукова думка, 1992. 640 с.
- Котляр М. Ф. Галицько-Волинська Русь. Т. 5. К.: ВД Альтернативи, 1998. 336 с.
- Котляр М. Ф. Исторія України в особах. Давньоруська держава. К.: Україна, 1996. 240 с.
- Толочко О. П. Про місце смерті Рюрика Ростиславича // Український історичний журнал. 1997. № 5. С. 136–144.
- Tołochko O. Notes on the Radziwiłł Codex // Studi Slavistici. 2013. Vol. 10. P. 29–42.

Abukov S. N., Donetsk National University (Donetsk, Donetsk People's Republic)

THE REASONS AND CIRCUMSTANCES OF THE FORCIBLE TONSURE OF RURIK ROSTISLAVICH

The article deals with the final stage of conflict between the Kievan Prince Rurik Rostislavich and the Galician Prince Roman Mstislavich at the turn of the XIII century, causing debate among historians, namely with the forcible tonsure of Rurik Rostislavich, his wife and daughter in Kiev in 1204. The author tried to reconstruct the reasons, circumstances and meaning of the tonsure, and also to understand the attitude of the princely family to this event. According to the author, the reason for the tonsure was Roman's desire to strike the ex-father-in-law from political life, to deprive him of any claims to his possession, as well as to disrupt the Galician Prince's plans to attain sole domination in the South of Russia. Equally important reasons were the old family conflicts and the need to get rid of the former first wife, finally legitimize the second marriage and sons born from it. The act of tonsure itself should be seen as a complex phenomenon, where political and family reasons are difficult to separate from each other. Despite the forcible nature, the monastic status of Rurik was obvious to the princely brotherhood and caused irreparable political damage. A vivid illustration of Rurik's tonsure is a miniature from the Radziwill chronicle.

Key words: Rurik Rostislavich, Roman Mstislavich, Kiev, tonsure, Prince, conflict, marriage, Rurikides

REFERENCES

1. Archivskij A. V. Old Russian miniatures as a historical source. Moscow, 1944. 215 p. (In Russ.)
2. Gorovenko A. V. The sword of Roman Galitsky: Prince Roman Mstislavich in history, epics and legends. Tambov, 2010. 307 p. (In Russ.)
3. Dombrovskij D. Genealogy of the Mstislavichi. First generations (before the early XIV century). (K. Yu. Erusalimskij, O. A. Ostapchuk, Trans. from Polish and Foreword). St. Petersburg, 2015. 880 p. (In Russ.)
4. Karamzin N. M. History of the Russian State. Vols. II–III. Moscow, 1991. 832 p. (In Russ.)
5. Konjavskaja E. L. “South Russian articles” in the Novgorod chronicles (the first decade of the XIII century). *ROSSICA ANTIQUA: Issledovaniya i materialy*. 2006 (A. Yu. Dvornichenko, A. V. Majorov, Eds.). St. Petersburg, 2006. P. 170–174. (In Russ.)
6. Limonov Limonov Yu. A. Vladimir-Suzdalian Rus’. Leningrad, 1987. 215 p. (In Russ.)
7. Litvina A. F., Uspenskij F. B. The forcible tonsure of the princely family in Kiev: from the interpretation of the circumstances to the reconstruction of the causes. *Srednevekovaya Rus’*. Issue 10: K 1150-letiyu zarozhdeniya rossiyskoy gosudarstvennosti. (A. A. Gorskij, Ed.). Moscow, 2012. C. 135–169. (In Russ.)
8. Majorov A. V., Tolochko A. P. Russian history by Vasily Tatishchev: Sources and News. M.; Kiev, 2005. 544 p. *ROSSICA ANTIQUA: Issledovaniya i materialy*. 2006 (A. Yu. Dvornichenko, A. V. Majorov, Eds.). St. Petersburg, 2006. P. 387–391. (In Russ.)
9. Solov’ev S. M. The history of Russia since ancient times. Book 1. Moscow, 1988. 797 p. (In Russ.)
10. Tatishchev V. N. Russian history. Vol. 3. Moscow, Leningrad, 1964. 338 p. (In Russ.)
11. Tolochko A. P. Drawings of animals to the miniatures of the Radziwill Chronicle and the problem of the manuscript’s origin. *Ruthenica*. Kiiv, 2005. No 4. P. 62–84. (In Russ.)
12. Tolochko A. P. Russian history by Vasily Tatishchev: Sources and news. Moscow, Kiev, 2005. 544 p. (In Russ.)
13. Tolochko A. P. “Do not cross the border of the brother” (on the sources of the miniatures of the Radzivil Chronicle). *Ruthenica*. 2014. Vol. XII. P. 67–81. (In Russ.)
14. Tolochko P. P. Kiev and Kiev land in the era of feudal fragmentation in the XII and the XIII centuries. Kiev, 1980. 224 p. (In Russ.)
15. Fennel Dzh. The crisis of medieval Russia 1200–1304. Moscow, 1989. 296 p. (In Russ.)
16. Vojtovich L. V. Galician-Volhynian etudes. Bila cerkva, 2011. 480 p.
17. Golovko O. Prince Roman Mstislavich and his time. Essays on the history of political life in southern Russia of the XII and the early XIII centuries. K., 2001. 248 p.
18. Grushevskij M. S. History of Ukraine-Rus’. Vol. II. K., 1992. 640 p.
19. Kotljar M. F. Galician-Volhynian Rus’. Vol. 5. K., 1998. 336 p.
20. Kotljar M. F. History of Ukraine in faces. The Old Russian state. K., 1996. 240 p.
21. Tolochko O. P. The place of Rurik Rostislavich’s death. *Ukraïns’kij istorichnij zhurnal*. 1997. No 5. P. 136–144.
22. Tolochko O. Notes on the Radziwiłł Codex. *Studi Slavistici*. 2013. Vol. 10. P. 29–42.

Поступила в редакцию 14.05.2018

БОРИС ВАДИМОВИЧ МЕГОРСКИЙ

кандидат политических наук, руководитель, клуб военно-исторической реконструкции «Лейб-гвардии Преображенский полк, 1709» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

megobor@mail.ru

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

pashkov@petrsu.ru

ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ МЕГОРСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Данная статья является первой работой, в которой дана подробная характеристика научной деятельности известного историка и краеведа В. П. Мегорского. Цель исследования – показать вклад В. П. Мегорского в изучение истории Олонецкого края в Петровскую эпоху через выявление тех факторов, которые влияли на становление и развитие его научных интересов. В. П. Мегорским опубликованы такие работы по интересующей его проблематике, как «Осударева дорога», «Лодейнопольская верфь в царствование Петра Великого», «Горнозаводская деятельность в Олонецком крае при Петре Великом», «Олонецкие марциальные воды при Петре Великом» и другие. Особое внимание уделяется анализу неопубликованной работы «Петрозаводск при Петре Первом». В статье использованы документы и фотографии из частного собрания Б. В. Мегорского.

Ключевые слова: В. П. Мегорский, Петровская эпоха, Петр I, Петровские заводы, Петрозаводск, «Осударева дорога», Лодейнопольская верфь, Марциальные воды, Т. В. Баландин

Известный краевед Олонецкого края, на протяжении многих лет успешно изучавший его историю в Петровскую эпоху, Василий Петрович Мегорский родился 27 декабря 1871 года (по старому стилю) в семье настоятеля Кузарандской церкви, протоиерея Петра Тимофеевича Мегорского (1833–1888) и его жены Александры Никаноровны (1840–1894)¹. Как и многие священнические семьи, их семья была многодетной: две дочери и пятеро сыновей. Василий был пятым ребенком. Семья Мегорских прожила в Кузаранде недолго, поскольку в первой половине 1870-х годов отец проходит уже как священник Вырозерской церкви и учитель Вырозерского церковно-приходского училища. В январе 1876 года его переводят настоятелем в Кончезерскую церковь. В Кончезере с 1707 года до начала XX века существовал чугуноплавильный завод. Возможно, детские впечатления и рассказы взрослых об истории этого завода и были побудительным толчком к формированию у юного Василия Мегорского интереса к истории Петровской эпохи в Карелии. В 1887 году П. Т. Мегорский принял на себя заведование церковью во вновь открытом Леликовском приходе, где в октябре 1887 года основал церковно-приходскую школу. 6 июня 1888 года он неожиданно умер от простуды и был похоронен в селе Леликово. Семья Мегорских осталась практически без средств к существованию.

В 1891–1894 годах Василий Мегорский учился в Олонецкой духовной семинарии (далее – ОДС) в Петрозаводске:

...это время будет самые светлые воспоминания, нашу юность, молодые годы, семинарскую жизнь – то счастливое невозвратное время...²

Практически в одно время с ним, в 1890–1893 годах, в ОДС учился будущий митрополит Петроградский священномученик Вениамин Казанский³.

После окончания семинарии В. П. Мегорский не порывал связей с нею. Так, в июньском номере журнала «Олонецкие епархиальные ведомости» (далее – ОЕВ) за 1901 год он поместил свои воспоминания о незадолго скончавшемся преподавателе семинарии А. К. Кьяндском⁴.

В Петербурге в сентябре 1896 года скоропостижно скончался протоиерей П. Ф. Щеглов (1825–1896), в 1871–1894 годах – ректор Олонецкой духовной семинарии⁵. Со временем деревянный крест на его могиле подгнил и упал, и в начале 1913 года В. П. Мегорский стал одним из инициаторов установки на могиле подобающего заслугам покойного памятника⁶. Эта инициатива была поддержана, и в сентябре 1914 года памятник на могиле П. Ф. Щеглова на Волковом кладбище Петрограда был торжественно освящен епископом Гдовским, викарным епископом Петроградским и будущим священномучеником Вениамином Казанским⁷.

В. П. Мегорский – учащийся Олонецкой духовной семинарии

После окончания семинарии В. П. Мегорский решил отказаться от церковной карьеры и в 1894 году поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Варшавского университета (в то время Варшава входила в состав Российской империи). Выбор именно этого учебного заведения, вероятно, был связан с тем, что в основанном в 1869 году университете преподавание велось только на русском языке, и поляки туда поступали неохотно. Поэтому для привлечения студентов с 1886 года было разрешено принимать в университет выпускников духовных семинарий, окончивших курс по 1-му разряду⁸. В годы учебы в университете В. П. Мегорский начал углубленно изучать историю Олонецкого края в Петровскую эпоху. В сентябре 1899 года он подготовил и защитил в качестве выпускной кандидатской диссертации исследование «Из истории Олонецкого края в первую четверть XVIII столетия», которое было признано удовлетворительным, а ее автор – достойным ученой степени кандидата. В 1902 году В. П. Мегорский перебрался в Петербург и поступил на службу чиновником Государственного контроля, где и прослужил до 1918 года. Возможно, одной из побудительных причин к переезду было желание посвятить свободное время сбору материалов по истории Олонецкого края в архивах и библиотеках Петербурга. Тогда же он начинает сотрудничать с выходившей в Петрозаводске газетой «Олонецкие губернские ведомости» (далее – ОГВ)⁹. В мае 1902 года там появляется его первая историко-краеведческая публикация «Выписки из походных журналов Петра Великого 1702, 1703 и 1704 годов, имеющие отношение к истории Олонецкого края»¹⁰. О том, что это была первая публикация начинающего краеведа, свидетельствует и тот факт, что она была подписана не фамилией, а инициала-

ми В. П. М. В предисловии к публикации было отмечено:

Предлагаемые выписки были сообщены нам сотрудником нашим В. П. М... Мы охотно даем место им, зная вперед, что всякая такая заметка о пребывании Петра Великого в нашем крае будет иметь немаловажное значение для истории родного края.

Можно предположить, что юбилейные петровские кампании начала XX века (200-летия взятия Нотебурга, основания Петрозаводска и Петербурга и др.), а также общий подъем интереса к местной истории как части общественного движения накануне революции 1905–1907 годов создали хорошие предпосылки для исследований В. П. Мегорского по истории Олонецкого края в Петровскую эпоху и благожелательно встречались редакцией газеты «ОГВ». Тогда же, в августе 1902 года, В. П. Мегорский подготовил для ОГВ еще одну публикацию – изложение очерка А. Анненского о его путешествии по Петербургской и Олонецкой губерниям¹¹, впервые опубликованного в 1848 году в журнале «Иллюстрация»¹². В предисловии В. П. Мегорский писал, что журнал, уже тогда являвшийся библиографической редкостью, был найден «благодаря лишь особому вниманию заведующего русским отделением» Публичной библиотеки В. П. Ламбина и был выдан ему с разрешения директора библиотеки. Кроме того, в предисловии было сделано объяснение, что именно из публикации 1848 года было заимствовано для «ОГВ». Перепечатка очерка А. Анненского сопровождалась комментариями В. П. Мегорского.

К 1902 году В. П. Мегорским была подготовлена первая большая работа «Очерки по истории Олонецкого края в первую четверть XVIII века», написанная «с целью дать общее представление о петровской эпохе в Олонецком крае». Эти «Очерки» были напечатаны в виде отдельных статей. В 1902–1903 годах была опубликована в «ОГВ» и отдельным изданием работа «Осударева дорога (библиографические справки)» о походе Петра I от Белого моря до Онежского озера в августе 1702 года¹³. Затем она была переработана и перепечатана в «Военном сборнике» и в «Памятной книжке Олонецкой губернии»¹⁴ (далее – ПКОГ). Газетный и журнальный варианты отличаются друг от друга. В ОГВ работа носит как бы подготовительный характер. Сам автор вспоминал, что «”Осударева дорога” при своем небольшом объеме – 80 страниц – потребовала трех с половиной лет самого сильного напряжения». Этот очерк сочетает в себе черты научно-исторической и краеведческой работы. С научной работой по истории его сближают хорошее знание и умелое использование работ предшественников и опубликованных источников, а с краеведческой – использование сведений о местности, народных преданий и привязка исторической работы к актуальным проблемам современности. Тема деятельности Петра I в

Олонецком крае была очень актуальной в начале XX века в связи с 200-летием основания Петрозаводска и Петербурга. Одновременно с очерком В. П. Мегорского появилась публикация старейшего петрозаводского краеведа И. И. Благоевщенского (1856–1924)¹⁵, также посвященная «Осударевой дороге»¹⁶, но очерк В. П. Мегорского превосходил ее и по объему, и по научному уровню. Сразу после появления очерк был замечен другими исследователями. Летом 1906 года Петрозаводск посетил «для собирания этнографического материала» начинающий писатель М. М. Пришвин. По итогам этой поездки в 1907 году в столичном издании А. Девриена вышла его книга «В краю непуганых птиц»¹⁷, которая имеет характер историко-краеведческих очерков, в одном из них подробно пересказана работа В. П. Мегорского «Осударева дорога»¹⁸.

На рубеже XIX–XXI веков появилось несколько научных работ, посвященных «Осударевой дороге» [2], [7], [8], [9: 97–158]. В них тоже был использован очерк В. П. Мегорского. Так, автор крупнейшей на сегодняшний день монографии по этому вопросу петербургский историк П. А. Кротов в обзоре историографии «Осударевой дороги» называет В. П. Мегорского среди дореволюционных путешественников, краеведов и историков, которые внесли наибольший вклад в изучение этой темы [7: 115].

В марте 1903 года В. П. Мегорский опубликовал заметку «Прозевали ли лодейнопольцы свои юбилеи»¹⁹, в которой доказывал, что 24 марта 1703 года по указу Петра I и сделанному на его основе распоряжении А. Д. Меншикова на Олонецкой верфи были заложены первые суда – корабль «Штандарт», почтовый галиот, пять буеров и два шмака, и поэтому основание петровской Лодейнопольской верфи следует отмечать 24 марта.

Чтобы повысить свою квалификацию как историка-исследователя, летом 1903 года В. П. Мегорский поступил на учебу в Петербургский археологический институт (далее – СПБАИ), а в 1905 году успешно окончил его в звании действительного члена. Это учебное заведение готовило «специалистов по русской старине». В начале XX века там преподавали ведущие историки, филологи и архивоведы Петербурга: русскую палеографию читал И. А. Шляпкин, курс «Историческая география и этнография России» – С. М. Середонин, дипломатику и сфрагистику – Н. П. Лихачев, нумизматику – А. К. Марков, архивоведение – А. П. Воронов, христианскую археологию – Н. В. Покровский [13]. Возможно, что для В. П. Мегорского одним из побудительных мотивов для поступления был тот факт, что один из преподавателей А. П. Воронов (1864–1912) был выходцем из Петрозаводска (подробнее о нем см.: [11]). Другим мотивом было то, что в 1901 году там же окончил курс Петр

В. П. Мегорский в 1908 году

Петрович Мегорский – младший брат Василия, который потом жил в Челябинске и известен там как педагог и краевед [17]. В СПБАИ преподавал и известный историк С. Ф. Платонов. Он читал курс источниковедения «Обзор источников русской истории летописного типа»²⁰. В «Лекциях по русской истории» С. Ф. Платонова имеется интересное замечание:

В 1702 году Петр из Архангельска без дорог, через леса и болота прошел до Ладожского озера и протащил с собой две яхты (следы рубленных им просек видны до сих пор)²¹.

Можно предположить, что замечание о существовавших до конца XIX века следах просек появилось в результате знакомства С. Ф. Платонова с самим В. П. Мегорским и с его работой «Осударева дорога». Учитывая их знакомство по Археологическому институту, это предположение можно считать вполне убедительным. Во время учебы в СПБАИ В. П. Мегорским были опубликованы еще две работы. Статья «Начальные лица в Олонецком крае в царствование Петра Великого» посвящалась истории местного управления Олонецкого края в середине XVII – первой четверти XVIII века и была напечатана в августе 1904 года²². В ней отразилось характерное для либеральной интеллигенции недовольство самодержавной властью накануне 1905 года. Это проявилось в живописании бесправного положения населения и злоупотреблений олонецких воевод в XVII веке, описании неэффективности управления и мелочных склок «начальных людей» в Петровскую эпоху. В статье присутствуют и характерные для либеральной оппозиции антиклерикальные обличения. Единственным компетентным начальником автор считает В. И. Генина. Можно отметить и методическую слабость статьи, содержание которой шире названия. Тем не менее она имеет определенное значение, пос-

кольку была посвящена важной и не изученной в краеведении проблеме роли местного управления в Петровскую эпоху, содержала большой и интересный фактический материал и позволяла понять, как менялась система управления Олонецким краем в период петровских реформ, кто персонально входил в состав «начальных людей» и как они взаимодействовали с вышестоящим начальством.

В октябре 1904 года появилась заметка В. П. Мегорского «Поправки в статье “Начальные лица в Олонецком крае в царствование Петра Великого”» и дополнение к статье «Осударева дорога»²³, но никаких краеведческих сведений в ней не содержится.

Следующая статья В. П. Мегорского «Лодейнопольская верфь в царствование Петра Великого» была напечатана в издававшемся Морским министерством журнале «Морской сборник»²⁴ и перепечатана в «ОГВ»²⁵. Эту работу можно считать добросовестно и профессионально сделанной компиляцией. Автор учел основные публикации источников и исследований, в которых содержалась информация по этому вопросу, и создал интересную и полезную работу по истории верфи. Не случайно она была опубликована и в ведомственном «Морском сборнике», и в газете «ОГВ». Следует отметить, что статья о Лодейнопольской верфи написана в русле популярной в начале XX века либеральной концепции петровских реформ, наиболее ярко выраженной в исследовании П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого»²⁶. Последователи этой концепции считали, что петровские реформы были оплачены разрушой и разорением страны (см.: [1: 31]). Так, П. Н. Милюков писал: «Ценой разорения страны Россия была возведена в ранг европейской державы»²⁷. В своей работе В. П. Мегорский решал две задачи. Во-первых, он дал очерк развития Лодейнопольской верфи, включая предпосылки ее создания, этапы развития, объем выполненных работ, приезды на верфь Петра I и, наконец, причины упадка. Второй задачей было изучение того, как изменилось положение местного населения после возникновения верфи и каким было положение согнанных на верфь работников. В связи с решением этой задачи В. П. Мегорский использовал фольклорные записи, сделанные краеведами Олонецкой губернии и опубликованные в «ОГВ». Эта работа показала возросший уровень его профессионализма как историка. Ее можно с одинаковым успехом считать общеисторической работой, написанной с привлечением краеведческих материалов, или краеведческой работой, написанной с учетом достижений историографии начала XX века.

Изучив Лодейнопольскую верфь, В. П. Мегорский приступил к разработке истории Олонецких Петровских заводов и опубликовал по этой теме

работу «Горнозаводская деятельность в Олонецком крае при Петре Великом»²⁸. В связи с литьем пушек на Олонецких заводах в статье цитируется фраза из «Курса русской истории» В. О. Ключевского:

Петр отлился односторонне, но рельефно, вышел тяжелым и вместе вечно подвижным, холодным, но ежеминутно готовым к шумным взрывам – точь-в-точь как чугунная пушка его петрозаводской отливки²⁹.

Данная статья В. П. Мегорского во многом имела такую же направленность и такой же характер изложения материала, что и его предшествующие работы по истории Олонецкого края в Петровскую эпоху.

Продолжением темы истории Петровских горных заводов стала еще одна публикация В. П. Мегорского «Дело архива Горного департамента за № 1317/634 (из дел Берг-коллегии 1721 года)»³⁰. В ней помещены выдержки из обнаруженной в архиве Горного департамента рукописи «Ведомости о сибирских и олонецких казенных и партикулярных серебреных, медных и железных заводах, когда оные заведены и по каким указам, и сколько в котором году какого строения заведено и построено». С этой публикации начинается новый этап в изучении В. П. Мегорским истории Петровских заводов. Он приступает к поиску и публикации архивных источников. В напечатанной им «Ведомости о Петровских заводах», составленной в январе 1720 года, дается подробное описание состояния заводов в тот период, перечислены главнейшие иностранные специалисты, указано, что Петровский завод возник в 1703 году по приказу А. Д. Меншикова. Продолжением источниковедческой разработки истории Олонецких заводов стала работа В. П. Мегорского «Предание об основании Петрозаводска»³¹. На этот раз его внимание было обращено к анализу содержания старейшего краеведческого сочинения по истории Петрозаводска – работе Т. В. Баландина «Петрозаводские северные вечерние беседы». В. П. Мегорский попытался изложить биографию Т. В. Баландина на основе сведений из его опубликованных работ³². Эта попытка не удалась, биография старейшего петрозаводского краеведа была изложена неполно и не всегда верно³³. Работа В. П. Мегорского «Предание об основании Петрозаводска» представляет большой интерес с двух точек зрения. Во-первых, это была серьезная попытка реконструировать на основе научных данных начала XX века историю основания Петрозаводска в 1703 году. Выводы В. П. Мегорского не опровергнуты до настоящего времени. Во-вторых, это хороший образец краеведческой историографии и источниковедения, поскольку основана на анализе старейшего краеведческого сочинения, посвященного Петрозаводску, – «Бесед» Т. В. Баландина, и доказывает достоверность содержащихся там сведений.

В. П. Мегорский был человеком большой общественной активности. Помимо основной службы и научных исследований по изучению Олонецкого края в Петровскую эпоху, он стал одним из учредителей созданного в апреле 1908 года в Петербурге Общества олончан, объединившего сразу около 300 выходцев из Олонецкой губернии. В него вошли «лица духовные, торгующие, преподаватели, чиновники и ремесленники». Вклад В. П. Мегорского состоял в том, что он вместе с К. Н. Плотниковым³⁴ составил проект устава Общества олончан. К. Н. Плотников вспоминал, что

около двух месяцев Василий Петрович ходил в Императорскую публичную библиотеку, выбирал подходящий материал из уставов других обществ.

В феврале 1908 года устав был отправлен на утверждение петербургскому градоначальнику, и 18 марта Общество олончан было внесено в реестр обществ Петербурга. На первом собрании общества В. П. Мегорский был избран одним из членов правления и секретарем³⁵. В эти же годы он принимал активное участие в деятельности Общества ревнителей истории, объединившего выпускников СПБАИ, выступая на его заседаниях с докладами «об историческом прошлом Олонецкого края». В 1915 году в сборнике этого общества была опубликована его статья «Олонецкие марциальные воды при Петре Великом»³⁶. Причину открытия курорта В. П. Мегорский видел в том, что доктора, желая угодить царю, приписали водам лечение таких болезней, от которых они реально никак не помогали. Он предположил, что реальная польза от марциальной воды была только для больных желудочно-кишечными заболеваниями. В связи с этим даже поставил под сомнение ту пользу для здоровья, которую получал от пребывания на курорте сам Петр I. Следует отметить, что В. П. Мегорский был неправ. Современные специалисты считают, что марциальные воды способствуют лечению целого ряда заболеваний. Можно предположить, что и в этой своей работе В. П. Мегорский вновь оказался под влиянием упоминавшейся выше концепции П. Н. Милюкова, в соответствии с которой петровские реформы рассматривались как непрерывная цепь просчетов и ошибок. Вероятно, в канун 1917 года он испытывал сильное воздействие либеральных и радикальных взглядов на Петровскую эпоху, а также либерального общественного сознания своего времени, негативно определяющего роль монархии в истории страны, в том числе роль и деятельность Петра I.

Октябрьская революция 1917 года полностью изменила жизнь В. П. Мегорского. В июне 1918 года он стал старшим контролером Государственного контроля железных дорог и переехал в Москву. Еще в декабре 1917 года он отправил жену с сыном в Челябинск, где его брат П. П. Мегорский был заведующим отде-

лом народного образования при Городском общественном самоуправлении. Начавшаяся Гражданская война прервала связь с Сибирью, и только в августе 1919 года В. П. Мегорский смог уехать к семье в Челябинск. Там с сентября 1919 года он работает школьным учителем. В 1920 году во время заготовки дров для школы В. П. Мегорский подорвал здоровье и был отправлен для лечения в Петроград. В 1921–1931 годах он работал учителем в школе им. К. Маркса I и II ступеней на станции Сиверская под Петроградом. В 1925 году в связи с реорганизацией переведен в Сиверскую школу-колонию I и II ступеней, а в 1931 году по болезни вышел на пенсию.

В годы нэпа происходит активизация краеведческого движения, и В. П. Мегорский возобновляет работу по изучению истории Карелии. По представлению Совнаркома Карелии он получил возможность брать на дом необходимую литературу из Библиотеки Академии наук СССР. Как признание его заслуг можно рассматривать его прием в 1923 году в группу историков секции научных работников. В 1925 году В. П. Мегорский посетил Карелию, а в 1928-м получил приглашение Совнаркома Карелии выступить с докладами по истории края на юбилейных торжествах, посвященных 10-летию Карельской трудовой коммуны, но по состоянию здоровья приехать не смог.

В ноябре 1928 года В. П. Мегорский представил в секцию научных работников статью «Олонецкий край как пограничная область при Петре Великом», а летом 1930-го – статью «Петрозаводск в первые годы существования», но они опубликованы не были. Осенью 1931 года в связи с ухудшением состояния здоровья В. П. Мегорский получил инвалидность. С 1921 по 1933 год он перенес 13 операций. В 1930-е годы, будучи прикованным к постели, В. П. Мегорский продолжает подготовку работ по истории Петрозаводска и Олонецкого края в Петровскую эпоху. К марта 1938 года он закончил большую работу «Петрозаводск при Петре I». Летом 1938 года В. П. Мегорский с семьей совершил путешествие по Беломорско-Балтийскому каналу. В имеющихся источниках нет сведений о том, как он оценивал реалии советской жизни 1930-х годов – «дело краеведов», колLECTivизацию, репрессии и так далее, но можно утверждать, что ощущение страха и беззащитности во многом повлияло на ухудшение состояния его здоровья в тот период. О чём думал старый краевед, глядя на вырубленный в карельских скалах канал имени Сталина, кого он вспоминал, мы не узнаем уже никогда.

Другим следствием давления эпохи стала переработка старых трудов в духе времени. Так, летом 1938 года В. П. Мегорский переработал свою статью «Олонецкий край как пограничная область при Петре I». В новом варианте статьи он «сопоставлял исторический опыт прошлого

В. П. Мегорский в 1930-е годы

с текущими событиями современной международной жизни». Судьба этой статьи неизвестна. В 1939 году он написал статью «ко дню Военно-морского флота» для армейской газеты «Морской подвиг русских пехотинцев», посвященную эпизоду Северной войны – борьбе со шведами за Выборг в 1706 году.

В 1938 году вышла книга С. М. Левидовой «История Онежского (бывшего Александровского) завода»³⁷. В. П. Мегорский написал на нее обстоятельную рецензию, отметив как «богатое содержание», так и «имеющиеся недостатки». Рецензия была им закончена за несколько часов до смерти и стала его последней работой. Он умер 18 декабря 1940 года в Ленинграде. После него остались хранящиеся ныне в Архиве Карельского научного центра РАН (далее – КарНЦ РАН) рукописи «Горнозаводская деятельность в Олонецком крае при Петре Великом»³⁸ и «Петрозаводск при Петре I»³⁹, а также незавершенная статья «Положение олонецкого населения в Петровскую эпоху» и незаконченная карта Олонецкого края той эпохи.

Наиболее ценной работой В. П. Мегорского, хранящейся в Научном архиве КарНЦ РАН в Петрозаводске, является его неопубликованная рукопись «Петрозаводск при Петре I». В конце работы имеется дата «3 марта 1938 года», но в тексте содержатся многочисленные сноски на пересказ статей из газет «Ленинградская правда», «Московская правда», «Известия» и «Смена» за декабрь 1934 – апрель 1938 года. Кроме того, на стр. 121 есть фраза «православное Зарецкое кладбище еще в настоящее время (1936 г.)». Таким образом, можно считать, что работа В. П. Мегорского над рукописью происходила с декабря 1934 по апрель 1938 года. Это было время, когда в стране в определенной мере произошла реабилитация Петра I, начавшаяся с высказывания Сталина в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 года:

Да, конечно, Петр Великий сделал много для возвышания класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры⁴⁰.

Рукопись работы «Петрозаводск при Петре I» состоит из 5 глав, приложения и списка источников и литературы. Первая глава «Предварительные замечания» посвящена предыстории основания Петрозаводска, в частности экспедиции Иоанна Блюэра, побывавшей в устье Лососинки летом 1702 года и сделавшей принципиальный вывод о возможности построить здесь завод, а также последовавшей за ней экспедиции Якова Власова, которая провела детальное обследование местности. В. П. Мегорский со ссылкой на работу И. Ф. Германа привел данные, что первоначально к заводам было приписано 40 дворов Шуйского погоста, и отнес этот указ к июлю 1703 года. Но этих рабочих рук было явно недостаточно, поэтому 8 сентября 1703 года последовал указ о приписке к Лодейнопольской верфи крестьян Олонецкого, Каргопольского, Белозерского и Пощехонского уездов. Эти же крестьяне должны были работать и на постройке Олонецких заводов. Вторая глава «Петровский завод» посвящена собственно его строительству и деятельности. Ее основная ценность состоит в привязке отдельных заводских построек к зданиям и сооружениям, существовавшим в городе в конце XIX – начале XX века. В. П. Мегорский писал: «Домна была на левом берегу Лососинки несколько ниже бывшего Пименовского моста (ныне Электрической станции)». Особое внимание уделено местонахождению заводских плотин на Лососинке:

Реку перегораживали две плотины – нижняя и верхняя. Нижняя плотина, как можно судить по сохранившимся еще в 80-е годы XIX столетия бревнам и обшивке, находилась около 100 метров от устья, между нынешним маленьким мостиком и местом купанья ребят, издавна известным под названием «Кипучка». Верхняя плотина была расположена вблизи доменных печей, судя по плану, на месте, где позже был Пименовский мост (ныне Электрическая станция)... Из-за верхней плотины русло Лососинки выше по течению, по словам краеведа Т. В. Баландина, «образовало пре-большой по течению реки пруд воды», а еще выше по течению «в обширной, издревле так называемой Яме» возникло «знатное и прекрасное озеро». Его берегами были бывшая Мариинская улица и бывшие дома губернатора и горного начальника по левому берегу и Онежский завод и местность, именуемая Лобан⁴¹ – по правому берегу.

Когда начальником Олонецких заводов в 1714 году стал В. И. Геннин, начавший установку на Петровском заводе новых механизмов, В. П. Мегорский отмечает, что им

была устроена тогда же третья плотина, водой которой они приводились в действие... эта последняя плотина, находившаяся по течению реки ниже «озера», но выше «пруда», должна была быть на месте так называемого Аврамовского моста.

Кроме того, что в начале лета 1705 года велено было на двух озерах, «которые мерою по 20 верст», сделать плотины, Лососинскую и Машезерскую, «в расстоянии от завода за 20 верст» и поднять воды на две сажени.

В. П. Мегорский делает попытку установить дату и обстоятельства основания Петрозаводска:

Вполне можно допустить, что закладка будущего центра Олонецкой горной промышленности состоялась или в присутствии Меншикова в первых числах сентября, или без него... 29 августа 1703 года – дата, против которой, в сущности, иметь ничего нельзя.

Таким образом, он поддержал мнение, неоднократно высказывавшееся в дореволюционной краеведческой литературе о том, что Петрозаводск был основан 29 августа 1703 года. После возведения домны, плотин и других заводских строений завод начал действовать. В. П. Мегорский считал, что сначала завод назывался Шуйским, а примерно с 1705 года – Петровским (иногда – Новопетровским). Он отмечал, что в письмах отвечавшему за строительство и деятельность Петровских заводов олонецкого вице-коменданта А. С. Чоглокова своему начальнику олонецкому коменданту И. Я. Яковлеву от 8 и 22 мая 1704 года сказано, что они отправлены «из Шуи».

Со ссылкой на работу И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» В. П. Мегорский писал, что литье пушек и ковка «всяких других военных припасов» начались «с превеликим успехом в январе месяце» 1704 года. При этом он не скрывает фактов выпуска на Олонецких Петровских заводах бракованной продукции. В главе дано детальное описание заводских построек, плотин и т. д., отмечено, как происходило испытание («проба») отлитых орудий:

Чаще пушки подвергались пробе на разрыв там же, где отливались – на Петровском заводе километрах в 3-х от завода, «на Пробе», местности на берегу Онежского озера, куда вела особая улица, еще недавно называемая Пробной – от бывшего Пименовского моста на юг, к лесу.

В духе эпохи первых пятилеток для оценки мощности домен Петровского завода В. П. Мегорский сравнивает их с домнами 1930-х годов.

Третья глава «Петрозаводский кремль» посвящалась описанию укрепленной части слободы при Петровском заводе. О ее расположении написано:

Крепость, Петрозаводский «Акрополь», «Вышгород» или «Кремль», в общем, занимала всю верхнюю часть пространства между нынешней Соборной (к общественной пристани) улицей и рекой Лососинкой. Сюда входили территории соборной ограды с церквами,

передней половины общественного сада, рядом с ним стоявшего гимназического пансиона (в 90-х годах XIX века и позже), бывшего детского сиротского приюта и прилегающей к ним ближайшей части площади. От прочей, не крепостной территории крепость отделял земляной вал, покрытый дерном и обнесенный палисадом, окружностью до 500 сажен.

В главе на основании рукописи Т. В. Баландина и с привязкой к городской топографии рубежа XIX–XX веков подробно описаны границы вала и палисада, места расположения всех шести батарей и двух въездных ворот (северных и восточных) в крепость, две церкви, находившиеся в крепости, – Петропавловская и Святодуховская и другие крепостные сооружения. Особое внимание уделено описанию путевого дворца Петра I и приездам царя на заводы. Не мог не рассказать В. П. Мегорский о встречах царя с юродивым Фаддеем Блаженным, заодно подробно объяснив, что представлял собой феномен юродства в Древней Руси. В подтверждение личного знакомства Петра I с Фаддеем Блаженным приведено и проанализировано письмо царя ландрату Муравьеву, посвященное Фаддею. Помещены в тексте главы и предсказания Фаддея о будущем Петрозаводска⁴².

В четвертой главе «Слобода Петровских заводов» говорится о создании и первых годах существования при заводе поселения для «рабочего люда». В. П. Мегорский писал, что работники завода селились на правом берегу Лососинки, и это поселение позднее стало называться Зарека. Слобода строилась медленно. В первую очередь были построены дома для иностранцев. Руководивший постройкой и деятельностью завода олонецкий вице-коменданта А. С. Чоглоков переехал на завод из Шуи только в начале апреля 1705 года. Только тогда власти озабочились строительством жилья для мастеровых. В конце апреля 1705 года олонецкому коменданту И. Я. Яковлеву пришло распоряжение из Петербурга выслать с Лодейнопольской верфи «плотников всех поголовно на Петровский и Повенецкий заводы строить слободы, мастерские и иные строения». Но это распоряжение выполнено не было, поскольку в это же время начались большие строительные работы в самом Петербурге, и многие плотники с Лодейнопольской верфи были отправлены туда. Те же 250 плотников, которые уже находились на Петровском заводе, летом и осенью 1705 года были заняты по постройке Машезерской и Лососинской плотин. На конкретных примерах В. П. Мегорский показывает, что в первые годы существования Петровского завода его работники, как иностранцы, так и русские, существовали в очень тяжелых бытовых условиях. Изменения к лучшему начались после издания в июне 1705 года указа, по которому Олонецкий уезд, а также города Белозеро и Каргополь переходили в ведение А. С. Чоглокова, то есть в подчинение

заводам «ради наилучшего распространения тех заводов». Вскоре оттуда прибыли по набору плотники, столяры, печники и другие специалисты, и началось строительство слободы при Петровском заводе. Кроме того, после возведения плотин на Машезере и Лососинном строительство собственно завода практически завершилось, и заводские плотники тоже могли принять участие в строительстве слободы. Таким образом, по мнению В. П. Мегорского, строительство слободы завершилось к зиме 1705/06 года. По его свидетельству, вплоть до конца XIX века главную улицу Зареки – Александровскую (ныне проспект Александра Невского между ул. Калинина и ул. Ригачина) – называли Слободой. В главе затронута еще одна важная для ранней истории Петровской слободы тема – роль старообрядцев в этой истории. В. П. Мегорский делает экскурс в историю старообрядчества вообще и в Карелии в частности, рассматривая в том числе и старообрядческие самосожжения. Он подробно описал диспут о вере, происходивший в конце 1722 года на Петровских заводах между присланым в сентябре 1722 года из Синода иеромонахом Неофитом и выговскими старообрядцами. Неофит направил на Выг 106 вопросов и летом 1723 года получил на них ответы. Это было знаменитое старообрядческое сочинение «Поморские ответы». Диспут («разглагольствование») начался 4 сентября. В качестве зрителей в нем участвовали «заводские рабочие, офицеры и прочее военное и заводское начальство, ландрат, духовенство и много ревнителей веры». Диспут начался в 4 часа дня и продолжался до ночи, когда все зрители разошлись. Но «разглагольствование» продолжилось как частная беседа Неофита с выговскими старообрядцами на квартире иеромонаха. В конце концов, обе стороны составили изложение для Синода состоявшегося собеседования, скрепили его своими подписями, а также подписями «начальствующих и духовных лиц» и разошлись⁴³.

Последняя, пятая, глава работы В. П. Мегорского «Судьба Петровского завода, крепости и слободы» носит крайне политизированный характер. После победы России в Северной войне развернулись споры о судьбе Олонецких Петровских заводов. В. П. Мегорский пишет, что «сенаторы указывали на дороговизну их изделий и убыточность содержания и высказывались за их закрытие». Но Петр I считал по-другому:

Оные заводы иметь не так для прибыли, как для охранения и обороны государства и, хотя на Олонце железо дорого обходится, но по близости к Петербургу нельзя их останавливать.

Однако в 1722 году начальник заводов В. И. Геннин с наиболее опытными мастерами был отправлен на Урал, а по указу от 25 апреля 1724 года около 500 оружейников с Петровских заводов были переведены в Сестрорецк. Преемником В. И. Геннина был назначен капитан-ко-

мандор Гослер. Заводы после 1724 года опустели. В. П. Мегорский сообщает ценную информацию о судьбе заводов после смерти Петра I. В 1726 году началась передача заводов из ведения Адмиралтейств-коллегии в ведение Берг-коллегии, а уже в декабре 1727 года Берг-коллегия распорядилась «содержать заводы в действии по нужде впредь до указа», а доменное производство на Петровском заводе закрыть, так как «лесами и рудою завод оскудел». Доменные печи остались только на Кончезерском заводе, а на Петровском происходила выделка полученного оттуда железа. Кроме того, на Кончезерском заводе производилась выплавка меди и выделка железа. Доменные печи на Петровском заводе были остановлены в апреле 1731 года, а ковка железа продолжалась до конца 1732 года. Крепость на Петровском заводе также была заброшена после Ништадтского мирного договора 1721 года. Петровский дворец пришел в упадок и был разобран при строительстве Александровского завода. Слобода при заводе обезлюдела, но продолжала существовать. Ее новый подъем начался в 1770–1780-е годы. В. П. Мегорский вкратце описывает развитие городской застройки Петрозаводска в конце XVIII–XIX веках. Завершается глава рассуждениями о роли Петрозаводска в обороне советской Карелии и Северо-Запада в случае агрессии Германии и Финляндии. Здесь он обильно цитирует публикации советских газет, главным образом за 1937–1938 годы, и делает вывод о стратегическом значении Онежского завода, Петрозаводска, Мурманской магистрали и ББК «для безопасности и охраны Петербурга – Ленинграда» в современных условиях:

Петровское положение о значении завода на реке Лососинке оставалось в силе и для недавних лет, когда во внешней политике некоторых западных государств (Германия, Финляндия) открыто высказывались угрозы Советскому Союзу, и в любой момент могло последовать их выполнение с непосредственной опасностью как для Ленинграда, так и для Карелии, бывшего Олонецкого края.

Эти рассуждения В. П. Мегорский подкрепляют пересказом легенд о Фаддее Блаженном и его предсказаний о будущем Петрозаводска.

К рукописи В. П. Мегорского приложен оригинальный текст «О древнейших петрозаводских кладбищах», где делается попытка определить их местоположение. Опираясь на данные петрозаводских краеведов второй половины XIX века и на свидетельства старожилов, он пришел к выводу, что древнейшее кладбище Петрозаводска располагалось в районе Гостиного двора (сейчас это квартал между проспектом Карла Маркса, улицами Кирова и Куйбышева и сквером И. И. Сенькина):

От старожилов (П. В. Дмитриева⁴⁴) мы слышали, что во время ремонта Гостиного двора под полом некоторых лавок находили кости погребенных здесь умерших.

П. В. Дмитриев добавляет к этому со слов торговцев, владельцев лавок, что они испытывали некоторое смущение и неприятные переживания поздним вечером при мысли о том, что они сидят над покойниками. Кроме того другие старожилы (К. Ф. Филимонов⁴⁵) нам передавали, что при закладке фундамента дома граждан Тихоновых на углу бывшей Марииинской улицы, через дорогу от Гостиного двора, нашли и вывезли за город, если мы не ошибаемся, в 80-х или 90-х годах XIX столетия, два вала человеческих костей, очевидно, лиц, похороненных когда-то на этом месте, принадлежавшем вместе с погребениями в Гостином дворе к древнейшему, как бы казалось, петрозаводскому кладбищу.

Вместе с тем, по мнению В. П. Мегорского, «кладбище это не имело ничего общего с кладбищем в общепринятом смысле», поскольку там хоронили преступников. Настоящими древнейшими кладбищами Петрозаводска он считает «недавно закрытое» «Немецкое» (лютеранское и католическое) кладбище и православное (где у входа в январе 1725 года был поставлен крест) кладбище на Зареке. В конце XVIII века после основания Александровского завода появилось кладбище на Широкой улице (ныне улица К. Еремеева), закрытое в 1880-е годы. Вместо

него возникло Неглинское (Екатерининское) кладбище.

К рукописи приложен список использованных источников и литературы из 27 наименований.

Итак, сочинение В. П. Мегорского представляет собой добросовестное исследование истории Петрозаводска в Петровскую эпоху и в более позднее время на уровне научных знаний 1917 года. Работа была написана в конце 1930-х годов, и автор старался соответствовать эпохе, но и проблематика, и использованные источники и литература были порождением дореволюционной исторической науки. Для современных исследователей наибольшую ценность имеют свидетельства старожилов о прошлом Петрозаводска и попытки привязки тех или иных объектов Петровского времени к топографии города рубежа XIX–XX веков, а также те детали истории города, которые обычно игнорировали советские историки. Мы сейчас знаем значительно больше об истории Петрозаводска в Петровскую эпоху, но работа В. П. Мегорского достойна публикации, так как представляет определенный интерес как своего рода итог дореволюционного изучения этой проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Биографические сведения о нем см.: Мегорский Б. В. Василий Петрович Мегорский. Биографическая справка // Архив КарНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–10; Дело В. П. Мегорского, 1899–1918 // РГИА. Ф. 587. Оп. 12. Д. 670 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novbelgen.net/mg#mg.56> (дата обращения 27.10.2018). А. Н. Мегорская похоронена на Троицком кладбище около Крестовоздвиженской церкви на Зареке [19: 50].
- ² Туманов П. С., Кьяндинский И. К., Плотников К. Н., Лесков Л. А., Мегорский В. П. Возвзвание // ОЕВ. 1913. № 3. С. 51–52.
- ³ Вениамин Казанский (1873–1922) – митрополит Петроградский в 1917–1922 годах, в 1922 году арестован и расстрелян по приговору Петроградского ревтрибунала, в 1992 году причислен к лику святых. Подробнее о нем см.: [4].
- ⁴ Мегорский В. П. Памяти бывшего преподавателя Олонецкой духовной семинарии А. К. Кьяндинского (ум. 19 марта 1901 г.) // ОЕВ. 1901. № 11. С. 348–350 (подписана: Бывший ученик В. П. Мегорский).
- ⁵ Подробнее о нем см.: [20: 719–720].
- ⁶ Туманов П. С., Кьяндинский И. К., Плотников К. Н., Лесков Л. А., Мегорский В. П. Возвзвание // ОЕВ. 1913. № 3. С. 51–52.
- ⁷ Мегорский В. П. Освящение памятника на могиле бывшего ректора Олонецкой духовной семинарии,protoиерея П. Ф. Щеглова // ОЕВ. 1915. № 1. С. 15–16; Туманов П. С., Кьяндинский И. К., Плотников К. Н., Лесков Л. А., Мегорский В. П. Отчет Комитета по сооружению памятника на могиле бывшего ректора Олонецкой духовной семинарии Петра Филипповича Щеглова // ОЕВ. 1915. № 1. С. 16–18.
- ⁸ Варшавский университет // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефроня. Т. 5а. СПб., 1892. С. 563–564.
- ⁹ Подробнее о научной деятельности В. П. Мегорского до 1917 года см.: [14: 237–285] (глава «В. П. Мегорский – последний горнозаводской краевед Олонецкого края»).
- ¹⁰ ОГВ. 1902. № 62, 63 (от 30 мая и 1 июня) (подпись: В. П. М.).
- ¹¹ Анненский А. Из поездки по Олонецкому краю // ОГВ. 1902. № 91, 100, 101, 103–105 (публикация В. М-ского).
- ¹² Поездка по России // Иллюстрация. 1848. № 4. С. 51–55, 67–69; № 6. С. 87–88; № 19. С. 291–296; № 29. С. 67–71.
- ¹³ Мегорский В. П. Осударева дорога (библиографические справки) // ОГВ. 1902. № 119, 132, 134, 136, 142; 1903. № 9, 13, 15, 17–19, 21–23, 29. (Отд. отт.: Петрозаводск, 1903. 80 с.)
- ¹⁴ Мегорский В. П. Осударева дорога // Военный сборник. 1903. № 8. С. 221–242 (с картой). (Перепечатано: ПКОГ на 1906 год. Петрозаводск, 1906. С. 323–344.)
- ¹⁵ Подробнее об И. И. Благовещенском см.: [12: 67–85].
- ¹⁶ Благовещенский И. И. Историческая дорога // ПКОГ на 1903 год. Петрозаводск, 1903. С. 289–297.
- ¹⁷ Пришвин М. М. В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1907. 194 с.
- ¹⁸ См.: Пришвин М. М. В краю непуганых птиц // За волшебным колобком. Петрозаводск, 1987. С. 116–119.
- ¹⁹ Мегорский В. Прозевали ли лодейнопольцы свои юбилеи // 1903. № 27 (от 11 марта).
- ²⁰ Платонов С. Ф. Обзор источников русской истории летописного типа. Лекции, читанные в императорском Археологическом институте в 1904–1905 академическом году. СПб.: Издание слушателей института, 1905. 94 с. (литогр.).
- ²¹ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 499 (1-е изд.: СПб., 1899, в дальнейшем до 1917 года переиздавались еще несколько раз).
- ²² ОГВ. 1904. № 86, 89, 91, 94–96.
- ²³ ОГВ. 1904. № 116.
- ²⁴ ОГВ. 1905. № 90–94.
- ²⁵ Морской сборник. 1905. № 5. Паг. 2-я. С. 1–20.
- ²⁶ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 1-е изд. СПб.: 1892. 736 с.; 2-е изд. СПб., 1905. 678 с.

- ²⁷ Милюков П. Н. Указ. соч. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 536. В семейном архиве Б. В. Мегорского сохранился принадлежавший В. П. Мегорскому экземпляр этой работы П. Н. Милюкова, содержащий многочисленные пометы, свидетельствующие о тщательном изучении В. П. Мегорским этой монографии П. Н. Милюкова.
- ²⁸ ОГВ. 1906. № 44, 46–48. Отдельное издание: Петрозаводск, 1905. 24 с.
- ²⁹ Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения: В 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 26.
- ³⁰ ОГВ. 1906. № 125, 131 (от 23 ноября и 9 декабря).
- ³¹ ОГВ. 1907. № 65, 69, 72, 73, 77. Перепечатано: ПКОГ на 1908 год. Петрозаводск, 1908. С. 277–288.
- ³² Баландин Т. В. Петрозаводские северные вечерние беседы // ОГВ. 1866. № 6, 13, 20, 22, 23, 25, 26, 29, 30, 35–43, 46; 1867. № 5–9. Отд. оттиск: Петрозаводск, 1867; Фаддей (Успенский). Жизнеописание блаженного Фаддея по рукописи // ОЕВ. 1904. № 13–15.
- ³³ Баландин Тихон Васильевич (ок. 1748–1830) – выдающийся краевед и просветитель, автор первого краеведческого сочинения по истории Петрозаводска «Петрозаводские северные вечерние беседы» (1814). Подробнее о нем см.: [15]. Новейшую публикацию его литературного и краеведческого наследия см.: Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 384 с.
- ³⁴ Плотников Константин Николаевич (1862 – ?) – выпускник ОДС, в 1886 году окончил С.-Петербургскую духовную академию, в 1886–1899 годах – преподаватель ОДС, в 1901 году переселился в Петербург, с 1903 года служил в Государственном контроле (с 1909 года – старший ревизор), с мая 1908 года – товарищ (заместитель) председателя Общества олончан в С.-Петербурге [20: 649].
- ³⁵ Мегорский В. П. Открытие общества олончан в Петербурге. Петрозаводск, 1908. 10 с. (отд. отт. из: ОГВ. 1908. № 55 от 22 мая).
- ³⁶ Вестник общества ревнителей истории. Вып. 2. Птг., 1915. С. 119–126.
- ³⁷ Левидова С. М. История Онежского (бывшего Александровского) завода. Вып. 1. Завод в крепостную эпоху. Петрозаводск, 1938.
- ³⁸ Мегорский В. П. Горнозаводская деятельность в Олонецком крае при Петре Великом // Архив КНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–12.
- ³⁹ Мегорский В. П. Петрозаводск при Петре Великом // Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–128. Другой экземпляр этой работы хранится в личном архиве правнука В. П. Мегорского и одного из авторов данной статьи – Б. В. Мегорского.
- ⁴⁰ Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 104–105.
- ⁴¹ Лобан – местность на правом берегу Лососинки («на Зарецкой стороне»), около плотины, там, где сейчас начинается ул. Мерецкова [6: 90–91], [18: 386].
- ⁴² Сводку современных данных о Фаддее Блаженном см.: [10: 7–12].
- ⁴³ Подробнее о диспуте выговских старообрядцев с иеромонахом Неофитом см.: Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия // Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 год. Вып. 31. Пг.: Изд. Археографической комиссии, 1921. С. 1–66 (отд. оттиск: Пг.: Изд. Археографической комиссии, 1921. 66 с.); Дружинин В. Г. Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII века // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы. Вып. 33. Пг.: Изд. Археографической комиссии, 1926. С. 100–102.
- ⁴⁴ Дмитриев Кузьма Иванович (1863–1913) – педагог, в 1882 году окончил учительскую семинарию в Вытегре, в 1882–1902 годах был учителем министерской школы в селе Вохтозеро, в 1902 году переехал в Петрозаводск и до своей кончины был преподавателем ремесленного училища. Подробнее о нем см.: [5].
- ⁴⁵ Филимонов Кузьма Филимонович (1855–1924) – краевед и библиограф, в 1879 году окончил ОДС, был сельским учителем, в 1882 году вернулся в Петрозаводск, работал в Олонецком губернском статистическом комитете (1882–1903) и в Олонецком губернском управлении земледелия и государственных имуществ (1903–1919), в 1921 году создал при Центральной Карельской библиотеке краеведческое отделение и заведовал им в последние годы жизни, активно участвуя в краеведческом движении Карелии. Подробнее о нем см.: [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баггера Х. Реформы Петра Великого: обзор исследований. М.: Прогресс, 1985. 199 с.
- Беспятых Ю. Н. Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1997. С. 31–62.
- Варламов А. Н. Алексей Толстой: Биография. М.: Эксмо, 2009. 736 с.
- Галкин А. К., Бовкало А. А. Избранный Божий и народа. Жизнеописание священномученика Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского. СПб.: Блокадный храм, 2006. 382 с.
- Инно Х. О. Кузьма Иванович Дмитриев // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы III краеведческих чтений. Петрозаводск: Кондопога, 2000. С. 166–172.
- Капуста Л. И. Из истории топонимии Петровской слободы // Родные сердцу имена (ономастика Карелии). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. С. 89–92.
- Кротов П. А. Осударева дорога в 1702 году // Русский Север и Западная Европа. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. С. 178–220.
- Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб.: Историческая иллюстрация, 2011. 309 с.
- Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. 744 с.
- Кротов П. А., Пашков А. М., Пигин А. В. Петр Великий и Фаддей Блаженный: из истории первых лет существования Петрозаводска // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 1 (154). С. 7–12.
- Пашков А. М. Андрей Петрович Воронов – малоизвестный архивовед и историк Русского Севера // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX междунар. науч. конф. Ч. 2. М.: РГГУ, 2008. С. 509–512.
- Пашков А. М. В. Е. Рудаков и И. И. Благовещенский: из истории краеведения Олонецкой губернии на рубеже XIX–XX вв. // Державинский сборник – 2013. Петрозаводск: Карельский филиал РАНХиГС, 2013. С. 67–85.
- Пашков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины в отечественном архивном образовании в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 26 с.

14. Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. 304 с.
15. Пашков А. М., Пигин А. В. Предисловие // Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 3–34.
16. Пашков А. М. Филимонов Кузьма Филимонович (1855–1924) // Биографический словарь краеведов Олонецкой и Архангельской губерний [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ethnomap.karelia.ru/local_historian.shtml?id=140 (дата обращения 27.10.2018).
17. Петр Петрович Мегорский (1878–1930) // Энциклопедия «Челябинск» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.book-chel.ru/ind.php?id=1423&what=card> (дата обращения 27.10.2018).
18. Петрозаводск. 300 лет истории: Документы и материалы. Кн. 1 / Сост. Д. З. Генделев. Петрозаводск: Карелия, 2001. 416 с.
19. Петрозаводский некрополь / Сост Т. А. Мошина. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 92 с.
20. Сорокин В. У. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб.: Изд-во Князь-Владимирского собора, 2005. 736 с.

Megorsky B. V., Military History Reconstruction Club “Preobrazhensky Lifeguard Regiment, 1709”
(St. Petersburg, Russian Federation)
Pashkov A. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

VASILIY PETROVICH MEGORSKY AS THE SCHOLAR OF THE PETRINE PERIOD

This article is the first research work presenting the detailed analysis of a well-known local historian V. P. Megorsky's scholarly activity. The goal of the article is to demonstrate V. P. Megorsky's contribution to the research of the Olonets region history in the Petrine period through identifying the factors which impacted the formation and development of his research interests. V. P. Megorsky published a number of works on this topic, such as *Osudareva Doroga (The Tsar's Road)*, *Lodeynoye Pole Shipyard during Peter the Great's Reign, Mining Activity in the Olonets Region during Peter the Great, Martial Waters Resort in Olonets under Peter the Great*, etc. Special emphasis is placed on V. P. Megorsky's unpublished manuscript *Petrozavodsk during Peter the First*. In the article documents and photographs from B. V. Megorsky's private collection were used.

Key words: V. P. Megorsky, Petrine period, Peter the First, Petrine foundries, Petrozavodsk, Tsar's Road, Lodeynoye Pole shipyard, Martial Waters Resort, T. V. Balandin

REFERENCES

1. Bagger H. Reforms of Peter the Great. Moscow, 1985. 192 p. (In Russ.)
2. Bespjatikh Yu. N. The third “advent” of Peter the First to the White Sea. *Arkhangelsk in the VIII century*. St. Petersburg, 1997. P. 31–62. (In Russ.)
3. Varlamov A. N. Aleksey Tolstoi. Biography. Moscow, 2009. 736 p. (In Russ.)
4. Gal'kin A. K., Bovkalo A. A. The chosen one of the Lord and of the people. The biography of the Holy Martyr Benjamin, Metropolitan of Petrograd and Gdov. St. Petersburg, 2006. 382 p. (In Russ.)
5. Inno H. O. Kuz'ma Ivanovich Dmitriev. *Kondopoga region in the history of Karelia and Russia: Proceedings of the III local history readings*. Petrozavodsk, Kondopoga, 2000. P. 166–172. (In Russ.)
6. Kapusta L. I. The history of Petrovskaya Sloboda toponymy. *Cherished names (onomastics of Karelia)*. Petrozavodsk, 1993. P. 89–92. (In Russ.)
7. Krotov P. A. “Tsar's Road” in 1702. *The Russian North and Western Europe*. St. Petersburg, 1999. P. 178–220. (In Russ.)
8. Krotov P. A. “Tsar's Road” of 1702: prologue to St. Petersburg's foundation. St. Petersburg, 2011. 309 p. (In Russ.)
9. Krotov P. A. The Russian Navy on the Baltic Sea under Peter the Great. St. Petersburg, 2017. 744 p. (In Russ.)
10. Krotov P. A., Pashkov A. M., Pigin A. V. Peter the Great and St. Thaddeus, holy fool for Christ: the early history of Petrozavodsk. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016. № 1 (154). P. 7–12. (In Russ.)
11. Pashkov A. M. Andrei Petrovich Voronov – a little-known archivist and historian of the Russian North. *Auxiliary historical disciplines – source studies – methodology of history in the system of humanitarian knowledge: Materials of the XX international scientific conference*. Part 2. Moscow, 2008. P. 509–512. (In Russ.)
12. Pashkov A. M. V. E. Rudakov and I. I. Blagoveshchenskiy: from the history of Olonets Province local studies in the late XIX and the early XX centuries. *Derzhavin's collected articles – 2013*. Petrozavodsk, 2013. P. 67–85. (In Russ.)
13. Pashkov A. M. Auxiliary historical disciplines in national archival education in the late XIX and the early XX centuries: Diss. Cand. Sci. Abstr. (History). Moscow, 1984. 26 p. (In Russ.)
14. Pashkov A. M. Local studies of mining history in Karelia between the late XVIII and the early XX centuries. Petrozavodsk, 2007. 304 p. (In Russ.)
15. Pashkov A. M., Pigin A. V. Preface. Balandin T. V. “Petrozavodsk northern evening conversations” and other works and letters. St. Petersburg, 2016. P. 3–34. (In Russ.)
16. Pashkov A. M. Filimonov Kuz'ma Filimonovich (1855–1924). *Biographical dictionary of local historians in Olonets and Arkhangelsk Provinces*. Available at: http://ethnomap.karelia.ru/local_historian.shtml?id=140 (accessed 27.10.2018). (In Russ.)
17. Petr Petrovich Megorsky (1878–1930). Chelyabinsk Encyclopedia. Available at: <http://www.book-chel.ru/ind.php?id=1423&what=card>. (accessed 27.10.2018) (In Russ.)
18. Petrozavodsk. 300 years of history: Documents and materials. Vol. 1. (D. Z. Gendelev, Comp.). Petrozavodsk, 2001. 416 p. (In Russ.)
19. Petrozavodsk necropolis. (T. A. Mohina, Comp.). Petrozavodsk, 2009. 92 p. (In Russ.)
20. Sorokin V. Y. The confessor. Christian enlightenment activities of Metropolitan Grigoriy (Chukov). St. Petersburg, 2005. 736 p. (In Russ.)

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный парк «Водлозерский» (Петрозаводск, Российская Федерация)

yukozhevnikova@gmail.com

«МОНАСТЫРСКОЕ» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПЕТРА I И МОНАШЕСТВО ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА*

На основе новых и малоизвестных архивных материалов определяются последствия и значение «монастырского» законодательства петровского времени для монашества Русской православной церкви в Олонецком уезде; рассматривается ранее не изучавшийся вопрос о том, каким образом «антимонашеская» политика царя-реформатора сказалась на судьбах конкретных насельников, живших в монастырях Олонецкого уезда в первой половине XVIII века. В ходе анализа приведенных данных выясняется, что ужесточение государственной политики в отношении монашества привело на локальном уровне к резкому сокращению размеров братских общин.

Ключевые слова: православные монастыри, православное монашество, Олонецкий уезд, законодательство Петра I, история Русской православной церкви в первой половине XVIII века

Первая половина XVIII века – время тяжелых испытаний, выпавших на долю русского православного монашества в России. Государственная политика в отношении монастырей радикально поменялась при Петре I, который считал, что «чин монашеский» к началу столетия «*во многая безчиния развертился*», а потому его следовало решительно исправлять с помощью жестких ограничений и запретов. Новое российское законодательство о монашестве включало десятки указов и ставило под государственный контроль буквально до мелочей всю жизнь монастырских насельников.

На долгие десятилетия главным законом, детально регламентировавшим монастырскую жизнь, стало «Прибавление к Духовному регламенту» (1722), содержавшее особые главы о монахах и монастырях¹. Отныне запрещалось устройство пустыней-скитов и не одобрялось существование иноческих обителей с небольшим числом братьев (менее 30 человек). Судьбоносный для российского иночества именной петровский указ от 28 января 1723 года требовал переписать всех, кто к тому времени принял монашеские обеты, и «*впредь отнюдь никого не постригать*»². Возникавшие после смерти монахов вакансии царь-реформатор, не питавший особой привязки к монашеству и имевший на него особый утилитарный взгляд, предлагал заполнять «*престарелыми и увечными солдатами*» и, таким образом, превращать действовавшие монастыри в своеобразные богадельни-госпитали для воевавшей страны. Исключение из строгих правил делалось только для «*священников и диаконов вдовых, желающих монашества*»³. Существование «святых обителей» при Петре I и его приемниках в первой половине XVIII века оправдывалось

только их практической пользой, приносимой для общества.

История русских православных монастырей и монашества Олонецкого уезда в XVIII веке не раз привлекала внимание отечественных исследователей [2: 3–11]. В региональной историографии в контексте общего развития монастырской жизни в России рассматриваются локальные аспекты сложных церковно-государственных отношений [2], [5]. Современные историки, привлекая новые архивные источники, оценивают состояние монастырей в первой половине XVIII века, изучают хозяйственную деятельность монахов, рассматривают конфликтные ситуации из повседневной жизни монашеских общин, например связанные с выбором настоятелей местных общецерковных монастырей в первой трети XVIII века [4: 119–138], [6], [7]. Выясняются негативные последствия «антимонашеской» политики для конкретных монастырей [1], [3: 79–109]. Однако при этом не хватает обобщающих аналитических работ о местных результатах и значении церковных реформ Петра I в истории монашества Олонецкого уезда.

Итак, монастыри Олонецкого уезда, многие из которых располагались в укромных таежных уголках, не оставались в стороне от фундаментальных перемен в судьбах российского иночества и в полной мере испытали на себе петровские нововведения. В границах уезда к концу первой четверти XVIII века существовало не менее 26 монастырей, из них два женских [2: 292–293].

Далее рассмотрим значение и последствия «рокового» петровского именного указа, запретившего новые монашеские постриги без особого разрешения духовных и светских властей. В фонде Новгородской духовной консистории (ГАНО) хранятся «реестры» монахов Олонецкого уезда

за 1722 год, которые позволяют нам оценить размеры братских общин местных монастырей накануне ввода запрета на постриги⁴. Самым многолюдным, помимо Троицкого Александро-Свирского монастыря, был Рождества Богородицы Палеостровский монастырь в северной части Онежского озера. В его братию входил 41 монах в возрасте от тридцати до девяноста лет, из них сан священника имели только двое – иеромонахи Кирилл и Иаков. В остальных монастырях число монахов не достигало 30 человек. Так, в Вознесенском девичьем монастыре подвизались строительница Агафья (Касакова) и 13 монахинь; Высокоезерской пустыни – строитель Савватий (Першин) и 10 монахов; Петропавловской пустыни – строитель Аврамий (Свечин) и 5 монахов; Брусленском девичьем монастыре – строительница София и 5 монахинь; Рубежской и Курженской пустынях – по четыре монаха в каждой; Пятницкой Кедринской пустыни – 3 монаха. Таким образом, согласно «Прибавлению к Духовному регламенту» практически все местные монастыри требовалось объединять с наиболее крупными обителями Олонецкого края.

Следующие по времени составления известные мне «реестры» датируются 1726 годом⁵. Численность монахов еще не успела сильно измениться за прошедшие четыре года. Наиболее населенными мужскими обителями Олонецкого края были Палеостровский (32 монаха), Успенский Муромский (20) и Троицкий Клименецкий (27) монастыри, все трое располагавшиеся на Онежском озере. Наименьшее число монахов подвизалось в Спасской Ващеостровской пустыни – четверо братьев преклонного возраста и в Петропавловской Соломенской пустыни в окрестностях Петровских заводов – три простых монаха (то есть без сана священника), поэтому богослужения там не проводились, монастырская церковь стояла «без пенья».

Остановимся подробнее на ситуации, сложившейся в Успенском Муромском монастыре – одной из наиболее благополучных в материальном отношении обителей Олонецкого уезда в первой четверти XVIII века [7]. На первый взгляд, она была вполне населена: в ее братскую общину в 1722–1726 годах входили 20 человек⁶. При внимательном взгляде на монашеские «реестры» можно заметить, что почти все муромские монахи достигли весьма почтенного возраста даже по меркам нашего времени. Самым «молодым» из них, Лукиану и Матфею, в 1722 году исполнилось 40 и 45 лет соответственно, Протасию и Ионе – по 50 лет обоим. Возраст остальных 16 человек колебался в пределах от 67 до 95 лет. Муромский монастырь в 1726 году возглавлял 80-летний иеромонах Кирилл. Хозяйственными и финансовыми делами управляли 77-летний келарь Михаил и 62-летний казначей Вассиан. В 1722 году муромскими старожилами считались

строитель Кирилл и житеной Леонтий, которые подвизались в обители на протяжении последних двадцати лет, приняв здесь монашеский постриг в начале XVIII века.

В монашеских «реестрах», помимо мирского и монашеского имен, возраста, чина, места рождения и «восприятия монашества», монастырского послушания, обязательно указывалось число лет, прошедших с момента пострига того или иного монаха. В ходе анализа имеющейся информации выяснилось, что иноческие обеты давались муромскими насельниками в довольно зрелом возрасте (по закону монашеский постриг был возможен не ранее 30 лет). Только два человека приняли постриг до 40 лет. Большая же часть мужчин облачались в монашескую рясу по достижении 60 лет. По-видимому, те, кто принимал постриг в преклонном возрасте, были крестьянами-вкладчиками из разных деревень Андомского, Шальского и Пудожского погостов-округов.

После выхода суровых законов Петра I в отношении монашеских постригов Муромский монастырь естественным образом лишился своих насельников: старцы умирали один за другим. К 1726 году его братскую общину пополнили два монаха-долгожителя – Иринарх и Арсений из маленькой Ильинской Машезерской пустыни, которая находилась в окрестностях Петровских заводов. В архивном документе они названы «больничными», другими словами, серьезно недомогали и не могли нести какое-либо послушание. При этом, если верить «реестру», им обоим было более ста лет, а именно 119 и 122 года! По какой причине они оказались в удаленном от их родной обители на десятки километров Муромском монастыре, сказать сложно. Арсений принимал монашеский постриг в Машезерской пустыни еще в 1684 году, а Иринарх – в той же пустыни в 1714 году⁷.

По сведениям известного олонецкого краеведа Е. В. Барсова, в опустевшей Машезерской пустыни в первой четверти XVIII века какое-то время жил ладвинский крестьянин Марк Семенов, умерший до 1723 года⁸. Можно предположить, что именно столетние Иринарх и Арсений оказались последними монахами, подвизавшимися в Машезерской пустыни, которая вскоре была приписана к Троицкому Клименецкому монастырю, а затем упразднена по секуляризационной реформе 1764 года.

За исключением машезерских старцев, все остальные братья Муромского монастыря были его же постриженниками. Двое монахов происходили из «церковников», один – «из посацких», остальные – из черносошного крестьянства Олонецкого уезда. К сожалению, в «реестрах» не указываются конкретные приходы и деревни, где они родились. Отчасти ответить на вопрос, из каких мест будущие монахи приходили в монастырь, помогают ведомости о «неуказнопостриженных» мо-

нахах, то есть тех, кто принял постриг без особого указа от духовных и светских властей. Такие ведомости составлялись уже после смерти Петра I с целью проверить, насколько добросовестно выполнялись его указы, запрещавшие постриги.

К середине 1730-х годов большая часть престарелых монахов Муромского монастыря уже умерла. При проверке оказалось, что здесь были совершены 5 «незаконных» монашеских постригов⁹. В других мужских и женских монастырях Олонецкого уезда сложилась схожая ситуация. Например, в Успенском девичьем монастыре постриженными без надлежащего указа светских и духовных властей находились 10 монахов, Александро-Свирском – 9, Юрьеворском – 8, Палеостровском – 7, Кодлозерском – 4, Ващеостровской, Сяндемской, Хергозерской, Яблонской пустынях – по два монаха, Высокоезерской, Задне-Никифоровской, Соломенской, Сунорецкой – по одному¹⁰.

По церковным правилам монашеские постриги должен был совершать настоятель монастыря¹¹. В особых случаях с его разрешения посвящать в монашество могли другие монахи-священники, входившие в братскую общину. В Муромском монастыре «незаконные» постриги происходили при настоятелях Кирилле и Иакове в 1728–1730 годах. Их совершали два иеромонаха – Исаия и Савватий. Как следует из ведомости, трое «безуказных» монахов, Корнилий, Савватий и Никодим, родились в соседних с Муромским монастырем деревнях Андомского погоста (Илекса и Гакугса), четвертый монах Павел – в деревне Лядины Шальского погоста, располагавшегося к северу от Андомы. Пятый безуказанный монах Тихон пришел в Муромский монастырь из деревни Барановской Мегорского погоста, примыкавшего к южной части Онежского озера. Сделанные в свое время вклады в Муромский монастырь «на пострижение» позволяли составившимся или больным мужчинам обеспечить себя жильем и пропитанием в его стенах. Территориальная близость поселений, где родились перечисленные выше монахи, к Муромскому монастырю косвенно свидетельствует о том, что эта обитель и ее святыни особенно почитались жителями Андомского и Шальского погостов.

Судьбы «неуказных» монахов Муромского монастыря складывались по-разному. Двое из них умерли еще до начала проверки: Никодим скончался в августе 1734 года, Павел – в октябре 1735 года. Тихон, Савватий и Корнилий были расстрижены в Великом Новгороде и затем отправлены в канцелярию Олонецкого воеводского правления «для определения на прежнее жилище» (очевидно, из-за преклонного возраста, так как «неуказных» монахов по закону требовалось отдавать в солдаты)¹². За каждого «неуказнопостриженного» монаха с настоятеля монастыря, при котором происходил незаконный постриг, взимался штраф в размере 10 рублей. Настоя-

тель Муромского монастыря иеромонах Кирилл умер еще в апреле 1728 года, причем «и скарбу от него никакого не осталось», поэтому оштрафовали только его преемника монаха Иакова¹³. Зачастую после отсылки «незаконных» постриженников монашеские обители Карелии оставались безлюдными, поэтому штрафовать было некого [2: 66–67].

К началу 1740-х годов монашеская братия монастырей Олонецкого уезда еще более поредела. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в ГАНО реестры монахов за 1741 год¹⁴. Приведу несколько цифр. В Клименецком и Палеостровском монастыре находилось по семь монахов (из них по одному иеромонаху), в Муромском монастыре подвизались шесть монахов, все без священного сана. Община Вознесенского девичьего монастыря включала строительницу и 4 монахинь, Брусненского девичьего – строительницу и монахиню. В Габановой пустыни, расположенной на восточном берегу Ладожского озера, жил один престарелый монах; в Сяндемской, Кедринской, Сырынинской пустынях и Стороженском монастыре – по два монаха. В Андрусовой, Высокоезерской, Паданской и Яблонской пустынях Олонецкого уезда «у присмотру церквей» оставались только монастырские служители. При упоминании Ващеостровского монастыря в документе стоит помета «никого не имеется»¹⁵.

Малые размеры братских общин и отсутствие иеромонахов делали невозможной литургическую жизнь в монашеских обителях. В 1734 году даже в Александро-Свирском монастыре, где братия состояла из 33 человек, не было ни одного иеромонаха, и богослужения в монастырских церквях совершали священники приходских церквей Олонецкого уезда по очереди¹⁶.

Итак, сохранившиеся в отечественных архивах документы свидетельствуют о том, что малые и средние монастыри Олонецкого края, чьи братские общины после выхода запретительного петровского указа более не пополнялись новыми постриженниками, постепенно вымирали. Вдовы священники и диаконы, а также инвалиды-военные – те, кому официально в виде исключения постриг разрешался, – не стремились к иночеству. Без иеромонахов становились невозможны литургия, исповедь и принятие Святых Тайн – ключевые моменты монастырской жизни. Согласно требованиям «Прибавления к Духовному регламенту», малобратственные монастыри теряли самостоятельный статус и объединялись с наиболее крупными местными обителями (Александро-Свирским, Клименецким, Муромским, Спасо-Каргопольским монастырями) [1: 31–32], [2: 70–71], [3: 102–106], [4: 145–149]. К середине XVIII века почти все приписанные монастыри опустели и затем были закрыты по секуляризационной реформе 1764 года [2: 62–104]. Новые жесткие законы, сломавшие традицион-

ные отношения государства и Церкви, неизбежно привели к печальным последствиям для монастырей Олонецкого уезда. Стремительное сокра-

щение размеров братских и сестринских общин и расстройство внутренней монастырской жизни – главные из них.

* Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБУ «Национальный парк «Водлозерский» № 051-00036-19-00.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года (далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 6. № 4022.
- ² ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 7. № 4151.
- ³ ПСЗ I. СПб., 1830. № 4672.
- ⁴ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 80.
- ⁵ Там же. Д. 110.
- ⁶ Там же. Д. 80. Л. 29–38об.; Св. 8. Д. 110. Л. 44–44об.
- ⁷ Там же Л. 44об.
- ⁸ Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы, с приписными к нему пустынями, царскими и иераршими грамотами / Императорское Общество Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М.: Университет. тип., 1871. С. 98.
- ⁹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 19–21об.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Никольский К. Т. Пособие к изучению устава Православной Церкви. СПб.: Синодальная типография, 1907. С. 741.
- ¹² ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 19.
- ¹³ Там же. Л. 25об.
- ¹⁴ Там же. Св. 42. Д. 481.
- ¹⁵ Там же. Л. 134–139.
- ¹⁶ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 14. Стб. 76–77.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В о з н е с е н с к а я Е. Н., Жу к о в А. Ю. Яшезерский монастырь и его округа в XVI–XVIII веках // Православие в вепском крае: Материалы межрегиональной научно-практик. конф. Петрозаводск, 2013. С. 17–35.
2. Ко ж е в н и к о в а Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: Изд-во Спасо-Киjsкого Патриаршего Подворья, 2009. 304 с.
3. Ко ж е в н и к о в а Ю. Н. Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь. Петрозаводск: Verso, 2014. 343 с.
4. Ко ж е в н и к о в а Ю. Н. Николаевская Андрусова пустынь. XVI–XX в. Петрозаводск: Verso, 2017. 400 с.
5. Пу ль к и н М. В., З а х а р о в а О. А., Жу к о в А. Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М.: Круглый год, 1999. 208 с.
6. С у с л о в а Е. Д. Вознесенский Свирский женский общежительный монастырь: повседневная жизнь обители в первой трети XVIII века // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 5 (29). С. 582–594.
7. С у с л о в а Е. Д. Рыболовный промысел Успенского Муромского монастыря в первой трети XVIII века // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 334–351.

Kozhevnikova Yu. N., Vodlozersky National park (Petrozavodsk, Russian Federation)

“MONASTIC” LAWS OF PETER THE GREAT AND MONASTICISM IN THE OLONETS COUNTY IN THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY*

Using new and little-known written archival documents the author identifies the implications and significance of “monastic” legislation of Peter the Great for the Russian Orthodox monasticism in the Olonets County. The current research resolves the previously unanswered question of how the Tsar-reformer’s “antimonastic” policy influenced the lives of the monks who lived in various monasteries and hermitages in the Olonets County (Uyezd) during the first half of the XVIII century. The analysis of the data shows that the tightening of state policy towards monasticism led to the sharp reduction in the size of fraternal communities at the local level. Key words: Orthodox monasteries, Orthodox monasticism, the Olonets County (Uyezd), laws of Peter the Great, history of Russian Church in the first half of the XVIII century

* The study was performed as part of the state task assigned to Vodlozersky National Park.

REFERENCES

1. В о з н е с е н с к а я Е. Н., Жу к о в А. Ю. Yashezero Monastery and its surroundings between the XVI and the XVIII centuries. *Pravoslavie v vepskom krae: Materialy mezhregional'noy konferentsii*. Petrozavodsk, 2012. P. 17–35. (In Russ.)
2. Ко з х е в н и к о в а Yu. N. Monastery and monasticism of the Olonets Eparchy between the second half of the XVIII and the beginning of the XX centuries. Petrozavodsk, 2009. 304 p. (In Russ.)
3. Ко з х е в н и к о в а Yu. N. Five centuries of history. Yashezero Annunciation Hermitage. Petrozavodsk, 2014. 343 p. (In Russ.)
4. Ко з х е в н и к о в а Yu. N. Andrusov's Saint Nicholas Hermitage. The XVI–XX centuries. Petrozavodsk, 2017. 400 p. (In Russ.)
5. Пу ль к и н М. В., З а х а р о в а О. А., Жу к о в А. Ю. Orthodoxy in Karelia (between the XV and the first third of the XX centuries). Moscow, 1999. 208 p. (In Russ.)
6. С у с л о в а Е. D. Svir Ascension Convent: the community's daily life in the first third of the XVIII century. *Historical Journal: Scientific Research*. 2015. No 5 (29). P. 582–594. (In Russ.)
7. С у с л о в а Е. D. Fishery of Murom Dormition Monastery in the first third of the XVIII century. *Nauchnyy dialog*. 2016. No 11 (59). P. 334–351. (In Russ.)

Поступила в редакцию 13.01.2019

АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ МЕЛЬНОВ

кандидат исторических наук, ученый секретарь, Выборгский объединенный музей-заповедник (Выборг, Российская Федерация)

alexmelnov@yandex.ru

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА В СЕВЕРНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ (1700–1710): ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Целью статьи является исследование взаимоотношений местного населения Северного Приладожья со шведскими и российскими войсками в начальный период Великой Северной войны (1700–1710). Научная новизна заключается в том, что это первая работа, написанная на основе комплексного анализа российской, финской и шведской историографии с применением микроисторического подхода. Помимо описания малоизвестных эпизодов военной истории, рассматривается проблема взаимоотношения шведской и русской армий с неоднородным по религиозному составу местным населением. Прослежена связь между уничтожением шведской армии Кондусского шанца в сентябре 1704 года и ответным рейдом П. М. Апраксина в Сортавала в феврале 1705 года. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов дается обзор морских походов русской армии на северное побережье Ладожского озера в 1707–1708 годах. Массовая миграция населения в начале войны и религиозные конфликты стали причиной опустошения территории. И православное, и лютеранское население края оказалось заложником политического конфликта. Однако после перехода Кексгольмского лена под русское военное управление большая часть местного населения предпочла остаться при своих домах.

Ключевые слова: Северная война, Северное Приладожье, Сортавала, Салми, Кондусский шанец, малая война, Карелия в XVIII веке

Началу Великой Северной войны в Ингерманландии и Карелии предшествовали события 1696–1698 годов, известные в финской историографии как «великий голод». Именно на этот исторический период пришелся минимум солнечной активности, который привел к глобальному похолоданию. Экстремальные климатические явления отмечались по всей Европе, но на территории Шведского королевства похолодание стало причиной социально-экономической катастрофы [8: 29–34], [21: 123–128]. В протокольных книгах суда Ингерманландского и Кексгольмского ленов за 1697–1699 годы нашли свое отражение бедность и голод, вызванные масштабным неурожаем. Люди умирали от голода, поля оставались незасеянными, нищие в Ингерманландии и Финляндии бродили по деревням, значительно возросли хищения, особенно еды и зерна. Ряд финских историков сходится во мнении, что в голодные годы страна потеряла от 25 до 35 % населения¹ [18], [22: 294]. По данным налоговых переписей за 1696 год, проанализированных финским историком Р. Ранта, в Северном Приладожье больше всего разорившихся дворов приходилось на приходы Пялькъярви, Суйстамо, Импилахти, немногим меньше в Яаккима и Куркиеки [24: 226]. Неурожай и голод зафиксированы архивными документами Олонецкой Карелии². Бедственные условия существования вынуждали население Северного Приладожья мигрировать

как на запад, вглубь страны, так и на восток – в Россию. Забив скот и оставив дома, крестьяне уходили в Олонецкий уезд. На границах Шведского королевства были поставлены усиленные караулы, однако эта мера не помогла сдержать массовую миграцию [1], [2: 88]. Обнищавшее и голодное население не ограничивалось бегством. Одновременно участились случаи неповиновения и угроз в адрес чиновников местной администрации. Сборщиков налогов в деревнях встречали группы вооруженных крестьян [20: 335].

В Кексгольмском лене открытие военных действий в 1700 году осложнялось конфликтом переселенцев лютеранского вероисповедания с коренными жителями – православными карелами. Притеснение православного населения после 1617 года привело к тому, что, например, в Кроноборгском погосте³ в 1696 году соотношение плативших налог хозяев было следующим: 52 православных мужчины и 1076 мужчин лютеранского вероисповедания⁴ [10: 87–89], [17: 156]. Вести о нападении русской армии на шведскую крепость Нарва, которые пришли в край осенью 1700 года, стали причиной обострения и без того непростой ситуации. Бюргеры города Сортавала были готовы бежать из города при получении вестей о выдвижении русских войск в наступление. Имущество готовили к эвакуации и грузили на корабли. Когда местный православный священник Исидор Сефронов начал готовить церковную

утварь и колокола к эвакуации, то получил официальный запрет от магистрата [26: 58]. Часть имущества бургеров (соль и другие товары) погрузили на лодки и пытались увезти в Кексгольм, однако эвакуация закончилась кораблекрушением [24: 234].

В сентябре 1700 года конфликт между жителями лютеранского и православного вероисповедания обострился до такой степени, что православные карелы Салминского погоста массово ушли за рубеж со своим скотом. Миграция усилилась в последние месяцы и распространилась на погосты Суоярви и Суйстамо. По словам православного викария Федора Романова, «русские семьи» погоста Суйстамо бежали от своих соседей на русскую сторону в Туломозерский погост и пережидали там, пока ситуация не улучшилась [24: 231].

В ноябре 1700 года гарнизон Олонца получил сведения от бежавших из Кексгольмского лена православных крестьян о стоявшем близ границы отряде численностью 1500 человек, который собирался в поход за рубеж [14: 89]. Вскоре последовал превентивный русский рейд в приграничный погост Салми. Согласно шведским источникам, отряд «калмыков и казаков» 25 ноября вышел из Кондушской заставы в Салми, разорив по дороге деревни Мансила⁵ и Виртеля (не сохр.). Капитан пограничного отряда Реформэ и арендатор капитан Кристиан Сало были уведены в плен. Среди проводников русского отряда были замечены четыре «русских жителя» деревни Мийнала⁶ [23: 122–123]. В ответ на этот поход из Сортавала был отправлен отряд Антти Тукканена, набранный из жителей города и выходцев прихода Суйстамо численностью 74 человека. Вопреки распоряжению бургомистра Кроока, ополченцы вели себя на шведской земле как во вражеском kraю: уводили скот и отбирали имущество салминцев [26: 58]. В ответ на выдвинутые обвинения в грабеже А. Тукканен назвал виновником Пеку Хювёнена и его сына Пааво, которые грабили «русских» [23: 123].

Большинство ушедших в Олонец православных семей вернулись домой в первые же годы войны, однако конфликт между православным населением и шведской администрацией так и не был исчерпан. Кафедра Выборгского епископства весной 1701 года обвинила православных жителей пограничной Карелии в сговоре с врагом, поскольку они якобы направляли вражеские партии на дома своих соседей лютеранского вероисповедания [24: 231]. Неоднозначность взаимоотношений православного населения бывшего Корельского уезда со шведской администрацией и русской армией прослеживается на примере известного в отечественной историографии похода «попа Окулова» в декабре 1702 года [2: 24–25]. Иван Окулов, принадлежавший к православному

духовенству Кексгольмского лена, прибыл в Россию с волной беженцев в 1700–1701 годах⁷.

В Карелии основной формой военных действий в ходе Северной войны была так называемая «малая война», которую вели небольшие отряды («партии») с целью сбора информации о противнике и диверсионной деятельности во вражеском тылу. В ходе рейдов «партий» не только уничтожались источники снабжения вражеской армии и прерывались коммуникации, но и наносился урон гражданскому населению [6: 56–71]. Выбор этой формы ведения военных действий в Карелии обуславливался географическими предпосылками, такими, как непригодный для полевых батальонов ландшафт, а также суровые климатические условия. Кроме того, «малая война» на русско-шведских рубежах имела глубокие исторические корни, напрямую связанные с приграничными конфликтами [15: 8–38, 539–642].

После нападения на погост Салми пришло распоряжение об укреплении края от имени генерал-губернатора Отто Веллинга и коменданта Кексгольма подполковника Франца Эвальда Фока. В январе 1701 года фогт северного уезда Кексгольмского лена Эрик Андресин установил зимние караулы в погостах Салми и Суоярви, в охране границы должны были участвовать в первую очередь должностные лица. Шведская администрация края ожидала рейды противника именно в зимнее время. Майор Арвид Юлленлуд обратился в декабре 1701 года в окружные суды Салми, Сортавала и Суйстамо с заявлением, что погост Салми остается безальной защиты регулярной армии. В кавалерии не хватало лошадей, солдаты пехоты во множестве болели, а поля и деревни остались без крестьян [23: 124].

Еще в октябре 1702 года генерал А. Крониорт отправил на патрулирование пограничных погостей дублированный кавалерийский батальон Нюландского и Тавастхусского ленов полковника А. Е. Рамсая. Снабжение полка легло на плечи бургеров Сортавала, понесших значительные убытки от рейдов русской армии и капитуляции Нотебурга, где стояли их лодки с товарищами [24: 247–248]. Уехавший из Салми в Сортавала крестьянин Хейкки Вайттинен в июне 1702 года обратился в суд с жалобой на капитана Соломона Энберга, поскольку его люди насильно забрали в свою роту его сына. В обезлюдевшем kraе шведские офицеры рассматривали безземельных крестьян и бродяг в качестве основного источника рекрутования новобранцев [23: 124].

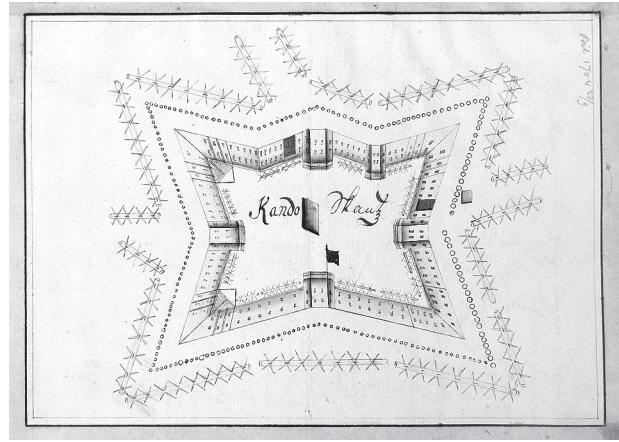
В ходе приграничного рейда гарнизона Тулоземской заставы в шведский погост Иломантси в июне 1703 года солдаты и стрельцы увили из-за рубежа «коров больших и малых с 50... и тем питались и роздали меж себя»⁸. Показательна судьба приведенных из-за рубежа «шведских выходцев». По распоряжению А. Д. Меншикова их направили в Семеновскую приказную палату.

В списке пленников встречаются «кореляны в православной христианской веру крещены» – 5 человек, солдат – 2 человека, латышей⁹ – 13 человек (у которых были имена и фамилии греческого происхождения, то есть православные)¹⁰. Православные карелы, воспринимавшиеся в России в XVII веке как «единоверцы», оказавшиеся под властью протестантского короля, с началом Северной войны стали все чаще восприниматься офицерами русской армии уже как военный трофеи.

Знаменитому походу П. М. Апраксина под Сортавала в 1705 году предшествовал малоизвестный в отечественной историографии эпизод «малой войны». Летом 1704 года шведское командование приняло решение совершить поход на Олонец, откуда через границу регулярно ходили малые отряды для разорения деревень [24: 289]. На Кондушской заставе находился гарнизон из стрельцов¹¹ и олонецких солдат, которые должны были меняться поротно [13: 23]. 15 сентября 1704 года пограничная Кондушская застава подверглась нападению шведов¹². Присланный из Выборга кавалерийский отряд ротмистра Яакова Даниэльсона был усилен ополченцами [23: 124]. По словам шведского ротмистра, отряд неожиданно наткнулся на русский шанец. Крепость состояла из

двойных деревянных стен, засыпанных землей, а также 5 бастионов, 4 башен и двух рядов бойниц, а также снаружи и наверху поставлены испанские рогатки¹³.

Шанец оборонял гарнизон в 700 человек с артиллерией, численность же атакующих составляла 600 человек¹⁴.

План «Кондушского шанца» из приложения к письму генерала Г. Майделя, отправленному из Выборга в Оборонительную комиссию 27 сентября 1704 г. Riksarkivet, Defensionskommissionen vol. 121. Фотография: Хокан Хенрикссон

По словам шведского ротмистра, при выходе его отряда к шанцу он был «...так поражен этим, поэтому вынужден был поджечь шанец». Атака длилась порядка трех часов. Подойдя к стенам

шанца, шведы начали стрелять через бойницы внутрь. Стрельба из мушкетов спровоцировала пожар внутри крепости, что способствовало атаке. В результате пожара Кондушский шанец выгорел полностью. В огне погибла большая часть защитников крепости. Оставшиеся в живых солдаты вместе с комендантом вышли из шанца и бежали в лес, из них примерно 70 человек были перебиты, в том числе комендант. Шведы все же захватили пленных, поскольку из подземелья крепости выбралось около 50 человек¹⁵. Добычей шведов стало обгоревшее и оплавившееся железо, несколько тысяч ядер, гранаты, кугели¹⁶ и прочее. Ротмистр забрал с собой несколько орудий¹⁷, два знамени, а также часть скота. Шведы потеряли убитыми несколько человек, были ранены один капитан, 2 лейтенанта, 3 унтер-офицера и некоторое количество солдат¹⁸. Успешная операция стала неожиданностью для шведов. Примечательно, что Петр I посетил Олонецкую верфь через неделю¹⁹ после шведской атаки на Кондушскую заставу²⁰ [3: 116]. В ответ на шведский рейд русское командование приняло решение о ведении «малой войны» в Карелии зимой 1705 года. В ноябре 1704 года из Нарвы было отправлено следующее распоряжение дьяку Олонецкой верфи²¹ Ивану Степановичу Топильскому:

Караул, который оставлен для починки к речке... а на карауле стоят солдаты Шневенцева полку, и как П. М. Апраксин с полками придет на Сермакс²², пошли к нему письмо, чтобы солдат Шневенца с караула свести²³.

В то же время генерал Г. Майдель отправил в Сортавала на «зимние квартиры» по 400 человек²⁴ от рейтарского Тизенгаузенова и Ингерманландского драгунского полков [12: 46–47].

Отряд П. М. Апраксина направился из Нарвы к Олонецкой верфи в первую очередь для обороны русских рубежей. В то же время окольничему воеводе предписывалось идти через Кондушскую заставу к шведской Сердобольской заставе²⁵ «и велено над неприятелем те же промыслы чинить». В задачи администрации Олонецкого уезда входил сбор тысячи подвод для полков ладожского воеводы, а до их прихода из Нарвы корабельную верфь охраняли солдаты Шневенцева полка²⁶. Кроме отряда П. М. Апраксина на Олонец были отправлены Д. Бахметьев с казаками, а из Архангельска прибыл полковник А. Буковский с Гайдуцким полком²⁷. В задачу полка численностью 609 человек входила охрана края от встречных рейдов противника в течение зимы²⁸. Точная численность отряда П. М. Апраксина неизвестна, а дошедшие до нас источники противоречивы. После возвращения из похода П. М. Апраксин в письме А. Д. Меншикову упомянул о численности своего отряда «солдат в 1300, конных в 700, всего в 2000 человек»²⁹. В «Журнале шведских служб», предоставленном П. М. Апраксиным кабинет-секретарю А. В. Макарову в 1720 году, упоминаются 5 пехотных полков и 2000 каза-

ков³⁰. На основе «офицерских сказок» можно утверждать, что в походе участвовали солдаты пехотных полков И. Я. Бильса (около 496 чел.) [9: Т. 1, 1108, 1116–1117, 2178]³¹, Т. И. Трейдена (около 300 чел.) [9: Т. 1, 901]³² и П. М. Апраксина (около 380 чел.) [7: 179–183], [9: Т. I–II, 14, 1111, 1118, 1577–1578, 1581, 1588]³³.

Отряд П. М. Апраксина вышел из Сермаксы 12 января, двигаясь в условиях холодной зимы по ледовой прибрежной дороге вдоль погостов Салми и Импилахти, и появился в окрестностях Сортавала 27 января³⁴ [24: 289]. Это был далеко не первый «ледовый поход» русской армии в первые годы Северной войны – аналогичный рейд совершил А. Д. Меншиков по южному берегу Ладоги в марте 1703 года. В посаде стояли два кавалерийских полка (часть рот подъехала к посаду из окрестных мест). Шведская кавалерия узнала о приходе русской армии только от ближних караулов, «как пришли после полудня»³⁵. На следующее утро два шведских полка выстроились на льду Ладожского озера. По словам шведских пленных, во время баталии погибли драгунский капитан и корнет³⁶. В ходе стычки и бегства шведы потеряли до 300 человек убитыми и около 50 пленными:

Взяли в плен самых добрых немецких убранных того ж Тизенгаузенова полку унтер-офицеров и рейтар, и Велингова 50 человек и вышние офицеры... и урядников взято много³⁷ [12: 46–47].

Шведские драгуны и рейтары были «сбиты с поля» в первую очередь из-за малочисленности отряда. Кроме того, всю зиму они испытывали недостаток «хлебного жалования», и лошадьми были обеспечены далеко не все всадники, поэтому были вынуждены выйти на лед пешими³⁸.

В ходе рейда русской армии досталась богатая добыча – 2000 человек гражданского населения, в русском плену также оказался пастор Андреас Ахокиус [26: 59], а также «хлеба и скота было многих тысячи, и столько имали, сколько кто хотел»³⁹. В «Ведомостях» указывалось количество уведенного скота: «На станцию 4000 коров и быков пригнали». В общей сложности в Сортавала и окрестностях отряд П. М. Апраксина простоял трое суток⁴⁰. По возвращении из похода майор Трейденова полка И. М. Тургенев конвоировал пленников в Москву [9: Т. 1, 901]. Пока основной отряд П. М. Апраксина стоял в Сортавала, «отводные караулы» кавалерии были направлены к Кексгольмской и Ниошлотской крепостям и «верст по сороку и больше... жилища неприятельские разорили». На дороге к Кексгольму русская партия «за 30 верст от Сердоболя» столкнулась с ротой шведской кавалерии численностью 100 человек во главе с ротмистром, направлявшейся в Сортавала для смены караула. Шведы не стали вступать в бой и ушли обратно к Кексгольму⁴¹ [12: 46]. Согласно данным Р. Ранта, разорению подверглись приход-

ды Пялькъярви⁴² и Китеэ⁴³ [24: 289]. После ухода отряда П. М. Апраксина из Кексгольмского лена 29 января 1705 года на русско-шведской границе был оставлен Дмитрий Бахметьев с низовой⁴⁴ кавалерией⁴⁵.

Во время походов «малой войны» вглубь шведского тыла местное население однозначно воспринималось русской армией как враждебное. Рейд Апраксина застал местных жителей врасплох. Те, кто не успел бежать, были убиты или захвачены в плен. Из-за страха перед новыми набегами люди не спешили возвращаться в свои дома, последние из беженцев вернулись лишь осенью 1706 года. Городской совет Сортавала не собирался вплоть до сентября, а заседание надворного суда состоялось лишь в следующем месяце. Согласно постановлению суда,

после того как 28 января 1705 года население города и бургеры подверглись атаке врага – часть были убиты, многие ранены, а многих увели в плен, а остальные потеряли свои скучные пожитки, жизнь в этом разоренном городе, как прежде, вряд ли возможна.

Паника среди жителей приходов Кексгольмского лена сохранялась на протяжении всего 1705 года, имущество увозили вглубь страны либо закапывали в землю [24: 289].

В 1706 году основные боевые действия разворачивались в Ингерманландии и на Карельском перешейке. Военное разорение вновь затронуло Северное Приладожье летом 1707 года. В августе отряд И. Ф. Боциса вышел в Ладожское озеро на пяти бригантинах для ведения «малой войны» в Северном Приладожье. Первоначально русская флотилия высадила десант в Рииска⁴⁶, разорив прибрежные деревни. С попутным ветром, мимуя Кексгольм, суда дошли до прихода Хийтола. Залпы артиллерии Кексгольмской крепости и сигнальные костры предупреждали население об опасности, благодаря чему многие успели покинуть свои дома. Русский десант в течение нескольких дней разорил дворы на острове Кильпола. Отряд И. Ф. Боциса вернулся из похода 30 августа с 90 пленными. В приходской книге Хийтола за 1707 год была отмечена необычайно высокая смертность населения – 215 человек, «некоторые из которых убиты врагом», в то время как в 1706 году умерли 77 человек [17: 163]. В письме Карлу XII генерал Георг Любекер сообщал о нападении русской флотилии на побережье Кексгольмского лена, однако обнадеживал короля тем, что флот вернулся к Санкт-Петербургу, и «больше нет причин для тревог»⁴⁷ [24: 315]. Судя по членитной офицеров Шмидтова полка, солдаты этого подразделения принимали участие в том рейде⁴⁸.

Русские суда вновь показались в ладожских шхерах летом следующего года. После майского похода русской флотилии И. Ф. Боциса к Борго (Порвоо) шведский флот блокировал Кроншлот [3: 278–279]. На тот момент у Балтийско-

го флота не было возможности вести активную летнюю кампанию на Балтике, поэтому генерал-адмирал Ф. М. Апраксин распорядился снарядить корабли для «промышла» на Ладожском побережье. Речную флотилию возглавил морской поручик М. Фальк⁴⁹. В ладожских шхерах, неподалеку от Сортавала, высадились русские солдаты и сожгли 8 деревень, а также 20 судов, использовавшихся для транспортировки хлеба. По словам местных жителей, «мызник тех деревень за восемь дней до приезду (русской флотилии) из Сортавала в Кексгольм на трех груженых судах с хлебом отъехал». Солдатам досталось в качестве трофея такое количество скота, что не помещалось на кораблях⁵⁰. Чтобы забрать из шведских земель скот, поручик М. Фальк по возвращении в Шлиссельбург 10 июня 1708 года предложил Ф. М. Апраксину снарядить новый рейд из «1 или 2 шмаков и 2 или 3 бригантина, на которых было 200 или 300 человек»⁵¹. Уведенные в плен крестьяне сообщили на допросе в Петербурге о социально-экономическом положении в крае. Крестьянские дворы и мызы, разоренные прежними походами, «стрельцами которые на Кондуре караул имеют», были отстроены заново. Из опасений новых русских рейдов мызники селились от озера «в гору за 20 и за 30 верст», а когда в июле созревал урожай, крестьяне собирали его под караулом из солдат, «которых селят по домам и по деревням и употребляют для помощи нужд своих»⁵². Всего в плен попали 24 крестьянина, которые подробно рассказали о шведских войсках. Зимой в крае были расквартированы только 6 рот шведской кавалерии: «за 20 верст от Кексгольма по мызничным домам и по причинным местам и деревням на берегах стоят». Некоторые крестьяне зимой отвозили в Кексгольм бревна для постройки нового бастиона в крепости⁵³.

В ходе рейдов по Северному Приладожью в 1707–1708 годах было разорено большое количество крестьянских дворов, а многие жители деревень уведены в плен. Наиболее ценным «языком» из православных карел оказался лоцман Карп Тимофеев, который родился и вырос в семье крестьянина «за полковником Павлом Томасовым», в деревне Лапинлахти Кексгольмского лена. По словам К. Тимофеева, полковник «всякие ево пожитки и скотину взял себе, для того, что он, Карп, не ушел бы в Русь». Несмотря на это, карел с женой в 1707 году «перед Троицным днем» ушел в Олонец, где его определили в лоцманы на шняву «Осташков». Лоцман уверял русских офицеров, что жители Кексгольмского лена «все желают, чтоб Бог поручил той Корельску (Кексгольм. – А. М.) Великому Государю», поскольку шведская администрация облагала жителей края разорительными налогами и сборами. В результате такой политики крестьяне

хлебом оскудали, только солому и сосновую корку и мешают те понемногу муки и многие уездные люди от голода померли⁵⁴.

Финский историк Р. Ранта проанализировал уездные налоговые переписи, проводившиеся в Выборгском и Кексгольмской лене в 1700 и 1708 годах. На основе результатов исследования была составлена карта-схема. Результаты переписи 1708 года показали, что больше половины дворов в погостах Северного Приладожья были учтены как нежилые, что может свидетельствовать о массовой миграции населения и дезорганизации шведских приходских органов управления [24: 317], [25: 23].

Зимой 1708–1709 года был совершен ряд рейдов в Олонецкую и Беломорскую Карелию. Согласно отписке воеводы П. Голицына в Ижорскую канцелярию с Северной Двины, в ноябре 1708 года шведский отряд численностью 400 человек кавалерии и пехоты вторгся на русскую территорию. Карельские крестьяне в своих «сказках» сообщали о разорении края шведским отрядом в Ребольском погосте:

...в Лендерской четверти⁵⁵ пять деревень, Лендерскую... Кимоварскую⁵⁶ таможню, да Амогубу⁵⁷, в которых было 50 дворов, пожгли, и ту деревню жителей поsekли, а иные розбежали.

Крестьяне предупреждали местную администрацию, что шведы собираются идти на Лопские погосты, на Кемь и на Сумской острог. Один из русских карел ходил на шведскую территорию и слышал от местных крестьян: «В Кутме⁵⁸ на волоке учат шведов с ружьем 300 человек, а куды им отпуск будет не знает». Команданту А. Чоглокову и вице-команданту Д. Чоглокову в Олонец был отправлен указ

живь с осторожностью и о их замысле разведывать, и где явятся близ Олонца, и разорение не допустить⁵⁹.

По мнению Р. Ранта, благодаря вмешательству генерала Г. Любекера зимой 1709 года были организованы отряды в Саволаксе и Карелии, которые проникли в Олонецкий край. Пройдя по побережью Ладоги до Салми, одна часть отряда направилась на север, другая – на северо-восток [24: 326–328]. Шведский рейд в феврале 1709 года дошел до Олонца, Петровского железоделательного и Кончезерского меднолитейного заводов, которые были отбиты олонецкими солдатами и армейскими полками. В ответ на шведские вторжения Чоглоков снарядил рейд в шведское приграничье⁶⁰. Шведский отряд в 2000 человек вновь направился на Олонецкие заводы, но по пути встретился с русским отрядом. Шведы повернули к Суоярви, и в местечке Кайпаанкуля⁶¹ произошла стычка с другим русским отрядом. Карельские партизаны отбили у шведов лошадей, поэтому отряд продолжил бегство до Толвяярви пешком. Преследование шведов закончилось только в волости Иломантси, которую преследо-

ватели основательно разорили [24: 328]. Согласно русскому источнику, за время похода «людей за рубежом побито 497 человек». Среди пленных оказались писарь и три драгуна, которые участвовали в походе на Петербург в 1708 году⁶². На Олонецкой верфи в 1709 году стояли несколько рот олонецких солдат и рота батальона майора Савенкова – 97 человек⁶³. Для несения караульной службы из Санкт-Петербурга на Олонецкую верфь была отправлена рота батальона М. Домагацкого численностью 99 человек⁶⁴.

В 1710 году в ходе осад крепостей Выборг и Кексгольм русская армия установила контроль над Карельским перешейком. 8 сентября 1710 года были подписаны «аккордные пункты» о сдаче Кексгольма⁶⁵, после чего работа шведских административных органов была прекращена как в городе, так и в занятой русской армией провинции. Населению лена было объявлено, что обычатели могут оставаться при своих домах и сохранить прежнюю веру и права. Жители завоеванного края, в свою очередь, должны были присягнуть на верность царю, а все приходы обязаны были предоставить новой военной администрации в Кексгольме списки прихожан [20: 216–219], [23: 126]. До заключения Ништадтского мирного договора Северное Приладожье управлялось Выборгской военной «комендатурой» [11: 22–27], [20: 72, 339–343]. Шведские чиновники и высшие слои общества предпочли уйти на шведскую сторону, крестьяне же – остаться при своих домах.

Таким образом, к началу открытия военных действий осенью 1700 года в Кексгольмском лене Шведского королевства наблюдалось обострение

религиозного и идеологического конфликта между лютеранским и православным населением, которое вылилось в массовую миграцию и опустошение края. Бежавшее в Россию население, несомненно, являлось для русского командования основным источником информации о происходившем за границей. В то же время многие православные священники и крестьяне становились жертвами необоснованной агрессии со стороны соотечественников-лютеран. Первые годы войны местное финско-шведское ополчение обеспечивало охрану приграничных уездов, лишь с 1702 года регулярные силы шведской армии начали контролировать регион. Второстепенные акции русской армии в ходе так называемой «малой войны» обеспечивали сбор сведений о неприятеле и позволили обезопасить строившийся Санкт-Петербург, верфи на побережье Ладоги и Олонецкие Петровские заводы. В то же время безжалостное разорение шведских уездов в ходе регулярных рейдов русской армии вызывало неприязненные отношения лютеранского населения, хотя и православное население края в равной степени страдало от партизанских акций. Тем не менее после взятия Выборга и Кексгольма в 1710 году большая часть местных жителей предпочла остаться в своих домах под властью России.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность шведскому историку Хокану Хенрикссону (Håkan Henriksson), любезно предоставившему фотографию Кондушского шанца, сделанную им при работе с документами Военного архива Швеции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Lindeqvist K. O. Suomen oloista ison vihan aikana: akatemiallinen väitöskirja. Helsingissä, 1886. S. 3–4.

² Мюллер Р. Б. Карельская деревня в XVII веке: Сб. документов. Петрозаводск, 1941. С. 310–311, 313–314.

³ Кроноборг – совр. пос. Курикиеки Лахденпохского р-на Республики Карелия (РК).

⁴ Стоит учитывать, что некоторые православные жители переходили в лютеранское вероисповедание в целях получения налоговых послаблений. Кроме того, исследовательница М. И. Петрова отметила в своей статье, что Т. Иммонен использовал условное деление на православных и лютеран, опираясь на написание имен.

⁵ Мансила – Питкярантский р-н РК.

⁶ Мийнала – Питкярантский р-н РК.

⁷ Ведомости московские. Москва. 2 января 1703 года. Л. 3 // Электронный фонд Российской национальной библиотеки (РНБ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://leb.nlr.ru/fullpage/2958> Ведомости (дата обращения 29.11.2018).

⁸ О нападении на Тулоземскую заставу, 1703–1706 года // Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 90. Л. 175.

⁹ Латыши – финно-угорское население лютеранского вероисповедания. В некоторых северо-западных говорах латышом называли неразборчиво говорящего человека.

¹⁰ «Кореляны»: Роман Михайлов сын Ничесов, Михайло Федоров, Петр Васильев, Никита Ермолин, Яков Власьев. Солдаты: Яков Нилихов, Матвей Нилихов. «Латыши»: Иоганн Пянниев, Алексей Павлов, Мелентей Геинкин, Яков Юганов, Юган Симонов, Питер Мартиев, Генка Генкин, Юрья Миккоев, Юган Ганнов, Юрья Копошев, Антип Мартиев, Юган Ослаков, Антип Мартиев (РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 90. Л. 230).

¹¹ Жилой стрелецкий полк полковника Ильи Яковлева. В 1701–1706 годах нес гарнизонную службу в Олонце.

¹² Походный журнал 1704 года. СПб., 1911. С. 4.

¹³ Письмо Г. Майделя в Оборонительную комиссию от 26 сентября 1704 года // Koskinen Y. Lähteitä ison vihan historiaan. Handlingar till upplysande af Finlands öden under det Stora nordiska kriget. Vol. I. Helsingfors, 1865. S. 103–104.

¹⁴ Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 1. Т. I. СПб., 1819. С. 336–337.

¹⁵ Koskinen Y. Lähteitä ison vihan historiaan. S. 103–104.

¹⁶ Кугель – пустотелое чугунное ядро с отверстиями, начиненное зажигательным составом.

- ¹⁷ По данным Г. Адлерфельта, шведы загвоздили 15 пушек, найденные ими в крепости. Adlerfeld G. The Military History of Charles XII, King of Sweden. Vol. II. London, 1740. P. 105.
- ¹⁸ Koskinen Y. Lähteitä ison vihan historiaan. S. 103–104.
- ¹⁹ Согласно Походному журналу 1704 года – 21 сентября.
- ²⁰ Походный журнал 1704 года. С. 6.
- ²¹ В тексте письмо адресовано «Ивану Степановичу», вероятно, имеется в виду дьяк при Олонецкой верфи Иван Степанович Топильский // Информационная полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» / Сост. А. В. Захаров [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=8125 (дата обращения 29.11.2018).
- ²² Сермакс – д. Сермакса Лодейнопольского р-на Ленинградской обл.
- ²³ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 34. Л. 219об.
- ²⁴ В статье М. В. Пулькина указана суммарная численность двух полков 600 человек.
- ²⁵ Сердоболь – совр. г. Сортавала РК.
- ²⁶ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 34. Л. 219 об.
- ²⁷ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1 Д. 34. Л. 219 об.–220.
- ²⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 456. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–2об.
- ²⁹ Архив С.-Петербургского института истории (СПБИИ) РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 533. Л. 1.
- ³⁰ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной Войне. Вып. 1. Кн. 3. СПб., 1912. С. 33–36.
- ³¹ О походе вспоминали поручик И. С. Болобанов, солдаты А. В. Ярославцев и Ф. В. Титов.
- ³² О походе вспоминал майор И. М. Тургенев.
- ³³ О походе вспоминали капитан Н. Шипов, ротный писарь Д. Наумов, капитенармус Я. К. Халевин, солдаты Р. Д. Юдин, Г. М. Пролубщиков и В. М. Перевалов.
- ³⁴ В письмах, адресованных А. Д. Меншикову, дата прихода отряда к Сортавала – 27 января, в «Журнале шведских служб... 1700–1706 годов» – 21 января. Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра. С. 35.
- ³⁵ Ведомости. Москва. 16 февраля 1703. Л. 1 // Электронный фонд РНБ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://leb.nlr.ru/fullpage/2958/Ведомости> (дата обращения 29.11.2018).
- ³⁶ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 534. Л. 2об.
- ³⁷ Попали в плен: фелтфебель – 1, сержантов – 2, капралов 4, рейттар – 20, драгун – 17, солдат – 5, мызник – 1; пастор с женой, мастер разных языков с женой. Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 533, 534, 536.
- ³⁸ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 534. Л. 4.
- ³⁹ Там же. Л. 1.
- ⁴⁰ Ведомости. Москва. 16 февраля 1703. Л. 1 // Электронный фонд РНБ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://leb.nlr.ru/fullpage/2958/Ведомости> (дата обращения 29.11.2018).
- ⁴¹ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 534. Л. 2об; Частично процитировано в статье М. В. Пулькина.
- ⁴² Пялькъярви – совр. пос. Пуйккола Сортавальского р-на РК; Китеэ – город на юго-востоке Финляндии.
- ⁴³ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра. С. 35.
- ⁴⁴ Низовой – поволжский.
- ⁴⁵ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 533. Л. 1–2об.
- ⁴⁶ Рииска – совр. пос. Заостровье Приозерского р-на Ленинградской обл.
- ⁴⁷ Adlerfeld G. The Military History of Charles XII. P. 118; Бородкин М. М. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 81.
- ⁴⁸ В своих сказках о походе упомянули майор Иван Микишин «...с шаутенбенахтом в разных походах», поручик «иноземец новокрещенный» Алексей Валмасов: «...был с Боцисом в море и Ладожском озере, на островах», прaporщик Федот Макшиев: «...в 707 году с Шаутбенахтом на Ладожском озере». РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 28. Л. 402–403.
- ⁴⁹ Поручик Фальк – Матиас Фалькенбург. РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 134. Л. 7.
- ⁵⁰ Там же. Л. 7–7об.
- ⁵¹ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 134. Л. 7об.
- ⁵² Там же. Л. 7–7об.
- ⁵³ Там же. Л. 8–11.
- ⁵⁴ Там же. Л. 8–11; Д. 21. Л. 17–18.
- ⁵⁵ Лендера – поселок в Муезерском р-не РК.
- ⁵⁶ Кимоваара – поселок в Муезерском р-не РК.
- ⁵⁷ Вероятно, побережье озера Аймозеро.
- ⁵⁸ Вероятно, имелось в виду селение Кухмо на северо-востоке современной Финляндии.
- ⁵⁹ Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2962. Л. 1–1об.
- ⁶⁰ Там же. Д. 3031. Л. 1–1об.; Оп. 2. Д. 1. Книга копий № 6. Л. 150–150об.
- ⁶¹ Кайпаанкюля – совр. северная часть города Суоярви РК.
- ⁶² Архив СПБИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1 Д. 3031. Л. 1–1об.; Оп. 2. Книга копий № 6. Л. 150–150об.
- ⁶³ РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1 Д. 37. Л. 125.
- ⁶⁴ Там же. Л. 309.
- ⁶⁵ Книга Марсова или Воинских дел. СПб., 1766. С. 94–95; Journal uppå det som är Passerad weed Kiexholms Belägring åhr 1710 // Karolinska Krigares Dagböcker jämte andra samtida skrifter. Lund, 1916. S. 146.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беспримечательный Ю. Н. Борьба крестьянства Восточной Финляндии в конце XVII в. // Вопросы политической истории СССР: Сборник статей аспирантов и соискателей Ин-та истории СССР. М.; Л., 1977. С. 150–155.
- Беспримечательный Ю. Н., Коваленко Г. М. Карелия при Петре I. Петрозаводск, 1988. 143 с.
- Гистория Свайской войны / Сост. Т. С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. 631 с.

4. Даников М. Ю. Зона Ингерманландского противостояния (О малоизвестной атаке шведского города Sordawall в 1705 году) // Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 235–253.
5. Жуков А. Ю. Система расселения и административно-территориального деления Приладожской Карелии (XII–XVIII века) // Труды КарНЦ РАН. 2011. № 6. С. 72–79.
6. Иванюк С. А. Малая война в стратегии и тактике русской армии на первом этапе Северной войны (осень 1700 – лето 1709 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014. 395 с.
7. Мегорский Б. В. Реванш Петра Великого. Взятие Нарвы и Ивангорода русскими войсками в 1704 году. М., 2016. 203 с.
8. Мельнов А. В. Климат и военные действия на Северо-Западе в начале Северной войны (1700–1710) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3 (148). Т. I. С. 29–34.
9. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия: Сборник документов: В 2 т. / Сост. К. В. Татарников. М., 2015. 2754 с.
10. Петров а М. И. Демография Кирьяжского погоста в период шведского завоевания в XVI–XVII вв. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 80–90.
11. Прокуров а М. Е. «Из определенных к Остзеею»: гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 179 с.
12. Пулькин М. В. Карелия в русско-шведских войнах XVIII в. // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2004 г.). СПб., 2005. С. 43–53.
13. Рабинович М. Д. Полки петровской армии 1698–1725: Краткий справочник. М.: Сов. Россия, 1977. 112 с.
14. Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы: Сборник документов. Т. I. (1700–1709 гг.) / Под ред. Л. Г. Бескровного, Г. А. Куманева. М.: Объединенная редакция МВД РФ Кучково поле, 2009. 527 с.
15. Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700): формирование, функционирование, наследие: исторические очерки. СПб., 2014. 431 с.
16. Непгиксон Н. Ukrainian Cossacks and other prisoners of war in Sweden during the Great Northern War (1700–1721) // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 16. К.: Інститут історії України НАНУ, 2016. С. 247–262.
17. Imonen T. Kurkijoen seutu Ruotsin vallan aikana vv. 1570–1710 // Kurkijoen kihlakunnan historia. Vol. II. Helsinki, 1958. 366 s.
18. Jutikkala E. The Great Finnish Famine in 1696–1697 // The Scandinavian Economic History Review. 1955. P. 47–63.
19. Karjala 4, Karjalan vaiheet / Toimittaja M. Haapio, Y. Mäkinen. Hämeenlinna: Karisto, 1983. 463 s.
20. Käkisalmen historia: Käkisalmen kaupungin ja maalaiskunnan vaiheita / E. Kuujo, E. Puramo, J. Sarkanen. Lahti: Käki-säätiö, 1958. 985 s.
21. Melnov A. “Väikese jääaja” mõju Ingeri- ja Liivimaa sõjaväljadele Põhjasõja aastatel 1700–1704 // Piir ja Jogi – Piirijogi. Uurimus Narva piirkonna ajaloost. Narva museum toimetised 15. Narva, 2014. S. 123–128.
22. Mietoma S. Suurten kuoluvuosien (1696–1697) väestömenetys Suomessa. Helsinki, 1991. 306 s.
23. Rajoilta randamille: Salmi ja salmilaiset 1617–1948 / Toim. J. Kokkonen. Kuopio: Salmi Säätiö, 2015. 655 s.
24. Ranta R. Kaakkos-Suomi sodan varjossa 1700–1709 // Historiallinen arkisto. Vol. 90. Helsinki, 1987. 127 s.
25. Ranta R. Viipurin komendanttikunta 1710–1721. Helsinki, 1987. 479 s.
26. Sortavalan kaupungin historia / E. Kuujo, J. Tiainen, E. Karttunen. Helsinki: Sortavalaisen seura, 1970. 485 s.

Melnov A. V., Vyborg State Museum (Vyborg, Russian Federation)

THE GREAT NORTHERN WAR IN LADOGA KARELIA (1700–1710): WAR AND LOCAL POPULATION

The goal of the article is to study the relationship between local population and the Swedish and Russian armies in Ladoga Karelia during the Great Northern War (1700–1710). The novelty of the study is that it is based on the analysis of Russian, Finnish and Swedish historiography and uses microhistorical approach. Besides some descriptions of the less known episodes of military history, the article also considers the problematic relationship between the Swedish and Russian armies and local population of different religious denominations. Some campaigns of the Swedish army against the “Kondu sconce” in September 1704 as well as Pyotr Apraxin’s campaign in Sortavala in February 1705 are also analyzed here. The article provides a review of the sea raids of Russian fleet in 1707 and 1708 around the northern coast of Ladoga Lake. Mass migration and religious conflicts led to the desertedness of this area. This situation strongly influenced the Orthodox and Lutheran population of the region. Yet the majority of the local population continued to live in Kexholm län (county) after the transition of power to Russian military administration.

Key word: Great Northern War, Ladoga Karelia, Sortavala, Salmi, Kondu sconce, petty warfare, Karelia in the XVIII century

ACKNOWLEDGMENTS

The author would like to express his sincere gratitude to a Swedish historian Håkan Henriksson for sharing a “Kondu sconce” photograph, taken during his work in the Military Archives of Sweden.

REFERENCES

1. Беспыятых Ю. Н. Class struggle of Eastern Finland peasantry in the late XVII century. *Voprosy politicheskoy istorii SSSR: Sbornik statey aspirantov i soiskateley In-ta istorii SSSR*. Moscow, Leningrad, 1977. P. 150–155. (In Russ.)
2. Беспыятых Ю. Н., Коваленко Г. М. Karelia under Peter the Great. Petrozavodsk, 1988. 143 p. (In Russ.)
3. History of the Great Northern War. (T. S. Majkova, Comp.). Issue 1. Moscow, 2004. 631 p. (In Russ.)

4. D a n k o v M. Yu . Area of Ingermanlandian confrontation (a little-known attack on a Swedish town Sordawall in 1705). *Trudy Sed'moy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 18–20 maya 2016 goda*. Part II. St. Petersburg, 2016. P. 235–253. (In Russ.)
5. Z h u k o v A. Yu . The system of settlement and the administrative division of Ladoga Karelia between the XII and the XVIII centuries. *Trudy KarNTs RAN*. 2011. No 6. P. 72–79. (In Russ.)
6. I v a n y u k S. A. Petty warfare in the strategy and tactics of the Russian army during the first period of the Great Northern War (from the autumn of 1700 to the spring of 1709): Diss. Cand. Sci. (History). Volgograd, 2014. 395 p. (In Russ.)
7. M e g o r s k i j B. V. The revanche of Peter the Great. Taking of Narva and Ivangorod by Russian troops in 1704. Moscow, 2016. 203 p. (In Russ.)
8. M e l 'n o v A. V. Northwestern climate and military hostilities during the early period of the Great Northern war (1700–1710). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015. No 3 (148). Vol. I. P. 29–34. (In Russ.)
9. Officers' rolls of the first quarter of the XVIII century. Field army: Compendium of documents in 2 parts. (K. V. Tatarnikov, Comp.). Moscow, 2015. 2754 p. (In Russ.)
10. P e t r o v a M. I. Demography of the Kiryazh Pogost during the Swedish invasion in the XVI and the XVII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018. No 5 (174). P. 80–90. (In Russ.)
11. P r o s k u r y a k o v a M. E. “The assigned to the Ostsee”: the garrisons of Vyborg and Kexholm fortresses in the first half of the XVIII century. Petrozavodsk, 2012. 179 p. (In Russ.)
12. P u l 'k i n M. V. Karelia during the Russian-Swedish wars of the XVIII century. *Sankt-Peterburg i Strany Severnoy Evropy: Materialy shestoy ezhegodnoy nauchnoy konferentsii (14–16 aprelya 2004 g.)*. St. Petersburg, 2005. P. 43–53. (In Russ.)
13. R a b i n o v i c h M. D. The regiments of Peter the Great's army between 1698 and 1725. Moscow, 1977. 112 p. (In Russ.)
14. The Great Northern War (1700–1721). Commemorating the 300th anniversary of the Poltava victory. Compendium of documents. Vol. I. (1700–1709). (L. G. Beskrovnoi, G. A. Kumanova, Eds.). Moscow, 2009. 527 p. (In Russ.)
15. S e l i n A. A. The Russian-Swedish border (1617–1700): formation, functioning, heritage: historical essays. St. Petersburg, 2014. 431 p. (In Russ.)
16. H e n r i k s s o n H. Ukrainian Cossacks and other prisoners of war in Sweden during the Great Northern War (1700–1721). *Україна в Центрально-Східній Європі*. Вип. 16. К., Інститут історії України НАНУ, 2016. С. 247–262.
17. I m m o n e n T. Kurkijoen seutu Ruotsin vallan aikana vv. 1570–1710. *Kurkijoen kihlakunnan historia*. Vol. II. Helsinki, 1958. 366 p.
18. J u t i k k a l a E. The Great Finnish Famine in 1696–1697. *The Scandinavian Economic History Review*. 1955. P. 47–63.
19. Karjala 4, Karjalan vaiheet. Toimittaja M. Haapio, Y. Mäkinen. Hämeenlinna, Karisto, 1983. 463 p.
20. Käkisalmen historia: Käkisalmen kaupungin ja maalaiskunnan vaiheita. E. Kuujo, E. Puramo, J. Sarkanen. Lahti, Käkisäätiö, 1958. 985 s.
21. M e l n o v A. “Väikese jäääaja” mõju Ingeri- ja Liivimaa sõjaväljadele Põhjasõja aastatel 1700–1704. Piir ja Jogi – Piirijogi. Uurimus Narva piirkonna ajaloost. Narva museum toimetised 15. Narva, 2014. P. 123–128.
22. M u r o m a S. Suurten kuolovuosien (1696–1697) väestönmenetys Suomessa. Helsinki, 1991. 306 p.
23. R a j o i l d a r a n d a m i l : Salmi ja salmilaiset 1617–1948. Toim. J. Kokkonen. Kuopio, Salmi Säätiö, 2015. 655 p.
24. R a n t a R. Kaakkois-Suomi sodan varjossa 1700–1709. Historiallinen arkisto. Vol. 90. Helsinki, 1987. 127 p.
25. R a n t a R. Viipurin komendantikunta 1710–1721. Helsinki, 1987. 479 p.
26. Sortavalan kaupungin historia. E. Kuujo, J. Tiainen, E. Karttunen. Helsinki, Sortavalaisen seura, 1970. 485 p.

Поступила в редакцию 03.12.2018

ИРИНА НИКОЛАЕВНА РУЖИНСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

rin@petrsu.ru

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПЕТРА I В КОНТЕКСТЕ ВИТАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Рассматривается такой феномен личности Петра I, как религиозность. Актуальность и новизна исследования состоит в операционализации подхода – применении методики копинга. Анализируются особенности религиозности Петра I на примере витальной ситуации шторма на Белом море 1694 года. Через воздействие стрессора выявляются факторы религиозного копинга как способа адаптивности личности к витальным условиям. Документальный корпус работы представлен опубликованными источниками. В ходе исследования выявляют копинг-механизмы, транслируемые Петром I в стрессовый и постстрессовый периоды: копинг-ресурсы, копинг-стратегии и копинг-поведение. Автор делает вывод, что витальная ситуация демонстрирует не формальный, а достаточно глубокий уровень религиозности молодого монарха. Но в структуре его религиозности доминировал поведенческий компонент. Выражением этого стали действия Петра I во время шторма и при спасении на территории Пертоминского монастыря. Отличительным свойством личности молодого монарха можно признать высокий ресурс жизнестойкости. Сочетание этих факторов утвердило Петра I в дуализме результата спасения как взаимодействия Бога и Его помазанника (вертикальный копинг). Такая стратегия укрепила монарха в данности Божьего благословения на земные дела христианского самодержца. Примером совместного (горизонтального) копинга в этой ситуации стали взаимоотношения монарха с епископом Афанасием (Любимовым) и лоцманом Антипой. Пример данной витальной ситуации демонстрирует религиозность Петра I в конкретный период его жизни. Для изучения эволюции религиозности необходимо привлечение комплекса аналогичных факторов в иных чрезвычайных ситуациях (война, борьба за власть, потеря близких), а также условиях повседневности. В этом случае можно будет исследовать религиозность Петра I наиболее полно.

Ключевые слова: Петр I, религиозность, копинг, Пертоминский монастырь, православие

Феномен религиозности сегодня в приоритете научного интереса. Свидетельством этого являются работы психологов, социологов, религиоведов, исследующих типологию, структуру, содержание и признаки религиозности человека. Разработаны эффективные методики диагностики при оценке индивидуальной религиозности. При этом дискуссионным остается вопрос, что такое религиозность; нет единства в понимании основных характеристик, определяющих ее [13: 140]. Домinantным объектом научного изучения является религиозность современного человека, анализируемая посредством опросов, тестов, анкет. Для понимания религиозности как вида воздействия религии на сознание и поведение человека в исторической ретроспективе требуется междисциплинарная методология, но иной аналитический материал. При этом особая сложность, на наш взгляд, состоит в реализации принципа объективности, поскольку исследователя и исследуемого могут разделять религиозная дифференциация, секулярность сознания и мировоззренческая рациональность. Пример тому – противоречивость оценок религиозности российского императора Петра I [1], [3], [5], [8],

[9], [10], [17]. Подобная дискуссионность объясняется множеством факторов, важнейшим из которых является специфичность источникового массива. Документальный корпус, на основании которого можно делать выводы о религиозности Петра I (вне области государственной церковной политики), ограничен, тенденциозен, неинформативен. В огромном эпистолярном наследии Петра I ничтожное число размышлений о вере, но множество фразеологизмов со словом «Бог», что недостаточно для убедительного исследования религиозности монарха. Упоминания современников Петра I об этой стороне личности монарха (А. К. Нартов, Я. Я. Штелин, Ю. Юль), на наш взгляд, не достаточно репрезентативны. Религиозность как качество личности, формируемое посредством религиозной деятельности, феномен динамичный, зависимый от влияния множества факторов, но соотносимый с конкретным моментом в жизни человека. О религиозности человека можно судить по тому, насколько полно реализуется его взаимоотношение с Богом: в его познании Божественной Истины, в общении с Ним через молитву, в служении Богу [15].

Судить о религиозности Петра I по формальному признаку его статуса так же безосновательно, как утверждать, что первичная религиозность государя, сформированная традициями семьи и религиозным образованием, обеспечила ему глубокое религиозное мировоззрение на всю жизнь. В этой связи нами выдвинута гипотеза о возможности применения методики копинга как индивидуального способа взаимодействия человека со стрессовой ситуацией в соответствии с уровнем религиозности личности через эмоции и поведение [18], [19]. Для получения эмпирических данных использовался информационный ресурс первичных (письма и распоряжения Петра I) и вторичных (работы И. Добровольского, И. Легатова, А. Приклонского) источников. В качестве примера рассмотрена витальная ситуация бури на Белом море, настигшей яхту монарха «Святой Петр» в июне 1694 года. Цель исследования – рассмотрение религиозности Петра I через копинговый механизм как способ совладающего поведения личности в условиях витальной ситуации. Данная разновидность копинга определяется как религиозно обоснованные «ответы» на стрессоры, как способ совладающего поведения, выполняющий защитную функцию [20]. Эта модель копинга является своеобразной иллюстрацией «работы» религии в процессе совладания личности с чрезвычайной ситуацией. При этом виды религиозного копинга у верующих могут быть различны. Религиозность создает общий адаптивный настрой («С нами Бог»), но в зависимости от особенностей личности может иметь как мобилизующий, так и дезорганизующий импульс на стрессоры. Успешность адаптации связана с наличием целевой психологической установки на реальную поставленную задачу [15: 144]. В случае «подчиненного» варианта решение проблемы предоставлено исключительно «воле Божьей». При «самостоятельном» варианте – как результат собственного волевого усилия. «Совместный» вариант – это пример «соработничества» религиозной личности и Бога, усилие двух «воль». Религиозный копинг позволяет выявить смысловые пространства религиозности: защиту, адаптацию, преобразование, сакрализацию, социализацию. В свою очередь религиозность можно рассматривать, на наш взгляд, как ресурс совладания личности со стрессором.

В процессе жизнедеятельности Петр I постоянно сталкивался с чрезвычайными обстоятельствами: военные конфликты, потери родных и близких ему людей. Многие из ситуаций носили витальный характер, сопровождаясь реальной угрозой жизни монарха. При этом копинг-ресурс его личности в детские и юношеские годы формировался под воздействием комплекса драматичных обстоятельств борьбы за власть, поэтому персональный опыт Петра по освоению

религиозного мира не был гармоничным. Религиозность личности начинается с отождествления себя в религиозной системе [11: 95]. Идентификационный компонент религиозности – база, создающая предпосылки формирования веры. Первоначальная религиозная социализация Петра носила поверхностный характер, а ее углублению помешали события 1682 года (венчание на царство в обход старшего брата – стрелецкий бунт – помазание на царство Ивана и Петра). Юный царь получил благословение на царство. Божьему помазаннику была дарована пред Господом задача так управлять страной, чтобы помочь народу спасти свои души от погибели и стать ближе к Царству небесному. Но гармоничное вхождение в религиозный мир возможно, если за шагом осознания принадлежности к религии личность делает шаг принять религиозные идеалы социума в свое мировоззрение и реализовать их в собственной жизни [11: 96]. Однако юный Петр стал свидетелем «мертвенности», «лжи» и «фарисейства», когда те, кто позиционировал себя «християнами», совершили смертные грехи и предали помазанника. Конфликт декларируемого с реальным особенно опасен, на наш взгляд, при формировании религиозного чувства детей и подростков. Такое разочарование влечет за собой скепсис, нигилизм, девиантность и недоверие к институту Церкви. Таким образом, формирование религиозности Петра I шло при осознании «Богопоставленности», но «оставленности» теми, в ком монарх надеялся видеть «ближних».

Своими дальнейшими поступками Петр искал, на наш взгляд, подтверждения «Богоприсутствия», того, что Господь не оставляет своего помазанника. Этот «диалог» стал основой копинг-ресурса Петра и доминантой в эволюции религиозности царя от первичной к осмысленно-личностной. Но эта перемена происходит тогда, когда человек накопил опыт страданий и неудач [6]. Такой «опыт» предопределил двойственность характера религиозности Петра I. В случае публичности его религиозность проявлялась «ситуативно», как часть статусного ритуала «помазанника Божия». На приватном уровне она носила характер сознательной латентности. Надо признать, что подобная «избирательность» религиозности Петра в повседневной жизни – явление достаточно современное [7]. Личность сама выбирает те знания и культовые нормы поведения из традиционной религиозности, которые кажутся ей цennыми, полезными, и игнорирует то, что считает «пережитком» [2].

В случае чрезвычайных обстоятельств религиозность Петра I актуализировалась, что доказывает его поведение во время и после морской бури, 1–2 июня 1694 года. Знакомство государя с морской стихией состоялось за год до этого. Именно тогда, нарушив обещание, данное матери, молодой Петр впервые вышел в открытое

море. Для человека, чье мировоззрение формировалось под впечатлением библейских текстов, восприятие моря было не только рациональным, но глубоко сакральным. «Великая и пространная» водная стихия – это часть тварного Божьего мира, в котором «корабли преплавают» (Пс. 103: 23) как свидетели творческой силы человека. Библейские цари (Ной, Соломон, Иоасаф) были творцами великих кораблей. Петр, как помазанник Божий, уподобляется им, инициируя строительство яхты «Святой Петр». Готовясь к посещению Севера, он сравнивал себя с Ноем [11: 18–19]. При этом 1694 год начался для государя с чрезвычайной ситуации – потери матери. Петр любил мать, но в его религиозности земное сиротство нашло замещение Божественным «усыновлением». Молодой государь – неопытный мореход, но Отец небесный управляет кораблями, показывая, что может от всего спасать, «хотя бы кто отправился в море и без искусства» (Прем. 14: 3–4). Ощущая себя в числе «пасты» Матери Божьей, «почто печаловаться», ведь «мир сохраняет Господь Ее молитвами и представительством»¹. Такой подход – свидетельство высокой адаптивности молодого Петра, который не «застревал» в переживании «беды», а совмещал искреннюю религиозность молодости с энтузиазмом к делам земным.

Отслужив молебен «на начало доброго дела», яхта государя вышла в Белое море. Это был небольшой (17, 28 м) одномачтовый военный корабль «представительского» класса с прямыми и косыми парусами. За образец постройки был взят голландский аналог. Голландские же мастера, П. Бас и Г. Янсен, руководили строительством судна на соломбальской верфи Архангельска [4]. Корпус яхты был выполнен из сосны с двухслойной обшивкой, крепеж – из кованого железа, руль – из дуба. За мачтой располагался фор-люк и кубрик команды. Каюта капитана и апартаменты царя находились в кормовом балконе. На случай военной опасности яхта имела 12 чугунных гладкоствольных пушек, а на случай шторма – бортовые шверцы, обеспечивающие яхте большую устойчивость. В поездке государя сопровождал архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий (Любимов) «с двумя домовыми людьми, ризницей и припасами»², а также члены команды.

Самоидентификация Петра, отправляющегося на Соловки, соотносима с «духовным деланием» паломника. По окончании путешествия он пишет брату Ивану о выполненном «залоге» поклонения святым мощам чудотворцев Зосимы и Савватия, а «по их молитвам и поспешению Божию» – благополучном возвращении в Архангельск³. Интересно, что о самом шторме Петр не упоминает вообще. На самом деле буря, внезапно случившаяся на море близ Унской губы, сделала ситуацию практически неуправляемой. Шквальный ветер, мешающий яхте маневрировать, сопровождался

проливным дождем и минимальной видимостью. Огромные буруны обрушивали на корабль тонны пенящейся холодной воды. Сильная качка, гул от волн и ветра делали картину апокалиптической. Чрезвычайность ситуации усугублялась нахождением на судне российского царя при невозможности предотвращения стихийного бедствия. И хотя шкала Б. Бофорта по определению силы шторма тогда еще не существовала, но с рациональной точки зрения комплекс внешних обстоятельств и технический потенциал яхты «Святой Петр» должны были привести к трагичной гибели людей.

Специфика религиозного мировоззрения позволяет сместить восприятие стрессора в сторону поиска Божественного смысла происходящего, формируя потенциал религиозного копинга.

По воле Божьей восстал бурный ветер, высоко поднимая волны, восходящие до небес и нисходящие до бездны... Он превращает бурю в тишину, и волны умолкают. И веселятся, что они утихи, и Он приводит их к желаемой пристани. Да славят Господа за милость Его и за чудные дела Его для сынов человеческих (Пс. 106: 23–31).

Реальность шторма, в который попала яхта государя, удивительным образом перекликалась с ветхозаветным текстом (Иона 1: 4–9). Пророк Иона вошел в корабль «по слову» Господа – царь Петр следовал в сакральное пространство Соловецкого монастыря. Господь воздвиг такую бурю, что корабль с Ионой сильно «бедствовал» и «убоявшаяся корабелница». Не менее драматичной была буря, захватившая корабль Петра. Молодой государь не имел опыта выхода из подобных ситуаций, но в его действиях отсутствовала паника. По свидетельству очевидцев, во время бури Петр был спокоен – «ободрял всех» и «не чувствовал ярости моря». Владыка Афанасий совершил молебен, все молились о спасении, но угроза жизни людей была настолько высока, что Петр I исповедовался и причастился Святых Тайн из Дарохранительницы архиепископа. То, что такая ситуация может произойти, владыка предполагал, ведь за десять лет до этого корабль архиепископа попал в аналогичную беду, и в этом же месте. Напор волн был тогда настолько силен, что кормщику невозможно было удерживать руль, и его сбросило в море – все были в ужасе⁴. Помимо владыки, опыт выхода из подобных ситуаций был и у лоцмана Антипы Панова. Библейский текст повествует о диалоге Ионы и кормчего: «...моли Бога твоего, яко да спасет нас Бог, да не погибнем» (Иона 1: 10–14). Между царем и лоцманом Антипой также был диалог, свидетельствовавший о готовности обоих взять на себя инициативу по спасению людей. Интересно, что в этой ситуации Петр продемонстрировал достаточный ресурс личной жизнестойкости: убежденность, оптимизм, недопущение паники, готовность к активному преодолению трудно-

стей. Таким образом, копинг-стратегии Петра в период шторма – это пример сочетания адаптивных механизмов. С одной стороны, пример религиозного копинга через молитву, исповедь, причастие, а с другой – вариант рационального копинга через самоконтроль и консолидацию общих усилий. В копинг-поведении Петра результат спасения рождался как акт соработничества Богу, как взаимодействие двух воль и двух усилий – Бога и Его помазанника («На Бога надейся, да и сам не плошай»). В данной ситуации Петр I продемонстрировал способность к социальной поддержке и совместному копингу. Это обстоятельство доказывает преобладание социальной религиозности у молодого Петра.

Если усилия владыки были направлены на духовное спасение царя, то инициатива опытного лоцмана – на рациональный вывод яхты из эпицентра шторма в бухту Унской губы. Каждому, кто ходил по Белому морю, это место было известно не только удобной гаванью, но и глубоким сакральным значением. Здесь останавливались богомольцы, следовавшие «по завету» к соловецким святыням. Объектом посещения паломников была часовня, возведенная в 1599 году над «гробами» праведных Вассиана и Ионы. Эти соловецкие иноки погибли в водах Белого моря, но место их погребения положило начало созданию православной пустыни. Среди поморов Вассиан и Иона почитались как «помощники» всякому, кто терпел бедствие на море⁵. Лоцман Антипа не мог не знать о духовном значении этого места. Посредством энергичной деятельности строитель монастыря, иеромонаха Михаила Харзеева, об «учениках святителя Филиппа» стало известно царю Федору Алексеевичу Романову, а впоследствии – царевне Софье.

Пройдя каменные корги Унской губы, 2 июня 1694 года яхта Петра I встала на якорь вблизи Пертоминского монастыря. Здесь государь пробыл до 6 июня: днем осматривал обитель, а к ночи возвращался на корабль. Петр был в этом месте впервые, но опосредованное участие монарха в развитии монастыря относилось ко времени его детства и юности. Поездки Михаила Харзеева в Москву способствовали притоку значительных пожертвований царского дома и «казенных средств». Грамоты от имени царей Иоанна и Петра позволили монастырю «дышать довольством и деловитостью», но втянули обитель в сложную сферу борьбы за власть между Милославскими и Нарышкиными. Щедрыми пожалованиями верховной власти монастырь получил рыбные и звериные ловли, тони, покосы, солеварнику, налоговые льготы, стройматериалы на постройку каменной церкви [12], [16]. Благодаря такой помощи строительство Успенского храма, архитектурной доминанты Пертоминского монастыря, завершилось за два года до приезда сюда Петра.

Поведение Петра в монастыре – свидетельство религиозности монарха, пережившего витальную ситуацию. Это выразилось в острой эмоциональной реакции государя на происходящее, деятельной активности и повышенной впечатлительности. По случаю спасения в Преображенском храме монастыря служился благодарственный молебен Всемилостивому Спасу, а 5 июня – торжественное празднество. Накануне за всенощным бдением Петр пел на клиросе; утром во время литургии читал Апостол. Оказавшись свидетелем явного «чуда», Петр стал инициатором официального прославления пертоминских праведников, благодаря «заступничеству» которых пред Господом государь остался жив. Примечательно, что в истории православной России XVII века канонизация Вассиана и Ионы стала последней. Можно предположить, что в факте своего спасения молодой царь увидел доказательство святости людей, о прижизненных подвигах которых не осталось свидетельств, но чьим мощам по смерти присуща чудодейственная благодать Святого Духа. Отслужив благодарственный молебен в Преображенском храме, Петр «почил долгом извлечь мощи» пертоминских праведников из земли и «положить в храме для всенародного чествования»⁷. Архиепископ Афанасий при участии царя исследовал останки одного из обнаруженных праведников, и после «должного приготовления дело это было совершено по церковному чиноположению»⁸. Хотя владыка признал мощи за святые, но между ним и Петром возникло «разномысление». В чем причина такой неуступчивости, можно только предполагать. Процесс канонизации требовал соблюдения канонических норм: наличия прижизненных сведений о праведниках, «нетление» останков, факты «чудотворений», которые совершались при их «гробах» или от их мощей. Церковная практика рубежа XVII–XVIII веков с большой осторожностью относилась к канонизации новых святых. Однако в случае с пертоминскими чудотворцами решающим фактором стала воля самого монарха, ставшего прямым свидетелем «чуда» и убедившегося в наличии мощей при недостатке достоверных биографических сведений о прославляемых. Основу «Сказаний» о пертоминских чудотворцах составили посмертные явления и чудеса, совершаемые по молитвам к ним. Это был типичный культ народных святых, складывавшийся на месте погребения монахов, о которых до этого ничего не знали. На волне деканонизационных процессов борьбы с «невежеством» и «суевериями» – единственный в тот период пример, когда прichtение к лицу святых состоялось по инициативе и при непосредственном участии Петра I [14]. Санкция монарха на канонизацию Вассиана и Ионы свидетельствует об искренней и осознанной религиозности молодого Петра.

Еще одним свидетельством религиозности государя стал четырехконечный крест. По преданию его изготовил, принес и поставил сам Петр. По типологии поклонных крестов можно предположить, что это был памятный крест, который воздвиг государь в благодарность Богу и его пертоминским угодникам за свое спасение: «Рече Господь: Аще кто хощет по мне идти, да отвергнется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет» (Лк 9: 23). Интересна надпись на кресте, дошедшая до нас по вторичным источникам: «DAT KRUYS MAKEN KARTEIN PITER VAN. A. СНТ. 1694» (Сей крест поставил капитан Петр, в лето Христово 1694). Если признать за Петром авторство текста, то личностный диалог с Богом вел не российский монарх, а голландский капитан, живший в пространстве европейского летоисчисления.

Существенным вкладом в развитие Пертоминской обители стали денежные и материальные пожертвования Петра I: 2000 гривен на строительство монастырской ограды и братских келий, 600 – на содержание братии, свечи и красное вино для церковных нужд, рыбные и звериные ловли, колокол работы Альберта Беннинга⁹. Специальный офицер, посланный царем, должен был курировать ход строительных работ. Реализовать задуманное удалось отчасти. В обители появился каменный братский корпус и 20 сажень ограды с двумя башнями. Архив монастыря, описанный А. П. Приклонским, не оставил следов визита государя, только запись о царском пожертвовании 50 рублей на строительство монастырской ладьи. Петр был верен себе и всюду думал о флоте¹⁰. Грань витальной ситуации для религиозности человека зачастую становится ступенью духовного восхождению. Анализ произошедшего события свидетельствует, что эмоционально-волевые качества Петра взаимодействовали с характером его религиозности. Однако назвать ее «рубежной» (я «до» и я «после») у нас нет основания. Как свидетельствуют письма Петра, о пережитой буре он помнил всю жизнь¹¹. Свою религиозность Петр проявил акционально. Это была благодарность за спасение Богу (молебны, службы, крест), его угодникам (прославление Вассиана и Ионы), людям (вознаграждение лоцмана Антипы и братии монастыря). Спасение помазанника Божьего в водах Белого моря Петр воспринял как божественное благословение на «соработничество» Творцу в делах земных. Осознанием того, что перед Богом можно оправдаться честным исполнением своего дела, Петр рационализировал личностную религиозность, сделал ее логичной и практической [5: 82]. Субъектно-бытийный взгляд на личность монарха позволяет признать, что Пертоминский Спасо-Преображенский монастырь стал местом спасения Петра, свидетелем его религиозности и мужества, но не его Преображения. Призыв Христа «ищите прежде

Царства Божия и Правды Его» (Матф. 6: 31–33) был услышан Петром, но воплотился в созидании царства земного.

Если царские «милости» последней трети XVII века способствовали расцвету монастыря, то с началом XVIII века «монастырь сжался к своему ядру»¹². Это было вызвано комплексом факторов – падением цен на соль, подорожанием заготовки дров, усилением финансового бремени, вызванного преобразованиями Петра. Свою негативную роль сыграла и деятельность Монастырского приказа. Без соляных и жалованных денег приходилось «измышлять» новые статьи доходов. Помня милостивое отношение Петра I к обители, братия подала государю несколько челобитных. Последняя попытка взывания к царской милости относилась к 1719 году, но и она обернулась «разбитыми надеждами»¹³. В 1723 году был инициирован процесс меморизации яхты: «Ежели той яхты, хотя остатки найдутся, то оные извольте в удобном месте поставить и приказать беречь»¹⁴. Но при осмотре судно нашли непригодным. Без должного ухода оно развалилось к 1730 году.

На сегодняшний день своеобразными памятниками былой религиозности Петра остались агиографический комплекс и служба преподобным Вассиану и Ионе¹⁵, их мощи, прославленные по инициативе молодого царя, и памятный крест¹⁶. Аллегорическим возвращением Петра I в Поморье стало появление реплики государевой яхты «Святой Петр».

Таким образом, применение методики копинга позволяет исследовать религиозность личности Петра I применимо к конкретной витальной ситуации. Идея «Богопоставленности» стала основой копинг-ресурса молодого монарха. Мировоззренческий феномен «верую» лежал в основе его копинг-стратегий и реализовался в действиях копинг-поведения. Убеждение в существовании коммуникации «помазанник – Бог» обеспечило стрессоустойчивость в витальной ситуации. Религиозность личности наряду с рациональностью были копинговыми механизмами личности Петра по выходу из витальной ситуации. Типология религиозного совладания государя – это сочетание внутренних религиозных убеждений с социальным взаимодействием (горизонтальное совладание) и сакральным «диалогом» (помазанник – Творец). Инициатива Петра в прославлении пертоминских праведников свидетельствует, что свое спасение государь относил не только Божьей воле, но и заступничеству Его угодников – Вассиана и Ионы Пертоминских. Таким образом, копинговый механизм дает возможность анализа религиозности личности в условиях конкретной витальной ситуации. Однако для понимания феномена религиозности в динамике необходимо исследование копинг-механизмов совладающего поведения в комплексе подобных ситуаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Петр I (имп.). Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I. СПб.: Государственная типогр., 1887. С. 15–16.
- ² Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ холмогорский: церковно-исторический очерк. [Репр. изд.]. М., 2013. С. 530.
- ³ Петр I (имп.). Письма и бумаги императора Петра Великого... С. 15–16.
- ⁴ Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ холмогорский... С. 304.
- ⁵ Легатов И., прот. Сказание о чудесах преподобных Вассиана и Ионы Пертоминских // Архангельские епархиальные ведомости. 1908. № 20. Ч. неофиц. С. 680.
- ⁶ Приклонский А. П. Пертоминский архив: Описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в музее Соловецкого общества краеведения. XVII–XVIII вв. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1927. С. 21–23.
- ⁷ Добровольский И. Историко-статистическое описание Пертоминского монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1894. № 18. Ч. неофиц. С. 503.
- ⁸ Легатов И., прот. Сказание о чудесах преподобных Вассиана и Ионы... С. 681.
- ⁹ Добровольский И. Историко-статистическое описание Пертоминского монастыря... С. 501.
- ¹⁰ Приклонский А. П. Пертоминский архив... С. 33.
- ¹¹ Морские сражения русского флота: Воспоминания. Дневники. Письма. [Сост. В. Г. Оппоков]. М.: Воениздат, 1994. С. 64.
- ¹² Приклонский А. П. Пертоминский архив... С. 40.
- ¹³ Там же. С. 37.
- ¹⁴ Архив СПБИИ РАН. Ф. 170. Д. 105. Л. 30.
- ¹⁵ Служба преподобным отцем Вассиану и Ионе, Пертоминским чудотворцам // Минея. М.: Синодальная типография, 1986. Июнь. Т. I. С. 147–158.
- ¹⁶ Гостев И. Обетный крест Петра Великого // Мир музея. 2016. № 7. С. 30–33.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А н и с и м о в Е. В. Петр Великий: личность и реформы. СПб.: Питер, 2009. 448 с.
2. Б е р г е р П., Л у к м а н Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Б о х а н о в А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М.: Русское слово, 2002. 352 с.
4. Б р ы з г а л о в В. В., П о п о в Г. П. «Государева» яхта // Соломбальская верфь, 1693–1862. Архангельск: Арханг. фил. РГО РАН, 1993. 103 с.
5. Г у р ь я н о в а И. В. Взаимоотношения Петра I и религии // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 82–83.
6. Д в о й н и н А. М. Психология верующего: ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности. СПб.: Речь, 2011. 224 с.
7. Д ж е й м с У. Многообразие религиозного опыта / Пер. с англ. В. Г. Малахиевой-Мирович и М. В. Шик. М.: Наука, 1993. 431 с.
8. Иоанн (Экономцев), архим. Национально-религиозный идеал и идея империи в Петровскую эпоху (к анализу церковной реформы Петра I) // Петр Великий: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2003. С. 587–614.
9. К а м е н с к и й А. Б. Петр I Алексеевич // Петр I. Избранное. М.: РОСПЭН, 2010. С. 5–42.
10. К и р и л л (С а х а р о в), и г у м . «Именно с Петра начинается великий и подлинный русский раскол...» // Русская вера [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruvera.ru/articles/petra_nachinaetsya_russkiy_raskol (дата обращения 12.01.2019).
11. М а л ь в и н а С. С. Религиозность личности: поиск структуры содержания // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2017. № 45. С. 92–105.
12. П о п о в а Л. Д. К истории Пертоминского монастыря // История Отечества. Святые и святыни Русского Севера: Сб. науч. ст. / Отв. ред. архим. Трифон (Плотников). Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 118–124.
13. П р о к у ш е н к о в а О. И. Религиозность личности как объект научного исследования // Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы: Сб. материалов: В 6 т. Т. 3. Владимир: Аркаим, 2016. С. 140–158.
14. С и м о н о в А. Н. История канонизации русских святых в конце XVII – первой четверти XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 24 с.
15. С о к о л о в с к а я И. Э. Роль религиозности при адаптации в условиях психоэмоционального стресса // Научное мнение. 2014. № 6. С. 142–149.
16. Х а р и т о н о в а Я. Э. Документы Госархива Архангельской области по истории Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря // Отечественные архивы. 2018. № 4. С. 44–51.
17. Ц ы п и н В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и Новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 816 с.
18. D u r k h e i m E. The elementary forms of religious life. New York: Free Press, 1995. 535 p.
19. F o l k m a n S., L a z a r u s , R. S. An analysis of coping in a middle-aged community sample // Journal of Health and Social Behavior. 1980. No 21. P. 219–239.
20. P a r g a m e n t K. I., K o e n i g H. G., P e r e z L. M. The many methods of religious coping: Development and initial validation of the RCOPE // Journal of Clinical Psycholog. 2000. Vol. 56. No 4. P. 519–543.

Ruzhinskaya I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

RELIGIOUSITY OF PETER THE GREAT IN THE CONTEXT OF A VITAL SITUATION

The article discusses such phenomenon of Peter the Great's personality as religiosity. Relevance and novelty of the research lies in the operationalization of the approach – the application of coping methods. The peculiarities of Peter the Great's religiosity are analyzed by the example of the vital situation of the White Sea storm in 1694. Factors of religious coping as a way of one's adaptability to the vital conditions are revealed through the effects of stress. The documentary corpus of the work is presented

by published sources. Coping resources, coping strategies, and coping behavior as the coping mechanisms demonstrated by Peter I during stress and post-stress periods are identified during the course of the study. The author concludes that the vital situation demonstrates not a formal, but a rather deep level of the young monarch's religiosity. The behavioral component dominated the monarch's religiosity structure. This was expressed through the actions of Peter I during the storm and during the rescue on the territory of the Pertominsk Monastery. High vitality should be recognized as a distinctive feature of the young monarch's personality. Peter I believed in the dualism of the result of salvation as the interaction of God and the anointed one (vertical coping), due to the combination of these factors. This strategy strengthened the monarch's belief that the God's blessing is given to the earthly affairs of a Christian autocrat. The relationship between the monarch, the Bishop Athanasius (Lyubimov) and the pilot Antipas is an example of joint (horizontal) coping in this situation. An example of this vital situation demonstrates the religiosity of Peter I in a particular period of his life. To study the evolution of religiosity it is necessary to involve a set of similar factors in other emergency situations (such as war, struggle for power, or the loss of the loved ones), as well as in everyday life. In this case it will be possible to investigate Peter the Great's religiosity most fully.

Key words: Peter I, religiosity, coping, Pertominsk Monastery, Orthodoxy

REFERENCES

1. Anisimov E. V. Peter the Great: personality and reforms. St. Petersburg, 2009. 448 p. (In Russ.)
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. (E.D. Rutkevich, Trans.). Moscow, 1995. 323 p. (In Russ.)
3. Bohanov A. N. Autocracy. The idea of royal power. Moscow, 2002. 352 p. (In Russ.)
4. Bryzgalov V. V., Popov G. P. The "gosudareva" yacht. *Solobal'skaya verf'*. 1693–1862. Arkhangelsk, 1993. 103 p. (In Russ.)
5. Gur'yanova I. V. The relationship between Peter I and religion. *Integratsiya obrazovaniya*. 2001. No 1. P. 82–83. (In Russ.)
6. Dvojnin A. M. The psychology of the believer: value-semantic orientations and the religious faith of the individual. St. Petersburg, 2011. 224 p. (In Russ.)
7. Dzhemis U. Variety of religious experience. Moscow, 1993. 431 p. (In Russ.)
8. Ioann (Ekonomcev), Archimandrite. The national-religious ideal and the idea of an empire during Peter the Great's era (the analysis of Peter the Great's church reform). *Peter the Great: pro et contra*. St. Petersburg, 2003. P. 587–614. (In Russ.)
9. Kamenskij A. B. Peter I Alekseevich. *Peter I. Selected works*. Moscow, 2010. P. 5–42. (In Russ.)
10. Kirill (Saharov), Hegumen. "It was Peter the Great who started the genuine Russian schism...". *Russkaya vera*. Available at: http://ruvera.ru/articles/petra_nachinaetsya_russkiy_raskol (accessed 12.01.2019) (In Russ.)
11. Malyavina S. S. Religious personality: search for the structure of content. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psichologiya*. 2017. No 45. P. 92–105. (In Russ.)
12. Popova L. D. History of the Pertominsk Monastery. *History of the fatherland. Saints and shrines of the Russian North*. Arkhangelsk, 2006. P. 118–124. (In Russ.)
13. Prokushenkova O. I. Religiosity of a person as an object of scientific research. *Academic research and conceptualization of religion in the XXI century: traditions and new challenges. Collected articles*. Vol. 3. Vladimir, 2016. P. 140–158. (In Russ.)
14. Simonov A. N. The history of the canonization of Russian saints in the late XVII – first quarter of the XVIII century: Diss. Cand. Sci. Abstr. (History). St. Petersburg, 2011. 24 p. (In Russ.)
15. Sokolovskaya I. E. The role of religiosity in adapting to psycho-emotional stress. *Nauchnoe mnenie*. 2014. No 6. P. 142–149. (In Russ.)
16. Haritonova Ya. E. Documents of the State Archive of the Arkhangelsk Region on the history of the Spaso-Preobrazhensky Pertominsky Monastery. *Otechestvennye arkhivy*. 2018. No 4. P. 44–51. (In Russ.)
17. Cypin V., Protoiereus. The history of the Russian Orthodox Church: Synodal and recent periods. Moscow, 2012. 816 p. (In Russ.)
18. Durkheim É. The elementary forms of religious life. New York, 1995. 535 p.
19. Folkman S., Lazarus, R. S. An analysis of coping in a middle-aged community sample. *Journal of Health and Social Behavior*. 1980. No 21. P. 219–239.
20. Pargament K. I., Koenig H. G., Perez L. M. The many methods of religious coping: Development and initial validation of the RCOPE. *Journal of Clinical Psychology*. 2000. Vol. 56. No 4. P. 519–543.

Поступила в редакцию 30.01.2019

МАРИНА ИГОРЕВНА ПЕТРОВА

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

kirjazh@mail.ru

СПОДВИЖНИК ПЕТРА I В. И. ГЕННИН И ЕГО ИМЕНИЕ АСИЛА В ХИЙТОЛЬСКОМ ПОГОСТЕ КЕКСГОЛЬМСКОГО УЕЗДА

Виллим Иванович Геннин был организатором горного и металлургического производства России Петровской эпохи. В 1711 году Петр I пожаловал Геннину деревню Асила за взятие Кексгольма. История имения не была ранее представлена в отечественной историографии. Целью и задачами исследования являются выяснение периода владения имением Геннином и его потомками, уточнение состава деревень, входящих в имение, выяснение его экономической ценности. В научный оборот вводятся данные из архивных источников и редких изданий Финляндии. Впервые имение описывается как хозяйственный комплекс из деревень Асила, Кильпала, Вейала, Хийтола и Райватала Хийтольского погоста Кексгольмского уезда. В исследовании применены методы локализации и картографической документации изучаемых мест. Даётся краткий исторический обзор окружения деревни Асила с XII до начала XVIII века. Доказывается, что главной ценностью местечка Асила с древних времен были промыслы лосося и другой ценной рыбы. Экономической основой имения служили мельничное хозяйство, пильное производство, животноводство и земледелие. Прослеживаются линии наследования, эволюционный путь поместья и его хозяйственный уклад до XIX века.

Ключевые слова: Асила, Виллим Геннин, донационные земли, Карелия, Кексгольмский уезд, Кокколанйоки, лососевые промыслы, Хийтола, Хийтоланйоки

В 1698 году Петр I во время своего пребывания в Голландии пригласил на русскую службу Георга Вильгельма (Виллима Ивановича) Геннина (1676–1750). Будущий организатор горного и металлургического производства России начал свою карьеру фейерверкером, обучая в Москве молодых дворян артиллерийскому делу¹. Личность Геннина привлекала внимание многих исследователей. Большинство трудов относится к его вкладу в становление горнозаводского дела в Олонецком уезде и на Урале. За описанием великих дел несколько в стороне оказалось исследование истории небольшого имения Асила, которое Петр Великий пожаловал В. И. Геннину за взятие Кексгольма. Упоминания о дарованной деревне Асила встречаются у ряда российских и финских исследователей донационного землевладения² [5]. Важные факты из истории имения удалось найти в редких изданиях, вышедших в Финляндии³ [8].

Целью данного исследования является введение в научный оборот новых данных об имении Асила, которым владели В. И. Геннин и его потомки в XVIII–XIX веках. Задачей исследования является выяснение хронологии владения имением Геннином и его потомками, состава деревень, входящих в имение Асила, экономической ценности царского подарка.

В годы Северной войны В. И. Геннин в звании майора в 1710 году участвовал во взятии Выборга и Кексгольма, о чем ярко повествует в его жизнеописании русский историк полковник В. Н. Берх:

В 1710 году находился почтенный Геннин при взятии города Выборга, и состоял в команде у Романа Виллимовича Брюса. Петр I вступил в город сей июня 14 числа со всем осадным войском; а Геннин был отправлен снять план города Кексгольма⁴.

Имя майора Геннина мы находим и в «Обстоятельной реляции о взятии крепости Выборга, которая взята русскими войсками в 1710 году» с приложением плана, где на абрисе литерой Х обозначены кетели и батареи майора Геннина⁵.

Приведем ряд значимых цитат, оживляющих картину взятия Кексгольма и высвечивающих личные заслуги В. И. Геннина в этой исторической победе:

В журнале Петра Великого (том I стр. 297) сказано: в 7 день (сентября) послан в г. Кексгольм, от генерал-майора Брюса, с аккордными пунктами артиллерии майор Геннин, да с ним капитан Киселев, и той же ночью он, Геннин, из города возвратился назад. Сентября 8 введены наши полки в Кексгольм, а гарнизон шведской отпущен. Надобно полагать, что при взятии оного города имел Геннин большое участие; ибо получил за дело сие три награды. В записке А. говорит он: за взятие города Кексгольма, когда я представил Государю план взятой крепости, получил золотую медаль с алмазами и дерев-

нию Азилу в Кексгольмском уезде о шестидесяти дворах. Около сего же времени, и вероятно за сие же дело, прописведен он в подполковники⁶.

Последовательность сдачи шведами Кексгольма была описана в договоре от 8 сентября 1710 года. Приведем пункт первый «Договора, учиненного в обозе между российским генерал-майором Брюсом и шведским комендантом Стерманцом» – «О сдаче русскому оружию Шведского города и крепости Кексгольма»:

Обещается с стороны его царского величества весь гарнизон как в крепости так и в замке со всею их ливерсею, высшим и нижним ружьем, 24 выстрелами, амунициею, без знамен и полковой игры, по воинскому обычаю свободно и без помешания отпустити отсюда прямейшим путем через Кроненбург в Нейслот, или куда пристойно; в чем содерланы пасторы и мещане, их жены и дети, також все и всякой, коего состояния ни суть, кроме дезертиров, кои зде в крепости обретаются; но ежели кто из жителей города зде остатися похожет, тому невозбрано сие будет⁷.

Взятие Кексгольма стало большой победой, которой очень гордился Петр Великий. Чертеж крепости, искусно выполненный инженером и артиллеристом Геннином, позволил разработать грамотную стратегию и избежать напрасных жертв. Вероятно, этот же чертеж лег в основу будущей литографии, помещенной в «Книге Марсовых дел». Он же был использован при изготовлении памятной медали и вошел в «Новую карту Корельского княжества». Предположение подтверждается тем, что в 1713 году Петр I лично редактировал «Книгу Марсовых дел» и велел снабдить ее литографиями и планами сражений осаждавшихся крепостей и публикациями фейерверкеров. В книгу вошло освещение 25 воинских эпизодов. Параллельно созданию книги шло создание серии памятных медалей с изображением воинских подвигов, предназначенных более для распространения в Европе. В 1712 году штемпели были заказаны в Аусбурге у знаменитого медальера Ф.-Г. Мюллера. Выдающийся сподвижник Петра Я. В. Брюс курировал их изготовление и использование до 1718 года. Взятие Кексгольма было столь значимым событием, что памятную медаль с изображением взятия крепости вручали на дипломатических приемах. Сочинители надписей на известную серию медалей на «Действа Северной войны» пока не установлены [1: 15–16], [7: 39]. Алебастровый медальон с девизом «Бомба россиска нашла место в Кексгольме» с другими батальными сценами Петровского времени украшает и ныне своды бывших «царских чертогов» в Троице-Сергиевой лавре [1: 9–10]. Тем самым хранится память о героях Северной войны, среди которых был отмечен и В. И. Геннин. Для него на протяжении всей жизни была очень дорога память о взятии крепости Кексгольма. В собственноручной записке, оставленной им в 1743 году, есть «Описание жалованья и подар-

ков, которые в течение моей 45-летней службы, во все пребывание в России получил от монархов, монархинь и регентши». В перечне самых первых подарков, полученных от императора Петра Первого, в строке «за взятие г. Кексгольма, когда я представил государю план взятой крепости», значатся медаль золотая овальная, с алмазами, с голубой эмалью и деревня Азила с 60 дворами, а в граве «жалованье» – 150 рублей⁸. Эту столь памятную медаль мы можем видеть и на дождших до нас портретах В. И. Геннина, исполненных художником М. Флоровым и гравером Е. Гейтманом⁹.

Рис. 1. Портрет Виллима Ивановича Геннина. Художник М. Флоров. Гравер Е. Гейтман

И сам В. И. Геннин, и его биограф В. Н. Берх при упоминании деревни Асила называют ее Кексгольмской. Деревня относилась к Гидольскому¹⁰ погосту Кексгольмского уезда и располагалась всего в 18 верстах от центра уезда. Рядом с ней проходила та самая дорога, по которой шведы по мирному договору 1710 года уходили из Кексгольма¹¹ через Кроненбург¹² в Нейшлот¹³. И погост, и деревня были отмечены на «Новой и достоверной княжества Корельского, а ныне Кексгольмского уезду ланткарте», где были обозначены монастыри, погосты, кирхи, мызы, деревни, мельницы, озера, часть Ладожского озера с островами, а также древняя и новопостановленная в 1722 году между Российской империей и Шведской Коронной граница¹⁴. Чем же так приглянулась деревня Асила Петру Великому? Почему он выбрал это небольшое местечко в качестве подарка своему близкому соратнику? Как получилось, что задолго до заключения мирного договора со Швецией указом от 22 июля 1711 года В. И. Геннину было пожаловано имение в 66 дворов¹⁵? Проследим краткую историю деревни Асила и попытаемся выяснить особенности ее хозяйственного уклада.

Деревня Асила (Ажила, Ажела, Ассила, Азила, Асилан) располагалась в живописной приусытской части реки Асиланйоки (Кокколанийоки, Хийтоланийоки)¹⁶ за версту до впадения в Ладож-

кое озеро. Во времена летописной Корелы отсюда начинался важный торговый путь, по которому, поднявшись из Ладоги, проходя через пороги и волоки, можно было по двум направлениям достичь берегов Белого моря и Ботнического залива. На бурном пороге с перепадом в 8 метров здесь издревле ловили лосося, заходившего в реку на нерест [6: 157–158]. Доказательством активной хозяйственной деятельности в устье реки Асиланйоки служат результаты археологических исследований. Приустьевая зона реки, прибрежные деревни Копсала, Липола и деревни острова Кильпала – Хаапалахти и Тоуна изобилиуют памятниками археологии XII–XIV веков [3: 199, 206–207]. В устье реки Хийтоланйоки, в деревне Копсала, располагается гора Линнавуори высотой 53 метра [4: 16]. Вероятно, данная возвышенность имела стратегическое значение для охраны торгового пути. Для доказательства этого предположения требуются дополнительные археологические исследования.

Впервые в письменных источниках «деревня Ажила на реце на Ажиле» с десятью главами хозяйств упоминается в Писцовой книге 1500 года Водской пятины в описаниях Кирьяжского Богоявленского погоста в перечне Казимировских деревень в числе приданых к городу Кореле, «судом и обыском и всем, опричь обежных дани». В той же книге в описании Кюллаской перевары Кирьяжского погоста отмечена деревня Ажила «на реце на Ажиле с тремя главами хозяйств». Среди жителей перечислены Митроха Кондратов, Петрок Игнатов, Микифорик Сенькин¹⁷. В Обыскной книге Кирьяжского погоста 1571 года деревня Ажела отмечена с указанием причин разорения или запустения ряда хозяйств¹⁸.

Приграничное положение деревни, близость к Кореле (Кексгольму) и главное ее богатство – лососевые ловли послужили причиной ее частого упоминания в источниках XVI–XVII веков в период русско-шведских войн и последующего почти столетнего владения завоеванных Швецией территорий. 5 ноября 1580 года шведы захватили город Корелу. На территории Корельского уезда были установлены новые порядки, началось проведение учета оставшегося населения для сбора налогов. В 1582 году русские на 65 судах вышли из крепости Орешек и совершили поход по окрестностям Кексгольма, дойдя до погостов Ряйсяля¹⁹ и Тиурула. В этом походе были разрушены хозяйствственные сооружения на рыбных ловлях в деревне Асила [9: 87]. В 1583 году король Швеции Юхан (Иоанн) III распорядился восстановить рыбные ловли в Пярня²⁰ и в Асила, подчеркнув, что в русское время отсюда вывозили рыбу сотнями обозов. Был дан указ поставлять лосося в Стокгольм к королевскому столу и в Кексгольм [10: 175]. В «Списке запустений церквей, часовен, монастырей и мельниц 1590 года» отмечена деревня Асила Йоки с семью домами и пятью

мельницами на реке Асиланйоки²¹. Вероятно, к деревне Асила приписали и другие мельницы, располагавшиеся выше по течению.

По Столбовскому мирному договору 1617 года Корельский уезд вошел в состав Швеции, а с 1618 года был передан в ленное владение известного шведского полководца Якова Делагарди. По указу короля Густава II Адольфа была проведена полная ревизия территорий. С этого времени начали проводить регулярные переписи для исчисления налогов. Данные о деревне Асила присутствуют в переписных книгах 1618²² и 1631²³ годов, Переписной книге Тиурульского погоста 1629 года²⁴, Поземельной книге Кексгольмского лена 1637 года. Источник 1637 года содержит не только данные о домах и пустошах, но и развернутую информацию о жителях погоста. Так, в деревне Асила числилось 7 налогоплательщиков, в хозяйствах которых имелись лодки, неводы, по 1–3 лошади, 2–8 коров, 2–4 овцы. Из посевных культур выращивались рожь и овес. Имелись сенокосные угодья и поля, используемые после подсеки²⁵.

На протяжении второй половины XVII века бывшее ленное владение Якова Делагарди передавалось череде шведских аристократов, занимавших военные и гражданские должности, частично отошло Шведской Короне и сдавалось в аренду. Одним из арендаторов был генерал-губернатор Яков Йохан Таубе, который 17 июля 1662 года получил в ленное владение ряд деревень Тиурульского погоста: Хийтола, Вейала, Кюлялахти, Райваттала, Иванкоски, Китула и рыбные ловли в Асила. Поначалу он сдавал земли в аренду, а 18 июля 1668 года издал распоряжение о том, чтобы крестьяне освободили свои дома, так как он выбрал деревню Асила для строительства усадьбы. С 1669 года крестьянам было указано нести повинность по заготовке бревен для стройки. В 1683 году пожалованные земли были изъяты у Таубе и далее передавались в аренду. Из перечня налогов, которые Таубе платил Шведской Короне, следует, что в его имении выращивали рожь, овес, ячмень, лен. Отдельным налогом облагался богатый улов лосося, сига и язя [9: 272–274, 280–281].

Таким образом, к концу XVII века в деревне Асила в устье реки уже располагался усадебный комплекс с хозяйственными постройками, который стал центром имения. В шведское время деревня Асила славилась прежде всего богатыми уловами ценной рыбы и была во владении высоких государственных чинов. Близость к Кексгольму дополнительно привлекала внимание чиновников к этому месту, богатому ценной рыбой.

Итак, вернемся к событиям 1710 года, последовавшим за взятием Кексгольма. Пожаловав своему соратнику В. И. Геннину деревню Асила, Петр I сделал воинству царский подарок. Главным богатством имения стали лососевые ловли,

хлебная и пильная мельницы на бурном речном пороге. Виллим Иванович по достоинству оценил этот дар и на расстоянии управлял имением. Но в 1720 году, незадолго до заключения Ништадтского договора, когда сохранялась неопределенность с установлением границ между Россией и Швецией, В. И. Геннин, как и ряд других землевладельцев, был лишен дарованных имений. Это подтверждает и письмо Геннина графу Апраксину от 17 августа 1720:

Кесгольмская деревня, которую сам государь мне пожаловал, у меня отнята, а другие деревни, которые государь в бытность у Марциальных вод мне пожаловал, не даны²⁶.

Как же смог В. И. Геннин со временем вернуть столь дорогой подарок? Обращался ли он с повторными прошениями? Пока не удалось найти прямых доказательств, но можно догадаться, что подобные обращения были. В связи с этим мы не можем не вспомнить достижения выдающегося инженера-металлурга, тем более что с заслугами в развитии горнозаводского дела напрямую связано и возвращение утраченного имения Асила. В конце 1713 года В. И. Геннин был назначен начальником Олонецких заводов и комендантом Олонецкого уезда. Под его руководством заводы достигли высокого уровня по своей организации, производственной мощности и качеству продукции [2: 176]. В 1722 году В. И. Геннин был переведен на Урал для организации металлургического производства. Он взял с собой значительное количество мастеров, подмастерьев и учеников, а также часть оборудования с Олонецких заводов [2: 191]. Петр I отправил своего соратника в Сибирскую губернию для устройства железных и медных заводов в Кунгурском, Тобольском и Верхотурском уездах. Указом от 28 апреля 1722 года он предписывал снарядить для В. И. Геннина судно с гребцами. Губернаторам, воеводам и прочим управителям предписывалось выполнять распоряжения по требованию Геннина для его продвижения на подводах по сухому пути и по воде на лодках с гребцами. На месте же требовалось приписывать необходимые земли и деревни к заводам²⁷. В письме императору от 9 марта 1723 года В. И. Геннин докладывал о закладке новых железных и стальных заводов на реке Исети и строительстве маленьких крепостей по границам медных рудников. В письме императрице Екатерине от 1 июня 1723 года сообщалось, что выбранное место на реке Исети с новыми заводами и крепостью он осмелился именовать до указа Екатеринбургом. К письму прилагался абрис заводов и презентир-тэллер из чистой меди – как пример первой продукции обогатительной фабрики. В ответ он получил благодарственные письма и от императора, и от императрицы, в которых они выражали благодарность за строительство заводов, присланные чертежи и за поднос из чистой меди. В конце своего письма императрица

Екатерина поблагодарила В. И. Геннина и за наименование нового завода Екатеринбургом²⁸.

Развитие горнорудного производства в Сибири не осталось без внимания дипломатов. В донесении саксонского посла при дворе Петра I Ле-Форта графу Флемингу значилось:

...Генерал-майор Геннинг (Hennin), посланный в Сибирь для открытия руд, нашел очень богатые медные россыпи, об которых он едет сюда дать отчет. Оттуда должны послать горного офицера в Швецию, чтобы он там научился производству на горных заводах, с тем, чтобы потом способствовать производству здесь в России²⁹.

В послании не называется фамилия офицера, но В. Н. Берх не упустил этот важный эпизод, отметив, что В. И. Геннин послал В. Н. Татищева обучаться горному искусству в Швецию, после он проживал в Санкт-Петербурге до определения на место Геннина³⁰.

Продолжая расширять производство в Екатеринбурге, В. И. Геннин занимался строительством Лялинского завода в Верхотурье, Пыскорского – в Соликамске, Ягожихинского – на Каме, реорганизацией Укшусского завода³¹.

В 1728 году император Петр II по случаю коронации произвел Геннина за усердную службу в генерал-лейтенанты. Это событие также не осталось без внимания дипломатов:

Ваше Величество, вчера была коронация почти в том же порядке, как коронация покойной царицы. В этот день были объявлены следующие, мне известные повышения в чинах: генерал Трубецкой, бывший Киевским губернатором, и генерал Долгорукий, командовавший войсками в Персии, произведены в генерал-фельдмаршалы, генерал-майор Кропотов, Лефорт, Геннин, Шереметьев – в генерал-лейтенанты³².

6 сентября 1728 года В. И. Геннин получил долгожданный указ, в котором Выборгская канцелярия уведомлялась о том, что генерал-лейтенанту Геннину в награду за заслуги в горнозаводском деле в Сибири даются земли в деревне Асила Кесгольмского уезда. В пояснении к указу доводилось до сведения, что еще в 1711 году эти земли были переданы Геннину во владение, а в 1714 году по ревизии за ним числилось 66 домов. Давалось разъяснение о том, что 11 июля 1727 года имение Асила было передано генерал-майору Ивану Колтовскому по распоряжению князя Меньшикова, но это распоряжение было аннулировано³³. Документ был подписан Выборгским обер-комендантом генерал-майором Иваном Максимовичем Шуваловым. Согласно ревизии 1728 года, в имение входило 67 земельных участков в деревнях Асила, Кильпала, Вейала, Хийтола, Райваттала³⁴ [12: 430]. Ревизия 1728 года была связана с начатой при Екатерине I областной реформой 1727 года, нацеленной на введение более удобного и дешевого местного самоуправления. В ходе реформы изменились численность и состав губерний и провинций³⁵. Таким образом,

через восемь лет В. И. Геннину было возвращено его утраченное имение.

6 июня 1731 года императрица Анна Иоанновна после очередного доклада об успехах в горнозаводском деле пожаловала Геннину орден Александра Невского и повелела ему вновь ехать в Сибирь с полной властью. Как отмечает В. Н. Берх, с этого времени все бумаги на имя Геннина подписывались так:

...в Сибирский Обер-Берг-Амт, Генерал-Лейтенанту и Кавалеру Господину Геннину, с товарищи³⁶.

В марте 1734 после двенадцати лет службы в просторенном им Екатеринбурге с наложенным металлургическим производством генерал-лейтенант В. И. Геннин был вынужден передать дела действительному статскому советнику В. Н. Татищеву и переехать в Санкт-Петербург. Формальным поводом для смещения послужило расстройство в счетных делах. С 1735 по 1737 год В. И. Геннин служил в Санкт-Петербурге членом Военной коллегии и был независимым начальником Тульских и Сестрорецких заводов³⁷.

В. И. Геннин окончил свой жизненный путь 12 апреля 1750 года. За 43 дня до ухода из жизни он оставил духовное завещание, по которому деревня Асила была отдана в аренду графу Воронцову на 7 лет за 400 рублей в год. Имение перешло к двум несовершеннолетним сыновьям В. И. Геннина. В. Н. Берх отмечал, что ко времени составления жизнеописания В. И. Геннина из наследников мужского пола остался его внук Филипп Иванович Геннин, которому он был обязан за многие помещенные в издании акты. После другого внука остались три дочери, которые совместно с Филиппом Ивановичем владели деревней Асила. Другие же финляндские деревни и деньги, хранящиеся в банках лондонских и амстердамских, были прожиты сыновьями Виллима Ивановича³⁸.

Ценные сведения о дальнейшей судьбе имения Асила мы можем найти в труде финского исследователя И. Кемпинена. В середине XVIII века в усадьбе Асила было 525 гектаров, из них пахотных земель – 55 гектаров [11: 179]. Потомкам В. И. Геннина Филиппу фон Геннину, его брату Акселю и управляющей Анне фон Геннин в 1812 году были подтверждены права землевладения. Через некоторое время имение было распродано по частям купцу Сийтонену из города Сортавала, судье Матти Пёсё и владельцу постоянного двора Йохану Карьялайнену [11: 112]. Купец Сийтонен,

Рис. 2. Усадьба Асила. Художник В. Светихин. 1915 год

обнаружив в Асила глину очень высокого качества, наладил там гончарное производство [14: 170]. Дальнейшая история землевладения в деревне Асила в конце XIX – начале XX века рассмотрена в труде И. Кемпинена [11: 113–118]. В 1915 году художник Виктор Светихин (Светишин), родом из деревни Тулема Салминского прихода, по заданию Выборгского музея выезжал на пленэр в деревню Асила, чтобы запечатлеть местные достопримечательности. В историческом музее города Лахти бережно хранится акварель «Усадьба Асила»³⁹, на которой изображено здание, построенное на месте старинного имения В. И. Геннина [13: 86, 94, 121]. В нынешнее время старинная деревня постепенно превратилась в дачный поселок под названием Асилан.

В. И. Геннин и его потомки около 100 лет владели имением Асила, в которое входили земельные участки не только самой деревни Асила, но и деревень Кильпала, Вейала, Хийтола и Райваттала. Основой хозяйственной жизни имения служили лососевые ловли и другие рыбные промыслы, мельничное хозяйство, пильное производство, животноводство и земледелие. Изучение архивных источников и редких изданий Финляндии позволило прояснить некоторые важные детали в истории имения, но осталось еще множество вопросов, на которые предстоит ответить.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность научному руководителю – профессору, доктору исторических наук А. М. Пашкову, искреннюю признательность за консультации главному хранителю фондов музея-крепости «Корела» Л. В. Дмитриевой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. I. С. 53.

² Чумиков А. А. Русские землевладельцы в Старой Финляндии // Русский архив. 1893. № 2. С. 105. Akiander M. Om donationeroga i Wiborgs län: historisk utredning om deras uppkomst och natur samt öfriga förhållanden under ryska tiden. Helsingfors, 1864. S. 157–158.

³ Immonen T. Kurkijoen seutu Ruotsin vallan aikana vv. 1570–1710 // Kurkijoen kihlakunnan historia I. Hiitola-Kurkijoki-Jaakkima-Lumivaara. Hiisi-Säätiö, Lumi-Säätiö, Kurki-Säätiö, Jaama-Säätiö, Pieksamäki: Sisälähetysseuran Raamattutalon kirjapaino, 1958. S. 81–422. Kemppinen I. Hiitolan kylähistoria, Hiisi-Säätiö, Vammala: Vammalan kirjapaino OY, 1972. 501 s.

- Puramo E. Kurkijoen seudun historia Isostavilta kunnallishallinnon uusimiseen // Kurkijoen kihlakunnan historia I. Hiitolan Kurkijoki-Jaakkima-Lumivaara. Hiisi-Säätiö, Lumi-Säätiö, Kurki-Säätiö, Jaama-Säätiö Pieksämäki: Sisälähetyssuran Raamatutalon kirjapaino, 1958. S. 425–638. Vainio V. N. Hiitolan Historia, Hiisi-Säätiö, Pieksämäki: Sisälähetyssuran Raamatutalon kirjapaino, 1959. 265 s.
- ⁴ Берх В. Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 53.
- ⁵ Книга Марсова или воинских дел от войск Царского Величества российских во взятии преславных фортификаций, и на разных местах храбрых баталий учиненных над войски Его Королевского Величества Свейского. С первого санктпетербургского 1713 года издания вторым тиснением напечатанная. СПб., 1766.
- ⁶ Берх В. Н. Указ. соч. // Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 55–56.
- ⁷ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. Т. 4. СПб., 1830. С. 551.
- ⁸ Берх В. Н. Указ. соч. // Горный журнал. 1826. Кн. 5. С. 104–105.
- ⁹ Портрет помещен на развороте обложки в издании: Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 1. Описание портрета и его версий дано в статье Д. А. Ровинского: Геннин де, Георгий-Вилим Иванович (de Ghenin) // Подробный словарь русских гравированных портретов: Изд. с 700 фототип. портр.: [В 4 т.] Т. 1. А–Д / Сост. Д. А. Ровинский. СПб., 1886. С. 555.
- ¹⁰ Хийтала – селение в северо-западном Приладожье (сейчас находится на территории Республики Карелия, недалеко от границы с Финляндией и Ленинградской областью).
- ¹¹ Ныне город Приозерск Ленинградской области.
- ¹² Ныне поселок Куркиеки Лахденпохского района Республики Карелия.
- ¹³ Ныне город Савонлинна Финляндии.
- ¹⁴ Новая и достоверная Княжества Корельского а ныне Кексгольмского уезду ланткарта 1725 г. // Атлас Всероссийской Империи. Собр. карт. И. К. Кирилова. СПб., 1722–1737.
- ¹⁵ Чумиков А. А. Указ. соч. С. 105.
- ¹⁶ По местной традиции река меняла название, принимая имя деревень на всем протяжении своего течения.
- ¹⁷ Переписная окладная книга по Новугороду Вотской пятины 7008 года // Временник Имп. Моск. о-ва истории и древностей российских. Кн. 12. М., 1852. С. 121, 122.
- ¹⁸ Самоквасов Д. Я. Обыскная книга Кирильского погоста 21 марта 1571 г. / Архивный материал Т. 2: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. С. 80, 81, 94, 96.
- ¹⁹ Ныне поселок Мельниково в Приозерском районе.
- ²⁰ Ныне поселок Бригадное в Приозерском районе.
- ²¹ Переписная книга Корельского уезда, 1590 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Ред. И. А. Чернякова [и др.]. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. Т. 1: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta. С. 276.
- ²² Переписная книга Корельского уезда, 1618 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Ред. И. А. Чернякова [и др.]. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. Т. 1: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta. С. 284.
- ²³ Переписная книга Корельского уезда, 1631 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Ред. И. А. Чернякова [и др.]. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. Т. 1: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta. С. 407.
- ²⁴ Переписная книга Тиурольского погоста 1629 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Ред. И. А. Чернякова [и др.] Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. Т. 3: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta. С. 375.
- ²⁵ Поземельная книга Кексгольмского лена, 1637 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Ред. И. А. Черняковой, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1991. Т. 2: Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta. С. 471.
- ²⁶ Берх В. Н. Указ. соч. // Горный журнал. 1826. Кн. 3. С. 116–117.
- ²⁷ О даче посланному в Сибирскую губернию для устройства железных и медных заводов генерал-майору Геннингу судна с гребцами для проезда в помянутую губернию и послушных указов к губернаторам, воеводам и пр. об исполнении могущих последовать от него требований [29 апреля 1722] // Сборник Русского исторического общества. Т. 11. СПб., 1873. С. 471–472.
- ²⁸ Берх В. Н. Указ. соч. // Горный журнал. 1826. Кн. 4. С. 120–121.
- ²⁹ Донесения саксонского посла при дворе Петра I Ле-Форта графу Флеминг. С.-Петербург, 31 октября 1724 года / Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Первое десятилетие со времени заключения Ништадтского мира. 1721–1731 (Сообщены из дел Саксонского государственного архива в Дрездене профессором Марбургского университета Эрнестом Германом) // Сборник Русского исторического общества. Т. 3. СПб., 1868. С. 385–386.
- ³⁰ Берх В. Н. Указ. соч. // Горный журнал. 1826. Кн. 5. С. 95.
- ³¹ Берх В. Н. Указ. соч. // Горный журнал. 1826. Кн. 4. С. 92.
- ³² Ле-Форт королю. Москва, 8-го марта 1728 года / Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. (Сообщены из дел Саксонского государственного архива в Дрездене профессором Марбургского университета Эрнестом Германом) // Сборник Русского исторического общества. Т. 5. СПб., 1870. С. 302–303.
- ³³ По мнению Ю. Пааскоски, это было одним из последних указов Меншикова до его ссылки в Сибирь. По-видимому, Иван Колтовский был одним из его приближенных. Падение Меншикова и его ссылка привели к аннулированию распоряжения. Paaskoski J. Vanhan Suomen Lahjoitusmaat. 1710–1826. Helsinki, 1997. С. 72–73.
- ³⁴ Ныне поселки Асиала, Тиурула, Куликово, Хийтала Лахденпохского района Республики Карелия.
- ³⁵ Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1: Реформа 1721 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775. М., 1913. С. 105, 108. Учреждение самостоятельной Новгородской губернии, выделившееся из Петербургской губернии 29 апреля 1727 года, коренным образом изменило деление северо-западной части империи. По расписи губерний и провинций 1727 года, в состав Санкт-Петербургской губернии входили: 1. Петербургская провинция: города с уездами: Петербург, Кронштадт, Шлиссельбург, Копорье, Ямбург, Нарва, Ивангород; 2. Выборгская провинция (Готье Ю. В. Указ. соч. С. 105, 108. Прил.: Административные карты Европейской России 1720–1727, 1727, 1775).
- ³⁶ Берх В. Н. Указ. соч. // Горный журнал. 1826. Кн. 5. С. 94–95.
- ³⁷ Берх В. Н. Указ. соч. // Горный журнал. 1826. Кн. 5. С. 99–101.
- ³⁸ Берх В. Н. Указ. соч. // Горный журнал. 1826. Кн. 5. С. 102–103.
- ³⁹ Victor Svaetichin. Asilan hovi 1915 Vesiväri: Inv. no 9749–651 Historiallinen museo Lahti.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ба би ч М. В. «Журнал о походах» и план монументальной пропаганды Петра Великого // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 24. Саратов, 2010. С. 3–24.
- Глаголева А. П. Олонецкие металлургические заводы при Петре I // Исторические записки. Т. 35. М., 1950. С. 170–198.

3. Ко ч ку р ки на С. И. Археология Средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. 280 с.
4. Ко ч ку р ки на С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 264 с.
5. П а с к о с ки Й. Жалованные земли на территории Старой Финляндии, 1710–1812 // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Б. Менninger, П. Чайки; Отв. сост. А. Куйала. Т. 17. М.: Модест Колеров, 2015. С. 88.
6. П е т р о в И. В. Очерки истории Северо-Западного Приладожья. От деревни к деревне. СПб.: ООО «Соларт», 2009. 252 с.
7. Щ у ки на Е. С. Серия медалей Ф. Г. Мюллера на события Северной войны. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2006. 144 с.
8. G r i g o r k o f f K. Asila. Hännillä. Valtola. MS. S.a. Käsikirjoituskopio maisteri Pekka Kyytisen hallussa. Helsinki, 1970.
9. I m m o n e n T. Kurkijoen seutu Ruotsin vallan aikana vv. 1570–1710 // Kurkijoen kihlakunnan historia I. Hiitola-Kurkijoki-Jaakkima-Lumivaara. Hiisi-Säätiö, Lumi-Säätiö, Kurki-Säätiö, Jaama-Säätiö. Pieksämäki: Sisälähetyssseuran Raamattutalon kirjapaino, 1958. S. 81–422.
10. K a t a j a l a K. Sodan kautta rauhan rjaan // Viipurin läänin historia 3: Suomenlahdelta Laatokalle. Katajala K., Kujala A., Mäkinen A. Lappeenranta: Karjalan kirjapaino, 2010. S. 160–193.
11. K e m p p i n e n I. Hiitolan kylähistoria, Hiisi-Säätiö, Vammala: Vammalan kirjapaino OY, 1972. 501 s.
12. P u r a m o E. Kurkijoen seudun historia Isostavihosta kunnallishallinnon uusimiseen // Kurkijoen kihlakunnan historia I. Hiitola-Kurkijoki-Jaakkima-Lumivaara. Hiisi-Säätiö, Lumi-Säätiö, Kurki-Säätiö, Jaama-Säätiö. Pieksämäki: Sisälähetyssseuran Raamattutalon kirjapaino, 1958. S. 425–638.
13. P ö y h ä T. Victor Svaetichin – Karjalan kuvaja. Etelä-Karjalan taidemuseo, Lahden historiallinen museo. Paino. Koipylä, Juväskylä, 2009. 265 s.
14. V a i n i o V. N. Hiitolan Historia, Hiisi-Säätiö. Pieksämäki: Sisälähetyssseuran Raamattutalon kirjapaino, 1959. 265 s.

Petrova M. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PETER THE GREAT'S ASSOCIATE VILLIM HENNIN AND HIS ESTATE OF ASILA IN THE HIITOLA POGOST OF THE KEXHOLM COUNTY (UEZD)

Villim Ivanovich Hennin was a prominent organizer of the mining and metallurgical industry in Russia under Peter the Great. In 1711, Peter I granted Hennin the village of Asila for seizing the fortress Kexholm. The history of the estate has not been previously presented in the national historiography. The purpose and objectives of the study are to ascertain the period of ownership of the estate by Hennin and his descendants, clarify the composition of the villages belonging to the estate, and determine its economic value. Data from archival sources and rare Finnish publications are introduced into scientific circulation. For the first time, the estate is described as an economic complex comprising the villages of Asila, Kilpola, Vejala, Hiitola and Raivattala of the Hiitola Pogost in the Kexholm Uezd. The study applied methods of localization and cartographic documentation of the studied places. It gives a brief historical overview of the surroundings of the village of Asila from the XII to the early XVIII centuries. The main value of Asila since ancient times was salmon and other valuable species fishing. Grain milling, sawmilling and husbandry served as the economic basis of the estate. The article traces the line of inheritance, the evolutionary path of the estate and its economic structure until the XIX century.

Key words: Asila, Villim Hennin, donated lands, Karelia, Kexholm Uezd, Kokkolanjoki, salmon fisheries, Hiitola, Hiitolanjoki

ACKNOWLEDGMENTS

The author would like to express her deep gratitude to her research supervisor A. M. Pashkov, Professor, Doctor of History, and sincerely thank L. V. Dmitrieva, the Chief Custodian of the Korela Fortress Museum funds, for her advice.

REFERENCES

1. B a b i c h M. V. “Journal of campaigns” and the plan of monumental propaganda of Peter the Great. *Historiographical collection of articles*. Issue 24. Saratov, 2010. P. 3–24. (In Russ.)
2. G l a g o l e v a A. P. Olonets metallurgical plants under Peter I. *Historical notes*. Vol. 35. Moscow, 1950. P. 170–198. (In Russ.)
3. K o c h k u r k i n a S. I. Archeology of medieval Karelia. Petrozavodsk, 2017. 280 p. (In Russ.)
4. K o c h k u r k i n a S. I. Ancient Karelian settlements of the Middle Ages. Petrozavodsk, 2010. 264 p. (In Russ.)
5. P a s k o s k i J. Granted lands in the territory of Old Finland, 1710–1812. *Russian collected works: Studies in the history of Russia*. (O. R. Airapetov, M. A. Kolerov, B. Manning, P. Cheysti, Eds., A. Kuyala, EIC). Vol. 17. Moscow, 2015. P. 88. (In Russ.)
6. P e t r o v I. V. Essays on the history of the north-western Ladoga area. From village to village. St. Petersburg, 2009. 252 p. (In Russ.)
7. S h c h u k i n a E. S. Philipp Muller's series of medals commemorating the events of the Great Northern War. St. Petersburg, 2006. 144 p. (In Russ.)
8. G r i g o r k o f f K. Asila. Hännillä. Valtola. MS. S.a. Käsikirjoituskopio maisteri Pekka Kyytisen hallussa. Helsinki, 1970.
9. I m m o n e n T. Kurkijoen seutu Ruotsin vallan aikana vv. 1570–1710. *Kurkijoen kihlakunnan historia I. Hiitola-Kurkijoki-Jaakkima-Lumivaara*. Hiisi-Säätiö, Lumi-Säätiö, Kurki-Säätiö, Jaama-Säätiö. Pieksämäki, Sisälähetyssseuran Raamattutalon kirjapaino, 1958. S. 81–422.
10. K a t a j a l a K. Sodan kautta rauhan rjaan. *Viipurin läänin historia 3: Suomenlahdelta Laatokalle*. (K. Katajala, A. Kujala, A. Mäkinen). Lappeenranta, Karjalan kirjapaino, 2010. S. 160–193.
11. K e m p p i n e n I. Hiitolan kylähistoria, Hiisi-Säätiö. Vammala, Vammalan kirjapaino OY, 1972. 501 s.
12. P u r a m o E. Kurkijoen seudun historia Isostavihosta kunnallishallinnon uusimiseen. *Kurkijoen kihlakunnan historia I. Hiitola-Kurkijoki-Jaakkima-Lumivaara*. Hiisi-Säätiö, Lumi-Säätiö, Kurki-Säätiö, Jaama-Säätiö. Pieksämäki, Sisälähetyssseuran Raamattutalon kirjapaino, 1958. S. 425–638 (In Fin.).
13. P ö y h ä T. Victor Svaetichin – Karjalan kuvaja. Etelä-Karjalan taidemuseo, Lahden historiallinen museo. Paino. Koipylä, Juväskylä, 2009. 265 s.
14. V a i n i o V. N. Hiitolan Historia, Hiisi-Säätiö, Pieksämäki, Sisälähetyssseuran Raamattutalon kirjapaino, 1959. 265 s.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ СТАРИЦЫН

главный библиограф, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Российская Федерация)

profitens@yandex.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЫГО-ЛЕКСИНСКОГО ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВА С ГОСУДАРСТВОМ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Государственная политика по отношению к старообрядчеству в начале XVIII века приобрела pragmatичный характер, что позволило крупнейшей северной общине староверов первой в истории узаконить свое поселение. На основе выговских уставов и документов официального характера впервые предпринимается попытка рассмотреть принципы общения Выговского поселения с внешним миром в лице государства. Чтобы избежать преследования и разорения своего поселения, выговские руководители пошли на компромисс с государственной властью. Решающим моментом в осуществлении выговцами планов легализации своей общины явилось удачное географическое расположение Выговского общежительства, в окрестностях которого были построены стратегически важные для государства заводы и велись поиски железных и медных руд. В статье рассматриваются вопросы, каким образом выговцы позиционировали себя перед светскими властями, какие структуры внутри своей организации им пришлось создать, подчеркивается, что создание земской системы управления явилось следствием вынужденного контакта с внешним миром. Желание сохранить свою веру и выжить в новых условиях были главными побудительными мотивами староверов.

Ключевые слова: старообрядчество, государственная политика, общежительство, земская администрация

Происходившие в России в первой четверти XVIII века петровские преобразования затронули все стороны жизни государства, в том числе и церковную. Светская власть окончательно интегрировала церковные управленческие структуры, создав из них особое государственное учреждение – Синод [5: 127]. В плане отношения государственной власти к староверам исследователи старообрядчества разделили первую четверть XVIII века на два периода: 1701–1716 годы и 1716–1725 годы¹. В первый период продолжалось действие законов XVII века (новоуказные статьи 1685 года²), исключавших возможность легального существования для староверов. Они могли жить только в тайных поселениях, пребывая в постоянном страхе их обнаружения и, в этом случае, неминуемой смерти. Второй период характеризуется появлением новых законов о староверах (начиная с указа от 8 февраля 1716 года³), отразивших намерение государства извлечь выгоду из признания права на существование староверов. У последних появилась возможность не таиться, а открыто исповедовать старую веру, заплатив двойной налог. Не все староверы могли себе позволить купить у государства право молиться по-старому. Не все были согласны получить официальный статус «раскольника», многие предпочли сохранить нелегальное положение [3: 30].

На примере Выго-Лексинского общежительства попытаемся выяснить, при каких условиях могли существовать староверческие общины в

начале XVIII века и каким образом закон 1716 года повлиял на судьбу выговских староверов.

По мнению большинства исследователей, Выго-Лексинское общежительство создавалось на монастырских принципах⁴. Выбор монастырской формы организации поселения на Выгу был обусловлен убеждением его создателей в том, что они живут в условиях «последних времен». В соответствии со святоотеческим учением перед вторым пришествием Христовым все оставшиеся в живых правоверные христиане должны были вести безбрачный образ жизни, пребывая в посте и молитве, отстраняясь от окружающего мира, находящегося во власти антихриста. Помимо традиционных монастырских должностей в общежительстве существовали чисто земские должности – старосты, выборные, дьячки, десятские. В этом многие ученые усматривали несоответствие между монастырскими и земскими начальами в системе организации поселения. Возможно, активное задействование этих должностей было связано с легализацией Выговского общежительства, произошедшей в 1704–1705 годах. Американский исследователь Р. Крамми справедливо полагал, что выговцы приняли необходимые соглашения с внешним миром, что предоставило им свободу защитить их главные убеждения и обычай [7: 70].

Еще в 1702 году место на Выгу, где проживали староверы, стало известно самому царю Петру Алексеевичу, когда он совершил свой знаменитый переход из Белого моря в Онежское озеро,

прокладывая дорогу для двух фрегатов через леса и болота [2: 14]. И. Филиппов в «Истории Выговской пустыни» отметил, что царю дважды докладывали о староверах: при переходе через устье реки Выг и при проезде по Онежскому озеру мимо Пигматки, на что царь ответил знаменитой фразой: «Пускай живут»⁵.

Достоверно неизвестно, было ли приписано Выговское поселение к Петровским заводам в 1703 году вместе со всем Олонецким уездом. Известие об этом содержится в показаниях Мануила Петрова, сделанных им в марте 1737 года в Санкт-Петербургском духовном правлении:

...помянутое Выгорецкое жилище, которое до того еще в прошлом 703-м году по состоянию помянутых Петровских и прочих тамошних железных и медных заводов, когда весь Олонецкой уезд ко оным заводам определен, потому ж с прочими приписано к помянутым же заводам в работу⁶.

Других подтверждающих слова Мануила Петрова документов не выявлено. По нашему мнению, Выговское общежительство не могло быть приписано к заводам вместе со всем Олонецким уездом, так как не являлось частью обитаемых волостей уезда и не было зафиксировано в переписных книгах. Светские чиновники не располагали официальными сведениями ни о числе поселений в Выговском суземке, ни о количестве жителей общежительства. И. Филиппов приписку общежительства к Повенецким заводам соотносит с самым ранним указом на Выг А. Д. Меншикова от 1704 года⁷. В указе Меншикова, привезенном выговцам руководителем партии заонежских рудознатцев И. Ф. Патрушевым в сентябре 1704 года, говорилось о бывшей до этого челобитной от выговцев, заявивших о желании жить в старой вере:

...уведал я, что вы из давных лет, собрався из разных мест, живете в Олонецком уезде на Выге и имеете правило по книгам московской печати древних лет выходов, и желаете по своему челобитью впредь так быть⁸.

Думается, что предприимчивые руководители выговских староверов, понимая, что место их поселения открыто, и узнав о строительстве заводов⁹ вблизи Выговского общежительства, сумели найти подход к А. Д. Меншикову. Знакомство Даниила Викулова с богатыми ковдскими крестьянами Мироновыми имело, на наш взгляд, немаловажное значение для понимания проблемы легализации Выговского поселения. Через Мироновых выговцы могли выйти на контакт с акционером Сальной компании Степаном Копьевым, а через него открывался доступ к санкт-петербургскому генерал-губернатору А. Д. Меншикову. Получив в ответ на свое челобитье благосклонный указ от второго лица в государстве, староверы написали челобитную самому царю с изъявлением готовности работать на государство. Как сообщал И. Филиппов в «Истории Выговской

пустыни», царь приказал Меншикову приписать выгорецких пустынножителей к Повенецкому заводу, и от того последовал еще один указ, предписывающий староверам заниматься поиском и подъемом руды и предоставлявший им свободу в вере¹⁰. По оценке выговского историографа, новый статус, который таким образом приобрели староверы, ассоциировался в их сознании с игом:

И от того времяни нача Выговская пустыня быти под игом работы его Императорского величества у Повенецких заводов, а ведома на Петровском заводе¹¹.

Староверческий книжник употребил слово «иго» в значении «бремя», «ярмо», что отразило вынужденное, подчиненное положение Выговского общежительства по отношению к государству. Когда выговцы столкнулись с необходимостью налаживать общение с внешним миром, им пришлось каким-то образом обозначить себя для государственных чиновников, установить приемлемый для государства статус своего поселения. Наиболее удобной формой для позиционирования себя перед светской властью и для контактов с внешним миром староверы избрали земскую систему управления.

Указ от 7 сентября 1705 года, подписанный олонецким вице-комендантом А. С. Чоглоковым, но составленный по распоряжению А. Д. Меншикова, окончательно урегулировал взаимоотношения Выговского поселения с государством¹². В указе, состоявшем из 15 статей, фактически узаконивалось новое сельское поселение, в котором учреждалась земская изба, а «новопоселенными жителями» избирались земский староста, его помощник – выборный, дячки и ходоки (статья 1). Староста подчинялся начальнику Олонецких заводов и отчитывался перед ним (статья 2). В перечне обязанностей старосты можно увидеть двойственность функций этой должности и проследить, кем его хотели видеть представители светской власти и кем он был для староверов. В интересах государства он обязан был вести учет живущих и вновь приходящих поселенцев, следить, чтобы никто без разрешения не ушел со своего места, беглецов ловить и держать под замком (статьи 3–6). В этих статьях наглядно прослеживаются полицейские функции, которые государство перекладывало на плечи нового поселения староверов. Но главными обязанностями старосты должны быть организация работы по поиску и добыче руды и забота о своевременной ее доставке на заводы. В этом деле старосте помогали выборные и десятские (статьи 3, 9, 10, 12, 13, 14). В интересах староверов староста выступал как защитник поселенцев от внешних обид, он имел право ходатайствовать перед администрацией заводов о приобретении новых земель и угодий, о получении помощи от погостов и о предоставлении льготных условий работы (статьи 7, 8, 10, 13).

В указанных статьях зафиксировано привилегированное положение нового сельского поселения по сравнению с другими государственными сельскими поселениями, на которое обратил внимание П. С. Смирнов¹³. Выговцам предоставлялось право приобретать новые земли и угодья по своему усмотрению. В работе выговцы получили льготы по сравнению с жителями черных погостов. Выговские рудознатцы наделялись жалованием за отыскание руды и освобождались от других работ (статья 12). Старосте запрещалось самостоятельно вмешиваться во внутреннюю жизнь общежительства (монастыря), в котором он мог совершать какие-либо действия (определенность на работу) только с разрешения общежительных начальников (статья 11). Для заводской администрации – это чиновник, пекущийся об интересах государства, главные функции которого заключались в осуществлении учета «новопоселенных жителей» (потенциальных работников) и в организации работы по добыче руды. Для староверов – это посредник между староверческим поселением и государством (то есть внешним миром), выступающий внешним (официальным) защитником и ходатаем перед лицом светской власти.

Обязанности старосты как внешнего защитника староверы распространяли и на внутренние нужды. Как следует из заведенного в 1726 году в Канцелярии Синода следственного дела о староверческом монахе Арсении¹⁴, староста отвечал за общий порядок в скитах. Он разрешал споры между жителями скитов, принимал меры в отношении нарушителей благочиния¹⁵. В уставных документах Выговского общежития должность старосты встречается уже в 1702 году в первом выговском уставе, написанном Андреем Денисовым (док. № 3а). По смыслу 12-й статьи устава старосты обязаны были поддерживать дисциплину в общежитии¹⁶. Более подробно функции старосты представлены в составленном Андреем Денисовым в 1720-х годах «Перечне обязанностей скитских старост по поддержанию благочиния» (док. № 19). Из анализа этого документа следует, что старосты следили не только за соблюдением благочинного образа жизни, но и регулировали передвижение населения в скитах, имели право высылать за пределы Выговского суземка лиц неблаговидного поведения, обладали полномочиями следователя и судьи, иными словами, осуществляли полный контроль над скитскими поселениями¹⁷.

В указе от 7 сентября 1705 года ничего не было сказано о фискальных функциях старосты, так как этим документом предусматривались в основном условия найма на работу на заводах жителей Выговского суземка. В материалах ревизий обязанности старосты по учету поселенцев-налогоплательщиков проявились со всей очевидностью. Выговские старосты и выборные

представляли государственным чиновникам сказки с поименным перечнем живущих в общежительстве и скитах староверов. Так, 29 марта 1720 года переписчик подьячий Иван Кузнецов должен был

сыскать старосту с выборными людьми, а сыскав, взять у них за руками их под жестоким страхом скаски, сколько у них во общежительстве каким званием жителей работных и не работных людей от старого и до последнего младенца с летами их и от чего кто кормятца со всякою подлинною очисткою по имяном мужеска полу всех не обходя никого с прикладыванием рук, велеть в тех скасках подписывать всем с таким крепким подтверждением, чтоб всякой против объявленного написал самую истинную правду, не утая ни единые мужеска полу души. А ежели от кого явитца какая о душах утайка, и за то учинить общежителем, хто утаил, смертную казнь безо всяких пощады¹⁸.

Угроза жестокого наказания, звучащая в последних словах наказа, была этикетной и никогда не исполнялась.

О своих взаимоотношениях с государством и о выбранных для этого старостах выговцы написали в специальной ведомости в 1729 году. Тогда у Выговского общежития возник конфликт с крестьянами соседнего Выгозерского погоста из-за рыбных ловель и лесных угодий. Крестьяне написали на выговцев жалобу, и на Выг для разбирательства был прислан комиссар Иван Головачев, которому и была подана ведомость:

И прошлого 1705-го году по указу блаженного и вечнодостойного памяти его императорского величества и по приказу бывшаго тогда Санкт-Петербургского губернатора князя Меншикова с Олонецких Петровских заводов за руками виц коменданта Чоглокова прислан к нам указ и вновь выборным старостам пункты, по которым определены мы на новыя Повенецкия заводы быть у прииску железных руд и, находя, оныя поднимать. И после того в прибавок определены к ломки извести к доволству тех заводов. В которых работах были мы и по 726-й год. А во оном указе велено нам в тех местах поселятися и жить безвыходно. И обещанно нам дать, как еще для распространения в прибавку надобны, земли и угодья и иная доволности... И с прошлого 726-го году по отрешении от завоцких работ¹⁹ по вышеявленным именным указом обложены мы с мужеска и женска полу подушным платежем, и за староверство против уездных вдвое. А ведомы оным платежем и у право по указом в высоком Сенате и в Олонецком воевоцком правлении²⁰.

В показаниях Мануила Петрова 1737 года говорилось, что староверы работали по нарядам на заводах вместо податей, а после 1722 года стали платить, уточнялись размеры платежей:

А по генералной переписи и по свидетелству мужеска полу душ положены в подушной двойной оклад, а именно с мужеска пола вместо семигривенного збору по рублю по сороку копеек, да вместо оброку равно как и с правоверных тамошних государственных крестьян емлется по сороку копеек, а с женска пола всего только по трицати по пяти копеек, котораго збору бывает в год в платеже по тысяче по двести рублей, и те денги оне вси

платят в Олонецкой воеводской канцелярии, а из оной воевод[ской] канц[лярии] отсылаются те деньги в Москву в Расколническую кантору повсягодно без доимки²¹.

Закон о взимании со староверов двойного налога от 8 февраля 1716 года подразумевал признание староверами за собой позорного звания «раскольников»:

Также где есть раскольники, тех же во всех губерниях губернаторам, как мужеска так и женска пола описать, (кроме тех, которые живут близ рубежей), и описав, положить их в оклад против настоящего нынешняго платежа, по чему купечество в посады, а крестьяне с тяглых своих жеребьев платят вдвое...²²

Выговцы, сколько могли, уклонялись от уплаты двойного налога и признания себя «раскольниками», и только во время «генеральной переписи» (ревизия) они были вынуждены приступить к платежам. На этот случай, по свидетельству Павла Любопытного, Андреем Денисовым была написана

Беседа, увещевающая всю колеблющуюся поморскую церковь, что принятие на себя звания, по насилию мира, имя (ени) раскольника, святыни православной веры не нарушает, и церковь Христова через таковую хулу и поношение не только не участвует в том грехе, но и очищаются ей сугубо грехи, в будущности же удостоена будет небесных венцев²³.

По нашему мнению, в этом сочинении Андреем Денисовым был сформулирован главный принцип, позволивший ему поддерживать необходимые отношения с внешним миром, и заключался он в словах: «по насилию мира». На этом основании всякий раз при возникновении угрозы для существования выговской общины Андреем Денисовым допускались компромиссы с государственной властью. Данный вывод согласуется с наблюдениями ученых, отмечавших гибкий (иногда непоследовательный) характер политики Андрея Денисова в общении с представителями светской и церковной властей²⁴.

Закон, который предоставлял всем российским староверам возможность обрести легальный статус при условии платежа двойного налога, был для выговцев бесполезен. Выговцы уже к 1705 году добились для своего поселения официального признания со стороны государства, поэтому закон о двойном налоге был для них лишней обузой, которую им удавалось обходить благодаря работе на заводах, где они считались ценными специалистами по поиску руды.

Обнаруженные Е. М. Юхименко в 26-м фонде (Государственные учреждения и повинности в царствование Петра I) РГАДА документы из канцелярии начальника Олонецких заводов А. С. Чоглокова характеризуют взаимоотношения выговцев с администрацией Олонецких заводов в 1705–1706 годах [6: 40–47]. Из документов следует, что выговские староверы выполняли привилегированные работы, заключавшиеся в поис-

ке и доставке руды на ближайшие к поселению Повенецкий и Алексеевский заводы. Попытки администрации привлечь староверов к другим работам (заготовка и обжиг дров, обжиг руды) получали с их стороны отпор. Выговские руководители избегали тех видов работ, которые требовали долговременного присутствия староверов на заводах, что, вероятно, можно объяснить стремлением минимизировать вынужденное общение единоверцев с окружающим миром. Несмотря на подобные разногласия, заводская администрация очень ценила опытных рудознатцев в лице выговских староверов [6: 42, 47].

Привилегированное положение выговских староверов заключалось в том, что они были освобождены от дополнительных повинностей черносошных крестьян, приписанных к заводам. Однако такое положение сохранялось до 1714 года, когда снизилась добыча железной руды из-за истощения запасов высокосортных руд в окрестностях Выгозера. Выговцы помимо поисков руды стали заниматься ломкой и доставкой извести наравне с государственными крестьянами [1: 189].

И. Филиппов назвал первым старостой Тихона Феофилова, должность которого была учреждена самими выговцами для урегулирования с властями вопросов свободного поселения²⁵. В 1705 году известны староста Тихон Феофилов и выборный Никифор Никитин²⁶. По сведениям, обнаруженному Е. М. Юхименко, в 1706 году Тихон Феофилов Соловаров продолжал исполнять свои обязанности [6: 45]. В 1707 году известен староста Иван Ильин, в 1709 и 1719 годах – Максим Софронов, в 1714 году – Павел Дементьев (годы указаны приблизительно)²⁷. В 1720 и 1721 годах старостой был Кирилл Иванов, в 1723 году – Ипат Ефремов²⁸. В 1724 году известен староста Федор Ларionов²⁹.

Если сопоставить перечень имен староверов, исполнявших земские должности, с именами монастырских должностных лиц, можно заметить, что совпадения отсутствуют. Это объясняется тем, что представители монастырской администрации проживали в монастыре, а деятели земской избы избирались из жителей скитов.

Произведенный анализ выговских уставных документов и правительственные указы позволяет заключить, что на Выгу в первую очередь старались соблюсти принципы существования христианской общины в условиях воцарения в мире антихриста. Воплощение в жизнь этих принципов неизбежно приводило к созданию общежительства по монастырскому подобию. В уставах очень верно отразился новаторский подход руководства Выговского общежительства к устройству общины, не имеющей аналогов в истории. Проблемы, возникавшие в общине, требовали творческого развития святоотеческого учения, которым они не были предусмотр-

рены. Выговское руководство вынуждено было отвечать на вызовы времени, вырабатывая новые нормы поведения для членов общины или учреждая новые должности. Если монастырское устройство было задумано староверами для себя, для своей внутренней, отделенной от внешнего мира жизни, то для неизбежного общения с государством (внешним миром) выговцами была учреждена земская администрация. В этом многие исследователи видели противоречие друг другу монастырские и земские начала в организации Выговского общежительства. На наш взгляд, выговцы строго различали цели, которые они преследовали, создавая монастырь, от внешних обстоятельств, побудивших их создать земскую администрацию.

На основании изложенных сведений о деятельности выговских старост можно сделать вывод, что староверы постоянно искали способы, средства, возможности для того, чтобы их община обрела хозяйственную самостоятельность в условиях враждебного мира. Строительство в начале XVIII века Петровского, Повенецкого, Алексеевского и Кончезерского заводов по-

ближости от Выговского общежительства, а также известная опытность выговцев в отыскании железных и медных руд позволили староверам получить защиту от преследований у самого государства. Обратившись к А. Д. Меншикову с предложением искать руду для заводов и получив положительный ответ, выговцы обрели желаемое право исповедовать старую веру взамен на регистрацию их поселений, которые с этого момента перестали быть тайными. Жители Выговских поселений подлежали учету и обязаны были работать на Петровских заводах, но они тем самым добились официальной защиты от принуждения изменить свою веру, что было немыслимо в XVII веке в пределах границ Российского государства. Статьи указа от 7 сентября 1705 года и выявленные Е. М. Юхименко документы канцелярии начальника Олонецких заводов свидетельствуют, что работа на заводах не подразумевала пребывание на них выговцев. Основной обязанностью староверов было искать и доставлять руду. Таким образом, приписка к заводам и работа на них не препятствовали выговцам жить по установленным их руководителями правилам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Синайский А. Л. Отношение русской церковной власти к расколу старообрядства в первые годы синодального управления при Петре Великом (1721–1725 г.). СПб., 1895. С. VIII; Русское старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII–XVIII вв. 2-е изд. СПб., 2012. С. 27.
- ² Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 2. № 1102. С. 647–650 (далее – ПСЗ).
- ³ ПСЗ. Т. 5. № 2991. С. 196.
- ⁴ Барсов Н. И. Братья Андрей и Семен Денисовы. Эпизод из истории русского раскола // Православное обозрение. М., 1865. Т. 17. № 6. С. 236; Барсов Е. В. Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII века. (Материалы для истории русского раскола) // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1866. Т. 2. С. 170–171; Любомиров П. Г. Выговское общежительство. Исторический очерк. (С портретом А. Денисова и двумя снимками вида общежительства). М.; Саратов, 1924. С. 34–38; [4: 157], [6: 11], [7: 103–104].
- ⁵ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. С соблюдением его правописания, одинадцатью портретами знаменитых старообрядцев и двумя видами Выговских мужского и женского общежительных монастырей. Спб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1862. С. 113.
- ⁶ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 17 (Собрание Барсова). № 430. Л. 2 (далее – ОР РГБ).
- ⁷ Филиппов И. Указ. соч. С. 114.
- ⁸ Российский государственный архив древних актов. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 4. Кн. 190. Л. 636 (далее – РГАДА).
- ⁹ В начале 1703 года началось строительство Петровского завода при впадении реки Лососинки в Онежское озеро; 23 сентября 1703 года приступили к строительству Повенецкого завода на реке Повенчанке; 29 августа 1705 года начали строить Алексеевский завод на реке Телекиной; в конце 1706 года был заложен Кончезерский завод на реке Викше [1: 57–68].
- ¹⁰ Филиппов И. Указ. соч. С. 114–115.
- ¹¹ Там же. С. 115.
- ¹² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 728 (Библиотека Новгородского Софийского собрания). № 1543. Л. 25–28 (далее – ОР РНБ).
- ¹³ Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой половине XVIII века. СПб., 1909. С. 12.
- ¹⁴ Арсений из-за ссоры с влиятельным жителем Гавушезерского скита бежал в Санкт-Петербург и добровольно явился в Духовную консисторию, изъявив желание поступить в любой православный монастырь. Его показания, сделанные в Канцелярии Синода, содержат ценную информацию о быте староверов Выга.
- ¹⁵ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительства Синода. СПб.: Синодальная типография, 1883. Т. 6: 1726 г. Стб. 388–394.
- ¹⁶ Маркелов Г. В. Выгорецкий Чиновник. СПб., 2008. Т. 2: Тексты и исследование. С. 70.
- ¹⁷ Там же. С. 122–124.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2359. Л. 884.
- ¹⁹ Возможно, это связано с сокращением объемов производства и постепенной приостановкой деятельности заводов, происходившими во второй половине 20-х годов XVIII века. Повенецкий завод, отданный в 1727 году на откуп государственному крестьянину Трофиму Кондратьеву Колчину, работал до 1735 или 1736 года. Петровский завод был закрыт еще раньше, в 1734 году. См.: [1: 192].
- ²⁰ ОР РГБ. Ф. 17 (Собрание Барсова). № 25. Л. 1–10б., 20б.
- ²¹ Там же. № 430. Л. 20б., 3.
- ²² ПСЗ. СПб., 1830. Т. 5: 1713–1719. № 2991. С. 196.

- ²³ Любопытный П. А. Каталог или библиотека староверческой церкви. М.: Типография В. Грачева и комп., 1861. С. 36.
- ²⁴ Смирнов П. С. Указ. соч. С. 351; [7: 70].
- ²⁵ Филиппов И. Указ. соч. С. 115.
- ²⁶ ОР РНБ. Ф. 728 (Библиотека Новгородского Софийского собрания). № 1543. Л. 25.
- ²⁷ Государственный архив Новгородской области. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Д. 433. Л. 3, 39, 50, 55, 71.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2359. Л. 888–893; Д. 2367, ч. 2. Л. 1264–1264об.
- ²⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительству Синода. СПб., 1883. Т. 6: 1726 г. Стб. 392.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глаголова А. П. Олонецкие metallurgical factories under Peter I // Исторические записки. 1950. Вып. 35. С. 170–198.
- Данков М. Ю. «Русский Север – Terra incognita»? О карельских маршрутах первопроходцев к Белому морю в XV – XVIII vv. // История в подробностях. М., 2011. № 1 (7). С. 6–17.
- Русское старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII–XVIII vv. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2012. 312 с.
- Соколовская М. Л. Северное раскольничество общежительство первой половины XVIII века и структура его земель // История СССР. 1978. № 1. С. 157–167.
- Устинова И. А. Русское государство и православная церковь в X – начале XX в.: Учеб. пособие. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. 216 с.
- Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. I. 544 с.
- Сраммей Р. О. The Old Believers and the World of antichrist. The Vyg Community and the Russian State, 1694–1855. Madison, Milwaukee, and London: The University of Wisconsin press, 1970. XX, 258 p.

Staritsyn A. N., Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

RELATIONSHIP OF THE VYG-LEKSA COMMON COMMUNITY WITH THE STATE IN THE FIRST QUARTER OF THE EIGHTEENTH CENTURY

The state policy towards the Old Believers in the early XVIII century acquired a pragmatic character, which allowed the largest northern community of the Old Believers to legalize its settlement. On the basis of the Vyg charters and documents of official character, an attempt is made for the first time to study the principles of communication between the Vyg settlement and the outside world represented by the state. In order to avoid persecution and devastation of their settlement the leaders of the Vyg community made a compromise with the state authorities. The decisive moment in the implementation of the Old Believers' plans for their community legalization was a good geographical location of the Vyg common community, which neighbored the area where strategically important factories were built and iron ore and copper deposits were developed. The article discusses the issues of how the Vyg community members positioned themselves before the secular authorities, and what structures within their organization they had to create. It is emphasized that the creation of the zemstvo system of administration was the result of the forced contact with the outside world. The desires to preserve their faith and survive in the new conditions were the main motivations of the Old Believers.

Key words: Old Belief, public policy, common community, zemstvo administration

REFERENCES

- Глаголова А. П. Олонецкие metallurgical plants under Peter I. *Istoricheskie zapiski*. 1950. Issue 35. P. 170–198. (In Russ.)
- Данков М. Ю. «Russian North – terra incognita»? Karelian routes of pioneers to the White Sea between the XV and the XVIII centuries. *Istoriya v podrobnostyakh*. Moscow, 2011. No 1 (7). P. 6–17. (In Russ.)
- Russian Old Believers: secular and ecclesiastical legislation of the seventeenth and the eighteenth centuries. St. Petersburg, 2012. 312 p. (In Russ.)
- Соколовская М. Л. Northern schismatic common community in the first half of the eighteenth century and the structure of its lands. *Istoriya SSSR*. 1978. No 1. P. 157–167. (In Russ.)
- Устинова И. А. *Russian state and the Orthodox Church between the X and the early XX centuries: Textbook*. Moscow, St. Petersburg, 2012. 216 p. (In Russ.)
- Юхименко Е. М. The Vyg Old Believers' hermitage: spiritual life and literature. Moscow, 2002. Vol. I. 544 p. (In Russ.)
- Сраммей Р. О. The Old Believers and the World of Antichrist. The Vyg Community and the Russian State, 1694–1855. Madison, Milwaukee, and London, 1970. XX, 258 p.

Поступила в редакцию 07.08.2018

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал ФИЦ «Кольский научный центр РАН» (Апатиты, Российская Федерация)

irinarazumova@yandex.ru

ОЛЕСЯ АНАТОЛЬЕВНА СУЛЕЙМАНОВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал ФИЦ «Кольский научный центр РАН» (Апатиты, Российская Федерация)

sul-olesya@yandex.ru

СААМСКИЕ СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА В «ЭТНИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТЕ» РОССИИ*

Статья посвящена актуальным проблемам, связанным с идентификацией и функционированием виртуальных сетевых сообществ, которые образуют сегмент «этнического Интернета». Авторы исходят из того, что определение онлайн-сообщества как этнического осуществляется не через социальные категории, а путем эмпирического описания содержания, значений и назначения информации. Впервые рассматриваются киберсообщества кольских саамов на материале российской социальной сети «ВКонтакте». Выделяются типы онлайн-групп по их отношению к оффлайн-сообществам и организациям. Определяются функции сетевой коммуникации. Они варьируют в зависимости от статусов участников. Утверждение и трансляция киберэтничности является основной функцией всех типов групп, включая коммерческие. Исследование показало, что виртуальные саамские сообщества репрезентируют традиционную культуру разносторонне, но неравномерно. Результаты свидетельствуют о значительных усилиях саамских активистов, направленных на актуализацию традиционной культуры и ее использование в качестве экономического ресурса. Коммерциализация саамской символики и ее «профанация» вызывают острые дискуссии. Анализ не выявил националистических тенденций. Высокую значимость для сообществ имеют правовые аспекты жизни саамов, проблемы трансляции культурного наследия и социализации саамской молодежи.

Ключевые слова: кольские саамы, социальная сеть, виртуальное сообщество, функции, кибер-этничность, этническая символика

ВВЕДЕНИЕ

Социальные интернет-сети все активнее участвуют во всех сферах жизни общества, включая этническую. Представители этнических групп создают виртуальные объединения с целью поддержания и презентации своей культуры и традиций. Благодаря коммуникациям в социальных сетях компенсируются дефицит реальной территориальной близости и недостаточные возможности оффлайновых социальных институтов для удовлетворения культурных потребностей. Первое особенно важно для дисперсно расселенных этнических групп, второе – для миноритарных культурно-языковых общностей [6], [22]. Согласно современным исследованиям, Интернет не только является инструментом универсализации, но поддерживает культурное разнообразие и способствует укреплению групповой идентичности. Результаты исследований, посвященных позициям малых языков в Интернете, в этом отношении особенно убедительны [12], [13], [14].

Изучение презентации и развития этничности в Интернете («киберэтничности») на сегодняшний день стало одним из актуальных научных направлений. Активно исследуются виртуальные татарские сетевые сообщества [2], [3], [9], [20], рассмотрен процесс формирования бурятской этнической идентичности посредством социальных медиа [18], [19]. Изучаются процессы ревитализации языка и этничности удмуртов в Интернете [14], [23], сетевой дискурс крымско-татарских и осетинских кибергрупп [8], адыгских и абхазских блогеров [17], черкесские веб-ресурсы в различных языковых сегментах [16], [21], формы киберактивности в российском Интернете на гайбаков, немцев [6], квазиэтнической общности «мигранты из Средней Азии» [5].

На фоне расширяющихся исследований киберэтничности и обсуждения проблемы соотношения онлайн- и оффлайн-сообществ представляется проблематичным использование понятий «национальный Интернет», «этнический Интернет». Этнически ориентированные сетевые

информационные ресурсы включаются в более широкую категорию «этнических СМИ». Авторы научного проекта, направленного на выявление современных тенденций развития этнических СМИ, обозначили предмет изучения как

СМИ, выпускаемые на языках этнических групп или на нескольких языках и нацеленные, в первую очередь, на вполне конкретную аудиторию, а именно на представителей данных этнических общинностей, владеющих соответствующими языками [4].

Для целей формального анализа языковой идентификатор вполне оправдан. Он позволяет четко отграничить предметную область, хотя и сужает ее. Менее обоснованным представляется понятие «национальный Интернет», когда оно используется для обозначения «этнически маркированного сегмента» Интернета, или совокупности

сетевых ресурсов, ориентированных в той или иной степени на аудиторию, абсолютную или значительную долю в которой составляют представители одной этнической группы [10: 277].

В работах З. А. Махмутова и Г. Ф. Габдрахмановой, которые обосновывают категорию «национального Интернета», речь идет о сетевых татарских сообществах и в этой связи – о формировании «этнически ориентированной информационной среды в российском обществе» [2: 143]. Под «социальными медиа национального Интернета» исследователи предлагают понимать «веб-ресурсы, созданные для общения представителей преимущественно одной этнической группы» [2: 146]. При такой формулировке получается, что речь идет фактически о «закрытых» виртуальных сообществах, причем языковой ограничитель в определение не включается. В опубликованной ранее работе, посвященной развитию лингвистической составляющей веб-ресурсов, З. А. Махмутов и Б. В. Орехов использовали в качестве синонимов понятия «национальный Интернет» и «миноритарный Интернет». По мнению авторов, к этой категории должны быть отнесены не только сайты, маркированные каким-либо из этих, то есть миноритарных, языков (лингвистическая часть миноритарного Интернета), но и сайты, содержащие этнокультурный компонент (этнокультурная часть миноритарного Интернета) [11: 190].

Мы исходим из того, что атрибуция веб-ресурса как «этнического» осуществляется не через социальные категории «общность» (языковая, культурная или иная), «группа», «аудитория» и т. п., а путем соотнесения с эмпирически описываемыми элементами содержания, значениями и назначением информации. Этническая идентификация сайта, портала, кибергруппы происходит главным образом по названию, языку, декларируемой цели и контенту, на основании которого можно делать выводы о смысловом (идейном)

наполнении и функциях. В частности, для выделения этнических веб-сообществ крашен Э. И. Шарафиев использовал два основных критерия: «позиционирование этнической идентичности (крашенские)» и «специализированность на освещении разных сторон жизни (истории, культуры, современного положения) общности крашен» [20: 69]. Общими признаками разнообразных татарских веб-сообществ Д. Р. Гимадеева считает «доминирование консервативных устоеv, апеллирование к истории, направленность на традиции, конструирование идеи “особости” татарского этноса» [3: 281], то есть речь также идет об идейно-содержательных аспектах коммуникации.

Применение конструктивистской методологии к изучению виртуальных этносообществ не отрицает признания их социальности. К социальным метафункциям таких сообществ относятся развитие этническости посредством этноформирующих дискурсов [3], [5], [8] и утверждение ценностей определенной культуры. А. П. Глухов и Г. А. Окушова предлагают рассматривать виртуальные этнокомьюнити в качестве социальных «микроинститутов». К функциям сетевых групп этнических диаспор, по мнению исследователей, относятся трансляция национальной культуры, сохранение языковой компетенции; координация деятельности национальных оффлайн-сообществ и анонсирование культурных мероприятий и праздников; «оказание помощи и услуг в области культурной адаптации и правовой легализации, трудоустройства, рекрутинг рабочих рук»; поддержание культурных связей диаспоры с исторической родиной; «эмоциональная терапевтическая поддержка соотечественников и выражение этнической солидарности» [5: 145–148].

Функции киберсообществ опосредованы типом ресурса: в «группах» большей частью проходят информационный обмен и обсуждения, на публичных страницах, особенно созданных государственными и общественными организациями, размещается информация: новостная, документальная, историческая и т. д. Назначение сетевой коммуникации неодинаково для разных категорий участников. В статье З. А. Махмутова и Г. Ф. Габдрахмановой определены типы участников татарских сетевых групп по критериям «интереса» и «типа дискурса» [10: 280–281], которые соответствуют очевидным различиям преследуемых целей.

Исследователи неоднократно отмечали, что функционирование порталов, сайтов, киберсообществ в значительной мере определяется их создателями, администраторами, блогерами, которые «формируют информационный контент паблика, выступают модераторами в дискуссиях, задают правила поведения в сообществе и определяют его функциональные особенности» [10: 289]. В частности, определено, что «видимость

удмуртского языка в социальных сетях вызвана относительно небольшим числом его активистов» [14]. Одним из аспектов влияния киберсреды на этническую реальность является то, что «успешные в киберпространстве этноактивисты становятся значимыми персонами в социальной реальности» [6: 106–107]. С социологической точки зрения в виртуальном пространстве Интернета формируются особые социальные структуры, которые образованы отношениями между модераторами и пользователями веб-сервисов, самими пользователями и между участниками онлайн-сообществ [15: 144]. Изучение этнических кибер-групп среди прочего может выявить наличие этнокультурных особенностей функционирования этой специфической социальной среды.

СААМСКИЕ ГРУППЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

Виртуальные этнические сообщества, фокусирующиеся на культуре саамов, до сих пор не изучались. О. А. Бодровой был выполнен комплексный анализ интернет-ресурсов Мурманской области, нацеленный на описание этнического образа региона. Выяснилось, что ключевые позиции в презентациях занимает саамская символика, активно используемая в качестве туристического бренда [1].

На начальном этапе работы по проекту «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски» мы предприняли функциональный анализ сообществ, связанных с культурой кольских саамов (Мурманская область) в социальной сети «ВКонтакте». Выбор сети обусловлен тем, что на сегодняшний день она является самым посещаемым ресурсом русскоязычного сегмента Интернета, популярность которого постоянно растет¹. Сайт социальной сети «ВКонтакте» является бесплатным ресурсом и поддерживается всеми популярными браузерами на персональных компьютерах и мобильных устройствах [7]. Социальная сеть «ВКонтакте» предоставляет технологические возможности самопрезентации, создания и поддержания коммуникаций с другими пользователями сервиса через механизмы обмена личными сообщениями, комментирования размещенных пользователем текстов и мультимедийных материалов, размещения сообщений на стене пользователя либо в темах в рамках группы. Наряду с возможностью оставлять свои сообщения на стенах, пользователям предлагается комментировать раздел «Обсуждения» групп, а также тексты, фотографии, видеозаписи редакции и других пользователей, размещенные в сообществе, участвовать в голосованиях. Мурманская область в настоящее время находится на втором месте в России по количеству участников этой сети от общей доли населения ре-

гиона – 30,26 %, уступая Санкт-Петербургу, но опережая Москву².

В ходе исследования проанализировано 13 групп в социальной сети «ВКонтакте», тематическая направленность которых связана с презентацией культуры кольских саамов: «Сামъблмэ vkontakte.ru / Саамы вконтакте»³; «Ловозерский НКЦ приглашает»⁴; «Лопари (Саамы)»⁵; «Ловозерский район – о чем молчат другие»⁶; «Кольское саамское радио/КуэллнэгкСамъ радио»⁷; «ООМО “АССОЦИАЦИЯ КОЛЬСКИХ СААМОВ”»⁸; «Фонд саамского наследия и развития»⁹; «Союз Саамов / The Saami Council»¹⁰; «Самънурролмэорганизація “СамъНураш”»¹¹; «Саамская деревня “САМЬ-СЫЙТ”»¹²; «Саамские ножи. Ножи. Ловозеро. Knife. Lovozero»¹³; «Воссоздание поселения древних саамов и создание...»¹⁴; «Саамский костюм: язык, узоры, музыка, сказки»¹⁵. Группы создавались с 2007 по 2017 год, но не во всех случаях удалось выяснить точную дату образования. Определение функциональной направленности веб-сообществ осуществлялось на основе анализа контента (собщений на стенах, обсуждений, вопросов, комментариев) и наблюдения.

По организационному основанию (принадлежности и инициативе создания) можно распределить виртуальные сообщества на несколько типов:

1. Группы, представляющие общественные объединения, организации, фонды, союзы. Они обозначены в названии сообщества: «Общественная организация Мурманской области “Ассоциация кольских саамов”» (138 участников); «Фонд саамского наследия и развития» (36), «Союз Саамов» (72), Мурманская областная молодежная общественная организация саамов «Самъ Нураш» («Саамская молодежь») (503); «Кольское саамское радио» (127 участников). Руководителями и контактными персонами в этом случае являются руководители организаций, в частности Елена Гой и Елена Яковлева – президент и вице-президент Ассоциации кольских саамов, Андрей Данилов, возглавляющий Фонд саамского наследия и развития, Наташа Носова – заместитель председателя и Мария Дугина – председатель Мурманской областной молодежной общественной организации саамов и т. д.

2. Группы, созданные муниципальными учреждениями культурного профиля. Этот тип представляет сообщество «Ловозерский НКЦ приглашает», организованное на базе Муниципального бюджетного учреждения культуры «Ловозерский районный национальный культурный центр» (828 участников). Директор учреждения Т. В. Сечко является организатором группы совместно с Галиной Шебут.

3. Сообщества, созданные благодаря индивидуальным инициативам киберактивистов:

«Саамы вконтакте» (1079 участников); «Лопари (Саамы)» (84); «Ловозерский район – о чём молчат другие» (905 участников). Примечательно, что организатором двух наиболее многочисленных групп выступает саамский общественник Андрей Данилов, он же является одним из самых активных участников большинства рассмотренных веб-сообществ.

4. Группы, созданные коммерческими организациями и частными предпринимателями с рекламной целью: «Саамская деревня “САМЬ-СЫЙТ”» (2163 участника); «Саамские ножи. Ножи. Ловозеро. Knife. Lovozero» (90 участников). «Саамская деревня» – коммерческий проект этнографического музея под открытым небом, который предлагает туристам познакомиться с историей и традиционным бытом саамов. Вторая из названных групп создана индивидуальными предпринимателями Евгением и Анастасией Руциновыми с целью распространения саамских изделий ручной работы.

5. Группы, созданные для обсуждения отдельных культурных инициатив и аспектов культуры: «Воссоздание поселения древних саамов и создание на его базе культурно-просветительского экологического центра» (23 участника); «Саамский костюм: язык, узоры, музыка, сказки» (503 участника). Первая из названных групп, и самая малочисленная, образована ситуативно, с конкретной целью – обсуждения проекта создания инфраструктурного туристического объекта в Ловозерском районе.

В зависимости от типа представительства и целей администраторов складывается конфигурация функций сообщества, среди которых можно определить ведущие на основании контента. В частности, приоритетными задачами групп саамских общественных организаций являются презентация и обсуждение деятельности этих объединений (которые связаны между собой далеко не всегда простыми отношениями), ознакомление с документами, консультирование по различным правовым вопросам, анонсирование мероприятий, конкурсов, информирование об участии в них. Сугубо коммерческие задачи выполняют группа «Саамские ножи...» и сообщество, объединяющееся вокруг туристического предприятия «Саамская деревня». Последнее является самым многочисленным, так как его участниками становятся посетители туристического объекта, которые делятся впечатлениями и выкладывают в сеть фотографии.

Метафункции социальных сетей, ради которых они собственно и создавались, – это общение, налаживание контактов, объединение людей по интересам, вокруг определенной тематики, а также распространение той или иной информации. Несмотря на разную тематическую направленность сетевых сообществ, все они выполняют

ряд общих функций: коммуникативную, интегративную, информационную, развлекательную, самопрезентации и ряд других. Вместе с тем представляется целесообразным определять функции социальных сетей по отношению к статусам членов группы. Организаторы, модераторы, киберактивисты в значительной степени преследуют цели повышения статуса «своих» оффлайн-сообществ, активизации практической культурно-проектной деятельности, просветительские, этнополитические, коммерческие, а также индивидуального пиара. Для других участников и «рядовых» подписчиков сетевые коммуникации в этносообществах служат целям познания, самовыражения, поиска единомышленников в сферах интересов и ценностей, поиска туристических услуг, этноспецифических товаров, обмену впечатлениями и т. д.

Коммуникация, интеграция, обмен информацией, знаниями происходят и внутри саамского сообщества, и за его пределами. Стать участником саамских виртуальных сообществ может любой желающий. В ходе исследования нам не удалось вступить лишь в одну закрытую группу под названием «Похождение Саама Петра по земле Кольской»¹⁶. Вскоре после подачи онлайн-заявки на вступление в группу данное сообщество было удалено. Возможно, заявка не была поддержана по этой причине.

Интегрирующая функция социальных сетей заключается не только в объединении пользователей вокруг определенной тематики, но и в возможности стирать географические границы. «Социальный капитал» группы увеличивается за счет расширения виртуального пространства. Запись на стене сообщества «Самъёллэм вконтакте. ru / Саамы вконтакте», сделанная 28 декабря 2017 года:

Результаты мини переписи говорят о том, что география группы широка. Среди наших участников есть люди и из Берлина, Эстонии, Твери, Иркутска, Москвы, СПб, и конечно же разных уголков Мурманской области. И хочется думать, что география еще шире. Всем, кто принял участие. Шурр пääссыпе. Большое спасибо.

Большое значение для саамов имеют транснациональные связи, особенно с Норвегией. Как указано на странице международной организации «Союза Саамов» в соцсети «ВКонтакте», русскоязычный ресурс был создан по совместному решению членов Союза «для того, чтобы распространять информацию и поддерживать связь между Саамами России, Швеции, Финляндии и Норвегии». Через систему избранных ссылок группы соединяются с другими этноориентированными сообществами, организациями, медиапроектами.

Декларируемая цель киберсообщества и основная оффлайн-аудитория, как правило, обозначаются на странице после названия и вместе с приветствием:

Наша группа призвана объединить саамскую молодежь Кольского полуострова и всех-всех-всех, кто интересуется народом саами. В этой группе мы публикуем всю информацию о саамском мире; Наше общественное объединение было создано для активной популяризации саамской культуры, быта и языка среди саамской молодёжи Кольского полуострова и неравнодушных к саамской культуре! (представление сообщества организации «Самъ Нураш»); Всех, кто причастен к уникальной культуре народов Севера, милости просим стать участниками группы «Ловозерский национальный культурный центр приглашает»; группа только для саамов и для тех кому интересна саамская культура! (представление группы «Саамы вконтакте», пунктуация оригинала сохранена) и т. п.

Таким образом, культура саамов одновременно предстает и в самоценности, и включенной в более широкую общность «народов Севера», в других случаях – в финно-угорскую общность, позиционируясь в качестве открытой для всех «интересующихся» и «причастных». Группа «Ловозерский район – о чём молчат другие» декларируется как «независимая группа земляков». Локальная идентификация здесь объединяется с этнической. Ловозеро считается и провозглашается «столицей кольских саамов», что принимается уже по умолчанию.

Утверждение и трансляция киберэтничности является основной функцией всех типов групп, исключая рекламно-коммерческие, для которых она также необходима. Цель достигается через актуализацию родного языка, фольклорно-мифологических сюжетов и образов, ландшафтных, растительных и животных символов (неоспоримое первое место занимает олень), элементов материальной культуры и других известных идентификаторов, которые активно «обыгрываются» на страницах виртуальных сообществ.

В большинстве из рассмотренных виртуальных «саамских» групп (исключения – «Саамские ножи...» и «Воссоздание поселения древних саамов...») в контенте используются номинации, идиомы, высказывания на саамском и русском языках. Дублируются на саамский язык названия сообществ, приветствия, прощания, благодарности, обращения администраторов, отдельные ключевые высказывания. Демонстрационная роль языка является главной, но не единственной. Сообщества предоставляют возможности для изучения родного языка. В них открыты разного рода обсуждения значений имен, топонимов, мифологической лексики, идиоматики и т. д. Используются аудиозаписи с саамскими

разговорниками, выкладываются фотоальбомы с картинками на саамском языке (рис. 1).

Не менее значимым маркером этнической идентичности являются элементы материальной культуры. Во всех тринадцати рассмотренных группах особое внимание уделяется вопросам, связанным с материальной культурой саамов. Контент одной из них – «Саамский костюм: язык, узоры, музыка, сказки» – полностью посвящен саамскому костюму во всем его разнообразии. На странице сообщества обсуждаются вопросы начиная от истории традиционного саамского костюма и заканчивая особенностями его пошива. Группа обладает богатым визуальным этнографическим материалом по этнической материальной культуре. В ней собраны 16 альбомов с изображениями элементов саамского костюма, в том числе из коллекций Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге и Мурманского областного краеведческого музея. К сожалению, далеко не все из представленных фотоматериалов имеют надписи или комментарии.

В саамских виртуальных группах актуальным, более того, наболевшим вопросом является использование этнической символики в целях пиара и коммерческих. Например, на стене группы «Фонд саамского наследия и развития» 3 октября 2018 года опубликована статья из газеты «Комсомольская правда» с громким названием – «Не убивайте культуру: саами Заполярья борются против подделок». В статье сообщается, что саами Мурманской области проводят акцию против неаккуратного использования элементов их культурного наследия. Сущность претензии состоит в том, что в коммерческих целях элементы саамской культуры упрощаются или используются лишь в обобщенных значениях и формах, что приводит к искаженному восприятию и формированию ложного этнического образа. Особенно

Рис. 1. Имена с переводом на саамский язык. Опубликовано на стене сообщества «Самънурролмэ организація «СамъНураш»...» 1 ноября 2014 года

Рис. 2. «Саами Заполярья борются против подделок». Опубликовано на стене сообщества «Фонд саамского наследия и развития» 3 октября 2018 года

недовольны активисты использованием саамской символики в сфере туризма. Они убеждены, что сувениры с саамской символикой, активно реализуемые коммерческими организациями, также искажают традиционные саамские символы. Как сообщается в источнике «Саамская деревня. «САМЬ-СЫЙТ»», единственное учреждение, представители которого пошли на контакт и извинились за некорректное использование саамской символики, это кафе «Юность» в Мурманске. В нем продавали пряники под названием «Саамка» (рис. 2). Саамы возмутились, сочтя это неуважением к саамским женщинам, которых никто так не называет (по устному объяснению одного нашего информанта-саами, по-русски это звучит как «самка»). В итоге пряник переименовали в «Северянку».

В сообществах поднимаются вопросы, связанные с историей саамского народа. История воспроизводится через упоминание и обсуждение конкретных исторических фактов, в частности подвига оленных батальонов в годы Великой Отечественной войны, а также путем демонстрации старых фотографий, материалов семейных архивов. Достаточно места отводится традиционным праздникам саамов: как этнографической

информации, так и обсуждению возможностей их реконструкции.

В целом исследование показало, что виртуальные сообщества, позиционирующие себя как саамские, полифункциональны и способствуют социальной коммуникации и интеграции на разных уровнях – территориальном, этническом, межнациональном, межинституциональном, межличностном. Текстовый, аудио- и визуальный контент разносторонне, хотя и неравномерно, демонстрирует традиционный этнокультурный комплекс и систему современных представлений о нем, а также свидетельствует о значительных усилиях саамской общественности по актуализации традиционной культуры и использованию ее в качестве экономического ресурса. Наиболее острый дискуссии вызывают коммерциализация саамской символики и ее «профанация». Анализ контента не выявил дискурсивных или реализуемых иными способами националистических тенденций. Отсутствует выраженная политизированность. Тематика обсуждений свидетельствует о высокой значимости правовых аспектов жизни саамов, проблем актуализации культурного наследия и социализации саамской молодежи.

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ по проекту № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

ПРИМЕЧАНИЯ

- Глобальная статистика Интернета / Рейтинг социальных сетей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gs.seo-auditor.com.ru/socials/> (дата обращения 10.10.2018).
- Социальные сети в России, лето 2017: цифры и тренды [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://blog.br-analytics.ru/sotsialnye-seti-v-rossii-leto-2017-tsifry-i-trendy/> (дата обращения 01.10.2018).
- Сāмъбллмэ vkontakte.ru / Саамы вконтакте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/club932308> (дата обращения 05.10.2018).
- Ловозерский НКЦ приглашает [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/club65256797> (дата обращения 05.10.2018).
- Лопари (Саамы) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/club5798871> (дата обращения 05.10.2018).

- ⁶ Ловозерский район – о чем молчат другие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/lujvrr1> (дата обращения 05.10.2018).
- ⁷ Кольское саамское радио / КуэллнэгкСамь радио [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/public105618693> (дата обращения 05.10.2018).
- ⁸ ООМО «АССОЦИАЦИЯ КОЛЬСКИХ СААМОВ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/oomo_aks (дата обращения 05.10.2018).
- ⁹ Фонд саамского наследия и развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/foundsami> (дата обращения 05.10.2018).
- ¹⁰ Союз Саамов / The Saami Council [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/saamicouncil> (дата обращения 05.10.2018).
- ¹¹ «Самънурролмэрганизація “СамъНураш”» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/saminurash> (дата обращения 05.10.2018).
- ¹² «Саамская деревня “САМЬ-СЫЙТ”» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/lovozero51> (дата обращения 05.10.2018).
- ¹³ Саамские ножи. Ножи. Ловозеро. Knife. Lovozero [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/samiknife> (дата обращения 05.10.2018).
- ¹⁴ «Воссоздание поселения древних саамов и создание...» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/club141716986> (дата обращения 05.10.2018).
- ¹⁵ «Саамский костюм: язык, узоры, музыка, сказки» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/saamskij_kostjum (дата обращения 05.10.2018).
- ¹⁶ Похождение Саама Петра по земле Кольской [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/saampetr> (дата обращения 05.10.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрова О. А. Этнокультурная специфика Кольского Севера в интернет-дискурсе // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. Вып. 6. С. 71–86.
- Габдрахманова Г. Ф., Махмутов З. А. Национальный Интернет в России: к постановке проблемы // Oriental Studies (Вестник Калмыцкого научного центра РАН). 2018. № 3 (37). С. 142–151 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-142-151> (дата обращения 10.10.2018).
- Гимадеева Д. Р. Татарские сетевые группы как вид этнических сообществ // Культура. Духовность. Общество. 2012. № 1. С. 277–282 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_20364239_61326424.pdf (дата обращения 11.10.2018).
- Гладкова А. А., Кульчицкая Д. Ю., Лазутова Н. М., Черевко Т. С. Современное состояние и тенденции развития этнических СМИ России (телевидение, радио, пресса, Интернет) // Медиаскоп. 2016. Вып. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2116> (дата обращения 11.10.2018).
- Глухов А. П., Окушова Г. А. Российские мигранты из стран Центральной Азии: цифровизация идентичности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 139–161.
- Головнев А. А., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100–108.
- Дьяченко О. Методика исследования сообществ российских СМИ в социальной сети «Вконтакте» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://mediaalmanah.ru/files/57/4.13\(1\)_djachenko.pdf](http://mediaalmanah.ru/files/57/4.13(1)_djachenko.pdf) (дата обращения 13.10.2018).
- Ключко Е. И. Социально-интегративные аспекты дискурсивных практик националистических Интернет-сообществ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-integrativnye-aspekti-diskursivnyh-praktik-natsionalisticheskikh-internet-soobschestv> (дата обращения 03.10.2018).
- Махмутов З. А. Языковой ландшафт татарского Интернета. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ: Артифакт, 2015. 36 с.
- Махмутов З. А., Габдрахманова Г. Ф. Особенности этнической идентичности виртуальных татарских сообществ в социальной сети Вконтакте // Историческая этнография. 2016. Т. 1. № 2. С. 276–292 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-traditsiy-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-sotsiokulturnyy-analiz-na-primerе-yamalo-nenetskogo-avtonomnogo-okruga> (дата обращения 10.10.2018).
- Махмутов З. А., Орехов Б. В. Методологические и практические аспекты изучения национальных Интернетов в России // Русский язык и новые технологии: Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 189–199.
- Орехов Б. Саморепрезентация сообществ, говорящих на национальных языках России // Интернет по ту сторону цифр: Сб. ст. конф. 23–24 мая 2017 г. (Москва). М.: Издательские решения: Ридеро, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/1De072kgQEwbtLeLa0j3O1OyvWmKduALk/view> (дата обращения 0.10.2018).
- Пишлётгер К. Бесермяне в интернете: социальные сети как шанс для сохранения родного языка? // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Самара, 2013. С. 216–219.
- Пишлётгер К. Удмуртский язык в интернете: между активизмом и нормализацией // Интернет по ту сторону цифр: Сб. ст. конф. 23–24 мая 2017 г. (Москва). М.: Издательские решения: Ридеро, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/1De072kgQEwbtLeLa0j3O1OyvWmKduALk/view> (дата обращения 10.10.2018).
- Рыков Ю. Г. Сетевое неравенство и структура онлайн-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 4. С. 144–156.

16. Тлехурай З. А. Сайты черкесов диаспоры как источник по изучению этнической идентичности // Вестник Южного научного центра. 2013. Т. 9. № 3. С. 139–145.
17. Трапиш Н. А. «Войны памяти» в виртуальном пространстве: региональная история XIX столетия в сетевом дискурсе адыгских и абхазских блогеров // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. 2015. № 4 (8). С. 141–145.
18. Ханхунова М. Ю. Этнические традиции в коммуникативном пространстве // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14. С. 132–137.
19. Ханхунова М. Ю., Чойропов Ц. Ц. Социальные медиа как инструмент формирования этнической идентичности // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2013. № 2 (41). С. 168–177.
20. Шарапов Э. И. К вопросу о виртуальных сообществах татар-крышан в социальной сети Вконтакте как источник исторической информации // Крышанская историческая обзорная. 2017. № 2. С. 66–76.
21. Цибенков В. В., Цибенкова С. Н. Чеченские веб-ресурсы: структурные особенности, динамика развития, содержательные аспекты // Научная мысль Кавказа. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/cherkesskie-web-resursy-strukturnye-osobennosti-dinamika-razvitiya-soderzhatelnye-aspekty> (дата обращения 01.10.2018).
22. Pischlöger S. Udmurtness in Web 2.0: Urban Udmurts Resisting Language Shift. *Finnisch Ugrische Mitteilungen*. 2014. № 38. P. 143–162.
23. Tánczos O. Identity Construction in an Udmurt Daily Newspaper. (R. Grünthal, M. Kovács, Eds.). *Ethnic and linguistic context of identity: Finno-Ugric minorities*. Helsinki, 2011. P. 321–340.

Razumova I. A., Barents Centre of the Humanities – the Branch of the Federal Research Centre
“Kola Science Centre of the Russian Academy Sciences” (Apatity, Russian Federation)

Suleymanova O. A., Barents Centre of the Humanities – the Branch of the Federal Research Centre
“Kola Science Centre of the Russian Academy Sciences” (Apatity, Russian Federation)

THE SAMI NETWORK COMMUNITIES IN THE “ETHNIC” INTERNET IN RUSSIA*

The article deals with the topical problems associated with the identification and functioning of virtual network communities that form the segment of the “ethnic Internet”. The authors believe that an online community is defined as an ethnic one not through social categories, but through an empirical description of the content, meaning and purpose of information. For the first time, we consider the Kola Sami cyber communities on the material of the Russian social network VKontakte. The types of online groups are identified by their relation to offline communities and organizations. The functions of network communication are defined. They vary depending on the status of the participants. The adoption and transmission of cyber-ethnicity is the core function of all types of groups, including commercial ones. The study showed that virtual Sami communities represent traditional culture in many ways, but unevenly. The results show the significant efforts of the Sami activists aimed at the actualization of traditional culture and its use as an economic resource. The commercialization of Sami symbolism and its “profanity” cause heated debate. The analysis did not reveal nationalist tendencies. The legal aspects of Sami life, the problems of the cultural heritage transmission and the socialization of the Sami youth are of high importance for the communities.

Key words: Kola Sami, social network, virtual community, functions, cyber-ethnicity, ethnic symbolism

* The article was supported by the RFBR grant for the project No 18-05-60040 “New technologies and social institutions of the indigenous population of the Russian Arctic: opportunities and risks”.

REFERENCES

1. Bodrova O. A. The ethnocultural specificity of the Kola North in the Internet discourse. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniya*. 2014. Issue. 6. P. 71–86. (In Russ.)
2. Gabdrakhmanova G. F., Makhamutov Z. A. National Internet of Russia: problem statement revisited. *Oriental Studies (Vestnik Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN)*. 2018. No 3 (37). P. 142–151. Available at: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-142-151> (accessed 10.10.2018). (In Russ.)
3. Gimadeyeva D. R. Tatar network groups as a kind of ethnic communities. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*. 2012. No 1. P. 277–282. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_20364239_61326424.pdf (accessed 11.10.2018). (In Russ.)
4. Gladkova A. A., Kulchitskaya D. Yu., Lazutova N. M., Cherevko T. S. The current state and development trends of ethnic media in Russia (television, radio, press, Internet). *Mediaskop*. 2016. Issue 2. Available at: <http://www.media-scope.ru/?q=node/2116> (accessed 11.10.2018). (In Russ.)
5. Glukhov A. P., Okushova G. A. Russian migrants from Central Asia: identity digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2017. No 37. P. 139–161. (In Russ.)
6. Golovnev A. A., Belorussova S. Yu., Kissner T. S. Web ethnography and cyber ethnicity. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2018. No 1 (58). P. 100–108. (In Russ.)
7. Dyachenko O. Research methods for Russian media communities in the VKontakte social network. Available at: [http://mediaalmanah.ru/files/57/4.13\(1\)_djachenko.pdf](http://mediaalmanah.ru/files/57/4.13(1)_djachenko.pdf) (accessed 13.10.2018). (In Russ.)
8. Klyuchko E. I. Socio-integrative aspects of the discursive practices of nationalist Internet communities. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2016. Vol. 16. No 2. Available at: <https://>

- cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-integrativnye-aspeky-diskursivnyh-praktik-natsionalisticheskikh-internet-soobschestv (accessed 3.10.2018). (In Russ.)
9. Makhamutov Z. A. The language landscape of the Tatar Internet. Kazan, 2015. 36 p. (In Russ.)
 10. Makhamutov Z. A., Gabdrakhmanova G. F. Features of the ethnic identity of virtual Tatar communities in the social network VKontakte. *Istoricheskaya etnologiya*. 2016. Vol. 1. No 2. P. 276–292. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sorhanenie-traditsiy-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-sotsiokulturnyy-analiz-na-primere-yamalo-nenetskogo-avtonomnogo-okruga> (accessed 10.10.2018). (In Russ.)
 11. Makhamutov Z. A., Orekhov B. V. Methodological and practical aspects of studying national Internet in Russia. *Russkiy jazyk i novye tekhnologii*. Moscow, 2014. P. 189–199. (In Russ.)
 12. Orekhov B. . Self-representation of communities speaking the national languages of Russia. *Internet po tu storonu tsifr: Sb. st. konf. 23–24 may 2017 g. (Moskva)*. Moscow, 2018. Available at: <https://drive.google.com/file/d/1De072kgQEwbtLeLa0j3O1OyvWmKduALk/view> (accessed 10.10.2018). (In Russ.)
 13. Pischlöger K. The Beserman on the Internet: social networks as a chance to save the native language? *Problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya v Uralo-Povolzh'e: istoriya i sovremennost'*. Samara, 2013. P. 216–219. (In Russ.)
 14. Pischlöger K. The Udmurt language on the Internet: between activism and normalization. *Internet po tu storonu tsifr: Sb. st. konf. 23–24 may 2017 (Moskva)*. Moscow, 2018. Available at: <https://drive.google.com/file/d/1De072kgQEwbtLeLa0j3O1OyvWmKduALk/view> (accessed 10.10.2018). (In Russ.)
 15. Rykov Yu. G. Network inequality and the structure of online communities. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2015. Vol. XVIII. No 4. P. 144–156. (In Russ.)
 16. Tlekhurai Z. A. Circassian diaspora websites as a source for studying ethnic identity. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra*. 2013. Vol. 9. No 3. P. 139–145. (In Russ.)
 17. Trapsh N. A. “Memory wars” in virtual space: the regional history of the XIX century in the network discourse of Adyghe and Abkhaz bloggers. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. Nauchno-teoreticheskiy zhurnal*. 2015. No 4 (8). P. 141–145. (In Russ.)
 18. Kankhunova M. Yu. Ethnic traditions in the communicative space. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No 14. P. 132–137. (In Russ.)
 19. Kankhunova M. Yu., Choyropov Ts. Ts. Social media as a tool of ethnic identity formation. *Vestnik Vostochno-Sibirsogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologiy i upravleniya*. 2013. No 2 (41). P. 168–177. (In Russ.)
 20. Sharafiev E. I. Virtual communities of the Tatar Kryashens in the social network VKontakte as a source of historical information. *Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie*. 2017. No 2. P. 66–76. (In Russ.)
 21. Tsibenko V. V., Tsibenko S. N. Circassian web resources: structural features, dynamics of development, content aspects. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2015. No 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/cherkesskie-veb-resursy-strukturnye-osobennosti-dinamika-razvitiya-soderzhatelnye-aspeky> (accessed 01.10.2018). (In Russ.)
 22. Pischlöger S. Udmurtness in Web 2.0: Urban Udmurts Resisting Language Shift. *Finnisch Ugrische Mitteilungen*. 2014. No 38. P. 143–162.
 23. Tánczos O. Identity Construction in an Udmurt Daily Newspaper. (R. Grünthal, M. Kovács, Eds.). Ethnic and linguistic context of identity: Finno-Ugric minorities. Helsinki, 2011. P. 321–340.

Поступила в редакцию 15.11.2018

Международная научно-практическая конференция**«КАРЕЛИЯ – ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН РОССИИ В XX–XXI ВЕКАХ.
КАРЕЛИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»**

7–8 июня 2019 года
Петрозаводский государственный университет
Институт истории, политических и социальных наук

Конференция проводится в рамках подготовки к 100-летию образования карельской государственности в 2020 году и организована в три этапа:

1. Формирование и становление карельской государственности (июнь, 2018 г.)
- 2. Карелия в годы Второй мировой войны (июнь, 2019 г.)**
3. Карелия во второй половине XX – начале XXI века (июнь, 2020 г.)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ:

1. Пленарное заседание «Карелия – приграничный регион СССР/России в годы Второй мировой войны: актуализация исторического наследия и перспективы развития».
2. Северо-Запад в начальный период Второй мировой войны 1939 – июнь 1941 г.
3. Боевые действия и партизанское движение на Карельском фронте.
4. Вклад советского тыла в победу на Карельском фронте.
5. Человек на войне.
6. Народы СССР на Карельском фронте.
7. Поисковое движение в Карелии: история и современность.
8. Круглый стол «Проблемы исторической памяти о войне».

К участию в конференции приглашаются историки, экономисты, политологи, этнологи, лингвисты, культурологи, архивисты, все заинтересованные в обсуждении актуальных проблем изучения истории Карелии в военные годы.

ФОРМЫ УЧАСТИЯ В КОНФЕРЕНЦИИ:

- пленарный доклад;
- выступление на секционном заседании;
- выступление/участие в обсуждении на круглом столе;
- заочное участие.

Рабочие языки конференции – русский, английский.

По результатам работы конференции часть докладов будет опубликована в журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» (Перечень ВАК). Статьи, не вошедшие в журнал, будут включены в тематический сборник международных научно-практических конференций «Карелия – приграничный регион России в XX – XXI вв.» (РИНЦ).

Для участия в конференции необходимо направить заявку на адрес оргкомитета:

185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 307а,
кафедра отечественной истории
или на электронный адрес: Repukhova@yandex.ru

CONTENTS

Editorial note	7	International research-to practice conference
		“Projects of Peter the Great. The Role of the “Tsar’s Road” in Russian History and Culture”
ARCHEOLOGY		
<i>Vasilyeva T. A.</i>		
ANCIENT POTTERY PRODUCTION TECHNOLOGY IN NEOLITHIC KARELIA	8	<i>Megorsky B. V., Pashkov A. M.</i>
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH		VASILIY PETROVICH MEGORSKY AS THE SCHOLAR OF THE PETRINE PERIOD
<i>Pigin A. V.</i>		70
WRITINGS ABOUT ST. ALEXANDER OF OSHEVENSK IN MANUSCRIPTS FROM MONASTERIES, CHURCHES AND DOMESTIC LIBRARIES OF THE KARGOPOL LAND	18	<i>Kozhevnikova Yu. N.</i>
<i>Kamenev E. V.</i>		“MONASTIC” LAWS OF PETER THE GREAT AND MONASTICISM IN THE OLONETS COUNTY IN THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY
THE UNION OF PROSPERITY AS A “PARTY OF A NEW TYPE”(CONNOTATIVE MEANINGS IN M. V. NECHKINA’S MONOGRAPH <i>THE DECEMBERIST MOVEMENT</i>)	25	81
<i>Osipov A. Yu.</i>		<i>Melnov A. V.</i>
THE CONTEMPORARY ISSUES OF HISTORIOGRAPHY OF ECOTOURISM	33	THE GREAT NORTHERN WAR IN LADOGA KARELIA (1700–1710): WAR AND LOCAL POPULATION
<i>Popov S. A.</i>		85
SOURCES FOR STUDYING THE LITERACY OF PEASANT OFFICIALS IN THE KOMI REGION IN THE LAST QUARTER OF THE XIX CENTURY ..	41	<i>Ruzhinskaya I. N.</i>
<i>Smirnova N. V., Banit S. V.</i>		RELIGIOUSITY OF PETER THE GREAT IN THE CONTEXT OF A VITAL SITUATION
GALINA TYUN AND THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN INDONESIAN STUDIES	48	94
RUSSIAN HISTORY		<i>Petrova M. I.</i>
<i>Popov A. D., Romanko O. V.</i>		PETER THE GREAT’S ASSOCIATE VILLIM HENNIN AND HIS ESTATE OF ASILA IN THE HIITOLA POGOST OF THE KEXHOLM COUNTY (UEZD)
MONUMENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR DURING THE LATE SOVIET PERIOD: VARIETY OF SOCIAL FUNCTIONS AND PRACTICES	55	101
<i>Abukov S. N.</i>		<i>Staritsyn A. N.</i>
THE REASONS AND CIRCUMSTANCES OF THE FORCIBLE TONSURE OF RURIK ROSTISLAVICH ..	63	RELATIONSHIP OF THE VYG-LEKSA COMMON COMMUNITY WITH THE STATE IN THE FIRST QUARTER OF THE EIGHTEENTH CENTURY
		108
		ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY
		<i>Razumova I. A., Suleymanova O. A.</i>
		THE SAMI NETWORK COMMUNITIES IN THE “ETHNIC” INTERNET IN RUSSIA
		114
		Scientific information
		123